

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ БЕЛДЗЯРЖУНІВЕРСІТЭТА
ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

УСЕБЕЛАРУСКАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ ГІСТОРЫКАЎ

Гістарычная навука і гістарычная адукацыя
у Рэспубліцы Беларусь
(новыя канцэпцыі і падыходы)

Мінск, 3-5 лютага 1993 года

Т э з і с ы
дакладаў і паведамленняў

Ч а с т к а І І
СУСВЕТНАЯ ГІСТОРЫЯ

Мінск, 1993

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ БЕЛДЗЯРЖУНІВЕРСІТЭТА
ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

**У С Е Б Е Л А Р У С К А Я К А Н Ф Е Р Э Н Ц Ы Я
Г І С Т О Р Ы К А У**

*Гістарычная навука і гістарычная адукацыя
у Рэспубліцы Беларусь
(новыя канцэпцыі і падыходы)*

Мінск, 3-5 лютага 1993 года

Т э з і с ы
дакладаў і паведамленняў

**Ч а с т к а І І
С У С В Е Т Н А Я Г І С Т О Р Ы Я**

Мінск, 1993

Тэзісы дакладаў і паведамленняў друкуюцца ў большай частцы у тым выглядзе, у якім яны прадстаўлены аўтарамі. Толькі ў асобных выпадках, улічваючы абмежаваны аб'ём выдання, тэзісы скарачаны ці адрэдагаваны там, дзе гэта было асабліва неабходна.

Аргкамітэт

Рэдакцыйная калегія:

У. С. Кошалеў (адказны рэдактар), І. В. Аржахоўскі,
А. П. Салькоў, В. А. Фядосік

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
1993

П. А. Ш у п л я к

*Праблемы гістарычнай адукацыі ў ВНУ
Рэспублікі Беларусь*

1. На працягу дзесяцігоддзяў гістарычная адукацыя ў Беларусі знаходзілася ў такіх абставінах, калі яе галоўнай задачай в'яўлялася ідэалагічнае абгрунтаванне камуністычнага ладу і ваканамернасці яго перамогі ў будучым ва ўсім свеце. Другая задача, якая выцякала з першай, заключалася ў выкрыцці ўсіх ідэалагічных плыняў і тэорый, што супрацьстаялі камуністычнай, ці не адпавядалі ёй у найбольш прынцыповых палажэннях, як антынародных і супярэчашчых інтарэсам тых дзяржаў і народаў, сярод якіх яны праяўляліся і дзейнічалі. Адсюль выцякаў і крытэры аб'ектыўнасці. Адыход ад вышэйазначаных задач, разглядаўся як адыход ад аб'ектыўных аданак, як спаўванне на буржуазныя ці ва ўсякім разе рэфармісцкія пазіцыі.

2. Асабліва цяжкае становішча складалася з вывучэннем гісторыі Беларусі. Ва ўмовах таталітарнага рэжыму, які імкнуўся стварыць бязлікую супольнасць у выглядзе так званага "адзінага савецкага народа" нацыянальная гісторыя не магла займаць вядучага месца ў сістэме гістарычнай адукацыі рэспублікі. На працягу дзесяцігоддзяў яна не з'яўлялася самастойнай дысцыплінай, а вывучалася ў рамках курсаў, звязаных з асаблівасцямі краю ці рэспублікі, і па колькасці гадзін значна ўступала курсу гісторыі КПСС. Ажыццяўлялася вульгарна-сацыялагічнае скажэнне гісторыі Беларусі, вымываўся яе палітычны і культурны змест. Панаваў тэзіс аб бездзяржаўнасці беларусаў да 1919 г., замоўчваліся цэлыя пласты гістарычных падзей, зневажаліся дзеячы нацыянальна-вызваленчага руху, прыніжаліся культурныя дасягненні мінулага, гіпертрафіравана раздуваліся і лакіраваліся падзеі савецкага перыяду гісторыі. Усё гэта мела на мэта не дапусціць фарміравання ў беларускага народа разумення сябе як самастойнай асобнай нацыі, этнасу на працягу многіх стагоддзяў савецкага перыяду, пазбавіць яго пачуцця нацыянальнай годнасці і патрыятызму.

3. Пад цяжарам марксісцка-ленінскай метадалогіі скажона і аднабакова выкладалася і ўсеагульная гісторыя. Распадарыў так званы класавы прынцып у ацэнцы падзей, поўнасю адваргаліся па-

дыходы, якія базіраваліся на агульначалавечых каштоўнасцях. Карціна развіцця грамадства з часу яго ўзнікнення і да нашых дзён інтэрпрэтавалася толькі такім чынам, каб пацвердзіць і праілюстраваць пануючы погляд на гэты працэс. Усё, што не ўваходзіла ў азначаныя рамкі, ігнаравалася ці аб'яўлялася варожым інтарэсам працоўных і прагрэсу чалавецтва.

Дамінуючы пазіцыі ў навучальным працэсе на гістарычных факультэтах належылі двом дысцыплінам - гісторыі КПСС і гісторыі СССР. Гісторыя КПСС адносілася да катэгорыі недатыкальных і валодала манопольным правам палітычных ацэнак гістарычных падзей, якія не маглі быць пастаўлены пад сумненне нікім з гісторыкаў. Гісторыя СССР, абвешчаная ў якасці аічыннай для многіх народаў, была стрыжнем навучальнага працэсу па колькасці гадзін і зводзілася ў асноўным да вывучэння расійскай гісторыі.

Гэтая, толькі ў агульных рамках акрэсленая мадэль вышэйшай гістарычнай адукацыі Беларусі, была на справе не столькі сістэмай навучання, колькі часткай механізму ідэалагічнай работы КПСС, якая мела мэтай фарміраванне у мільёнаў маладых людзей светлагляду, які адпавядаў бы палітыцы партыі.

4. Крах таталітарнага рэжыму, уступленне Беларусі на шлях самастойнага развіцця паставілі перад беларускімі гісторыкамі велізарныя па аб'ёму і надзвычай складаныя і цяжкія для выканання задачы. Нацыянальны суверэнітэт патрабуе свайго адэкватнага і рэальнага ажыццяўлення не толькі ў палітыцы і эканоміцы, але і ў сферы духоўнага і культурнага жыцця, уключаючы такую спецыфічную галіну, як навука і адукацыя. Гэты працэс павінен развівацца ў напрамку памнажэння намаганняў, накіраваных на развіццё нацыянальнай культуры ў агульным кантэксце сучаснай цывілізацыйнай плыні, залежнасць якой ад навукі і адукацыі ўпэўнена пацверджана ўсім шляхам гістарычнага развіцця канца XIX - XX ст. ст.

Асаблівая роля ў справе станаўлення і умацавання нацыянальнага суверэнітэту Беларусі ў сферы духоўнага і культурнага жыцця належыць гістарычнай адукацыі. Вывучэнне гісторыі - гэта не проста механічнае павелічэнне аб'ёму адпаведнай інфармацыі. Гэта перш-наперш асэнсаванне гістарычнага вопыту, назапашанага чалавецтвам на працягу тысячагоддзяў. Без гістарычнай памяці нельга асэнсаваць сваю прыналежнасць да нацыі і народа, забяспечыць

фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці і патрыятызму, захаванне традыцый продкаў.

На падставе шматвяковага чалавечага вопыту фарміруецца светапогляд і маральныя асновы жыццядзейнасці чалавека. Гістарычная адукацыя выхоўвае ў асобе культуру міжнацыянальных адносін, вучыць яе паважаць норавы і звычэй блізкіх і далёкіх суседзяў, разумець сябе часткай не толькі свайго народа, але і сусветнага супольніцтва краін і народаў, пераконвае яе ў вялікім багацці агульначалавечых каштоўнасцяў, якія фарміраваліся на працягу тысячгагоддзяў і забяспечылі прагрэс чалавецтву.

Складанасць і цяжкасць задач, якія стаяць перад беларускімі гісторыкамі, кампенсуецца ў значнай ступені спрыяльнымі ўмовамі для творчага самавыяўлення, што дазваляе на новых асновах прыступіць да рэалізацыі гэтых задач з надзеяй на поспех. Размова ідзе ў першую чаргу аб духоўнай свабодзе, магчымасці творчых дыскусій, шматварыянтнасці ў ацэнках падыходах да ўсіх гістарычных фактаў і падзей. магчымасці аперываць такой катэгорыяй, як уласны пункт гледжання і г. д.

Б. Сучаснае становішча настойліва патрабуе распрацоўкі новай канцэпцыі вышэйшай гістарычнай адукацыі ў Беларусі. Рашэнне гэтай задачы непарўна звязана з вызначэннем канцэпцыі сусветна-гістарычнага працэсу, сур'ёзнага змянення асноў гістарычнай навукі Беларусі, падрыхтоўкай новых навучальных праграм, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, хрэстаматый і г. д. Для гэтага спатрэбіцца нямала часу і значных інтэлектуальных намаганняў. Разам з тым, існуе настойлівая неабходнасць ужо сёння адмовіцца ад антынацыянальных падыходаў да гістарычнай адукацыі. Мяркуюцца, што на пераходны перыяд павінна быць прынята ўзгодненая ў агульных рысах мадэль гістарычнай адукацыі, якая базіруецца на гістарычных даследаваннях і відазмененых вучэбна-метадычных дакументах і дапаможніках. Асноўнымі складанымі часткамі гэтай мадэлі могуць быць наступныя:

5.1 Па свайму зместу гістарычная адукацыя павінна асноўвацца на прынцыпах дэпартызацыі, гуманізму і агульначалавечых каштоўнасцяў.

5.2 У якасці стржня вучэбнага працэсу на гістарычных факультэтах ВУН Беларусі бачыцца цыкл дысцыплін, звязаных з гісторыяй і культурай Беларусі. Гэта перш за ўсё "Гісторыя Беларусі".

"Гістарычнае краязнаўства Беларусі", "Гістарыяграфія гісторыі Беларусі", "Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі", "Археалогія Беларусі", "Этнаграфія Беларусі", "Гістарычная геаграфія Беларусі", "Гісторыя філасофскай думкі Беларусі" і г. д.

5.3 Важнейшае месца ў вучэбным працэсе адводзіцца ўсеагульнай гісторыі. Пры гэтым маецца на ўвазе, што гісторыя СССР, у тым ліку гісторыя Расіі, з'яўляецца яе інтэграванай часткай. Зыходзячы з такога падыходу ва ўсеагульнай гісторыі можна выдзеліць тры асноўныя напрамкі, што аб'ядноўваюць гісторыю больш ці менш блізкіх па цывілізацыйных асаблівасцях груп краін Заходняй Еўропы і Амерыкі, славянскага рэгіёну, Азіі і Афрыкі. На аснове гэтага ў перспектыве магчымы змяненні ў арганізацыі навучальнага працэсу, аж да стварэння адпаведных кафедраў.

5.4 Асаблівае месца пры вывучэнні ўсеагульнай гісторыі варты адвесці гісторыі суседніх народаў - рускага, украінскага, польскага і літоўскага, з якімі ў беларусаў на пэўных часовых адрэзках складваліся агульныя гістарычныя лёсы.

5.5 Беларускім гісторыкам, даследчыкам і педагогам, патрэбен свой беларускі погляд на ўсеагульную гісторыю. Гэта зусім не спроба яе рэвізіі, гэта толькі імкненне паглядзець на сусветную гісторыю вачыма беларуса, вызначыць, хто і як у гэтай гісторыі аказваў уплыў на лёс беларускага народа. Беларускі погляд на гісторыю - гэта не афіцыйнае патрабаванне, а хутчэй маральная катэгорыя, якая неабходна менавіта зараз, на пачатковым этапе будаўніцтва незалежнай Беларусі.

6. Паспех у рэалізацыі надзвычай цяжкіх задач, перад якімі стаіць сёння гістарычная навука і адукацыя Рэспублікі, залежыць ад многіх фактараў. Перш за ўсё павінна быць распрацавана дзяржаўная праграма перабудовы гістарычнай навукі і гістарычнай адукацыі ў Беларусі. Неабходна доўгая і цяжкая праца ўсіх беларускіх гісторыкаў. Важнейшым элементам гэтых намаганняў, як мяркуюцца, павінна стаць кансалідацыя беларускай інтэлігенцыі, перш за ўсё гуманітарнай. Не палітычныя абвінавачванні, спрэчкі і пошукі вінаватых у цяжкіх сённяшніх дзеях, а аб'яднанне дзеля росквіту будучыні незалежнай Беларусі.

В. С. Кошелев

Проблемы всемирной истории и современность

Историческая наука в странах СНГ, по всеобщему признанию, переживает кризисное состояние. Сильнее всего кризис поразил теоретическую основу исторического познания. Марксистская методология, которой придерживалось абсолютное большинство советских историков, превратилась в одномерную идеологизированную доктрину, которая не только не позволяла получить полного и объективного представления о прошлом, но и вовсе искажала его. Абсолютизация насилия как "повивальной бабки" истории определяла односторонний взгляд на пути общественного прогресса. Последний изображался как нескончаемая череда войн, революций, национальных и религиозных столкновений. Возможности эволюционного развития и реформ игнорировались, в результате чего огромные пласты истории оставались вне поля зрения ученых. Вульгарно-материалистический подход искажал историческую ретроспективу, практически делал невозможным ответ на ряд принципиальных и даже глобальных вопросов прошлого и современности. Слабость марксистской концепции проявилась в неспособности адекватно осмыслить те периоды человеческой истории, когда из-за перевеса знания над бытием или бытия над знанием погибали целые цивилизации, или, например, объяснить, что произошло с Россией за последние сто лет.

Осознавая кризис, в котором оказалась историческая наука, все же не стоит преувеличивать его размеры и чрезмерно драматизировать сложившееся положение. Не для успокоения, а ради констатации весьма важного факта отметим, что кризис в известной степени переживают все общественные науки в мире, что, вероятно, связано с переходом к новому качеству человеческого существования, еще не совсем ясному, не до конца оформившемуся. По оценкам Римского клуба, время, которое мы переживаем, - это не кризис, это изменение лица человечества, лица планеты, ибо речь идет о явлении более глубоком, чем просто кризис.

В последние 25 - 30 лет мировая историография, и в особенности западноевропейская, совершила огромный прорыв в области теории исторического познания. Тем не менее перед историками различных школ и направлений сегодня объективно стоит одна и та

же задача - преодоление позитивизма в исторической науке, своего рода ньютоновского видения человеческого общества, которое во многом обусловило так называемый кризис гуманитарных наук. В отечественной историографии решение этой задачи усложняется необходимостью преодоления методологической ограниченности и творческого усвоения опыта мировой исторической науки, без чего невозможно создание качественно новой теории исторического развития. На данном этапе, в условиях вполне естественной теоретической неразберихи, особенно актуальным представляется разработка концепции соотношения формационного и цивилизационного подходов к анализу истории человеческого общества.

Достоинство цивилизационного подхода заключается в том, что он включает человека как высшую ценность в общественные науки, позволяет высветить недоступные с позиции формационного подхода глубинные характеристики исторического процесса, ориентируется на совокупность всех форм жизнедеятельности общества (материальные, духовные, культурные, религиозные и т. д.), рассматривая их в единстве и исторической преемственности. Цивилизационный подход, кроме того, способствует частичному преодолению европоцентризма, укоренившемуся в нашей науке благодаря марксизму как одной из его наиболее выразительных форм.

В то же время не стоит обольщаться относительно якобы неограниченных возможностей цивилизационного подхода и уж тем более абсолютизировать его, превращая тем самым в тотально-объясняющий "суперподход", своего рода "единственный и верный". Следует помнить, что пик интереса к нему в мировой историографии прошел несколько десятилетий назад. Разработка концепции соотношения формационного и цивилизационного подходов может рассматриваться как этап на пути их постепенного включения в более общую теоретическую конструкцию.

Необходимы новые подходы и к теории общественного прогресса. Современная цивилизация, как известно, стоит перед глобальной проблемой, суть которой в том, что эгоистическая деятельность человека вступила в непримиримое противоречие с природной средой обитания. Уничтожая условия своего существования, человечество оказалось на грани рукотворного апокалипсиса. В условиях, когда стали очевидны пределы индустриального роста, заметно изменились представления о характере и критериях прогресса.

ресса, под вопрос было поставлено само понятие "развитие". Трагедия заключается в том, что достижение всеми странами уровня жизни высокоразвитых стран неизбежно привело бы к необратимой экологической катастрофе и угрозе гибели всего человечества.

Истоки этого явления следует искать в глубинах европейской истории. Идея божественного господства человека над природными тварями и вещами развивалась в рамках иудейско-христианской традиции, которая легла в основу западного стиля мышления. В своей светской форме эта идея сложилась в эпоху Возрождения и окончательно утвердилась в эпоху Реформации, Просвещения и промышленной революции. В отличие от восточных философских систем (буддизм, конфуцианство, даосизм и т. д.), которые проповедовали принципы гармонизации отношений между человеком и природой, европейские наука и экономика были сориентированы на подчинение окружающей среды. Идея безудержного прогресса с его верой в возможность земного рая под влиянием науки и разума из смутного чаяния выросла на Западе до степени философской системы. Наука превратилась в божество, которому безоговорочно поклонялась западноевропейская цивилизация. Однако XX в. не только поставил под сомнение примитивную модель поступательного и однолинейного развития человеческого общества, но и по существу перечеркнул ее. Вера в возможности решения всех проблем с помощью научно-технического прогресса оказалась столь же наивной, сколь и опасной. Вряд ли можно назвать прогрессом процесс, разрушающий экологическую среду и угрожающий всему живому на Земле. Он может рассматриваться как движение вспять, как регресс. Отсюда вытекает необходимость пересмотра многих фундаментальных явлений европейской истории, включая и такие, как Возрождение, Реформация, Просвещение, промышленная революция, научно-технический прогресс.

Однако было бы неверным сводить основную причину кризиса нашей эпохи к науке и технике. Последние сами были и остаются следствием некой первопричины, лежащей у истоков человеческого рода. Библейское сказание, повествующее о "древе познания добра и зла", похоже, имеет реальное эзотерическое содержание. "Первородный" грех действительно искажал "истинную природу" человека. Карл Ясперс не без оснований уподобил современную науку другим духовным творениям, считая, что ее происхождение до сих пор остается "глубокой тайной истории". Задолго до ее появления "дейс-

твовали силы, подготовившие духовную ситуацию наших дней".

XX столетие открыло перед миром зияющую бездну духовного кризиса. Запретные плоды, сорванные с "древа познания", оказались горькими плодами. Ускорение прогресса не делало людей более добрыми и счастливыми. Прогресс шел рука об руку с мировыми войнами, тоталитарными режимами, ростом фанатизма, ненависти и злобы. Состоялось новое "открытие" человека и оказалось, что его истинная природа далека от той гармоничности, которую видели в ней гуманисты. Однако подлинным открытием стало осознание того, что причины недугов, поразивших человечество, - в самом человеке. Не потому ли Достоевский и Тейяр де Шарден говорили о необходимости "изменения мысли", а создатель Римского клуба Аурелио Печчеи - о совершенствовании качеств человека и его культурной адаптации как единственном средстве сохранения жизни на Земле. Отказ от концепции развития, ориентированной только на удовлетворение материальных потребностей, и переход к состоянию, в основе которого лежало бы духовное человеческое развитие - только первый шаг на пути выхода из тупика.

Одной из наиболее актуальных проблем современной исторической науки является проблема революций и реформ, их влияния на историю общества. Безоговорочная прогрессивность революционных переворотов уже давно была поставлена под сомнение не только историками, но и всем ходом общественного развития. Революции, сопровождавшиеся насилием и террором, то и дело заканчивались откатом назад, а реформы, наоборот, нередко имели революционные последствия. XX век характеризуется как век революций по количеству (до 60) и разнообразию их типов. С не меньшим основанием его можно было бы назвать и веком реформ, которые были взяты на вооружение развитыми капиталистическими странами, доказавшими, что реформы могут быть не менее результативными, чем революции. Социалистические страны, оказавшиеся невосприимчивыми к реформам, дорого заплатили за свою приверженность ортодоксальному марксизму. Недавние события в Восточной Европе и развал Советского Союза в еще большей степени побуждают к разработке новой концепции революции и реформ. Очевидно, следует признать, что вопрос о роли революций и о том, что такое революция: болезнь, поразившая Запад и приведшая к кризису цивилизации, или душа, порождающая движение, - остается открытым.

**МЕТАДАЛОГИЧНЫЕ ПРАБЛЕМЫ ГИСТОРИИ
I МЕТОДЫКИ ВЫКЛАДАНИЯ ГИСТАРИЧНЫХ ДИСЦИПЛІН**

Г. Н. Яковлева
(Витебск)

В поисках нового видения истории

Каждое поколение историков пишет свою историю прошлого, так как видение этого прошлого в значительной степени определяется тем, каким историки представляют наше настоящее и будущее. Анализируя прошлое, мы не всегда задумываемся над тем, что одновременно мы при этом выражаем своё отношение к событиям наших дней. Как ярко всё это проявилось на примере истории Белоруссии! Кардинально меняются политические и социально-экономические основы нашей жизни, рухнула марксистская философия истории, привычная историческая схема повисла в воздухе, понятийный аппарат. Где выход?

Возможно, надо, по совету А. Я. Гуревича, не отказываясь от социально-экономического подхода к истории, превратить социальную историю в социально-культурную? [1]. Наполнить её человеческим содержанием и человеческим измерением. Осознать вслед за сторонниками "Новой исторической нации", что социальное поведение людей лишь отчасти диктуется их материальными интересами и социальным положением, что в огромной степени оно детерминировано совсем другими факторами - религией, этическими нормами, образованием или его отсутствием, особенностями психологии, возраста, пола и т. д.

Конечно, идя вслед за Ф. Броделем, М. Блоком и Л. Февром, мы не получим ответы на все пугающие нас вопросы. Есть свои проблемы и у представителей школы "Анналов". Но не учитывать их

опыта, их достижений, их методологии сегодня уже просто нельзя. И если А. Я. Гуревич смог это сделать в своих работах, написанных в 70-е годы, то совершенно закономерно, что влияние его работ проследживается в учебниках по истории средневековья, написанных сегодня [2].

По отношению к эпохе феодализма А. Я. Гуревич применил такое понятие, как "ленное сознание средневековья" [3], подчеркивая этим, что личные связи между различными категориями населения пронизывали все экономические, общественные, политические, военные, нравственные отношения средневековья. И феодализм, соответственно, не сводим только к экономическим отношениям. А М. А. Барг увидел за средневековой иерархической лестницей возглавляемой королём, ту многоступенчатость, полицентричность политического властвования, которая принципиально отличала европейский тип государственности от государственности типа восточной деспотии [4].

Часто мы задумываемся о роли случая в истории страны, государства, нации. Что бы случилось, если бы польская королева Ядвига вышла замуж не за князя Великого Княжества Литовского Ягайлу, а за принца Вильгельма Австрийского? Как бы сложилась историческая судьба Великого Княжества Литовского, если бы у Витовта Великого были наследники по мужской линии? Но ведь за той или иной исторической случайностью просматриваются существенные характеристики эпохи. Средневековое государство - это прежде всего союз сеньоров и их непосредственных подданных, подчинивших себе остальное население. Государство зависит от личных связей королей, князей, рыцарей, их семей и родов, а не только от экономических или военных факторов. В какой-то степени и территория и судьба Великого Княжества Литовского и Польши зависела от судеб королей и князей, их детей, их браков и смертей. А какую неоднозначную роль сыграли великокняжество и королевская власть в религиозной жизни нашего народа! А какое влияние, в свою очередь, религия оказывала на судьбу государства.

Сегодня мы не говорим, что Великое Княжество Литовское было государством литовских и белорусских феодалов. Мы применяем понятие "литовско-белорусское государство", признавая этим то, что деятельность государства не исчерпывается его классовыми функциями. Да и само государство могло возникнуть задолго до выделения

классов, как это было, например, в эпоху "варварских королевств". Государство и королевская власть в Западной Европе сыграли огромную историческую роль, способствуя сначала становлению феодальных отношений, затем укреплению бюргерства и личному освобождению крестьян, помогая становлению национальных границ и культуры. Огромную роль играла великокняжеская власть и в истории Великого Княжества Литовского. Но почему же ВКЛ, а потом Речь Посполитая фактически не выполнили своих надклассовых, общенациональных задач? Искать ответы на эти вопросы надо не только в политической, экономической, но и в социокультурной сфере жизни общества и человека.

1. Культура и история //Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 99.
2. См. История средних веков. Учеб.-метод. пособие для студентов-заочников под ред. М. Л. Абрамсон и др. М., 1991. С. 17-24.
3. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 55.
4. Барг М. А. Категория "цивилизация" как метод сравнительно-исторического исследования (человеческое измерение) //История СССР. 1991. № 5. С. 80.

Л. А. Ш у л ь г а
(Минск)

*Историзм, историческое сознание
и национальное самоутверждение*

История всегда творится здесь, сейчас и заново. Это становится очевидным во время исторических кризисов; ещё напряжённее и драматичнее историческое творчество даёт себя знать в народе, что совершает дерзкую попытку самоутверждения в мировом историческом процессе.

В периоды стабильности "историческое" общество мнит себя

венцом творения и всё прошлое "от семени Адама", трактует как подготовку и оправдывание собственного существования.

Создаётся определённая историческая мифология, исторический "космос", центром и сутью которого является провинденциально "избранная" нация, с позиций которой выстраивается определённый исторический горизонт, эксплицирующий историю".

Лишь кризисы развёртывания и становления цивилизаций, исторические поражения, разрушают мифологемы "избранности", показывают порочность того строя мыслей, исторического самопонимания, что в значительной мере, вели к поражению. Тогда "всемирная история", самоочевидно, предстаёт не как мировая телеология, а как временный горизонт событий, фактов, в котором народы заново осуществляют себя.

Ведь даже страны и нации, которым посчастливилось иметь и сохранять освящённое преданием Имя, общие чертания границ, и эти страны и нации в подобной ситуации вынуждены были менять свою историческую обоснованность, свои традиции, язык; и для них история представляла как личная драма, сцеплённая с событиями, разнесёнными самым причудливым образом по многим эпохам и континентам.

Воля народа, что в поисках своей самобытности вынуждено являлся под другими именами, другими символами, утверждающая, наконец, собственную самобытность "здесь, сейчас", взламывает, подавляет рутинную "достоверность", "фактичность" исторического описания: народ узнаёт себя в иных пространствах, героях; иные предания пробуждаются в его сознании. Это - шок исторического самосознания, что своим требовательным вопрошанием, жизненным порывом, бросает Вызов истории.

Где искать истоки и суть Беларуси: в Полоцком княжестве, в Великом княжестве Литовском, или в том феномене, что разделило европейскую цивилизацию на мир Православный и мир католический, а Великое княжество Литовское превратил в форпост самоопределяющихся миров? Форпост, который рухнул, как только эти миры определились культурно и исторически и были готовы к встрече, к контакту? Следует ещё и ещё раз вопрошать историю, чтобы не повторились те мороки, что уже не раз прерывали развитие народа, приводили его к поражению. Должно ли примерять на себя атрибутику нового мессианизма, в которой всегда скрывается националь-

но-этнический эгоизм? Ведь от ответа на эти вопросы, вопросы исторического вызова, зависит - станет ли нация снова полем всеевропейских раздоров или местом коммуникации и диалога?

В вопросах, которые задаются истории и которые выстраивают исторический горизонт самоопределяющейся нации, состоит сегодня этническая позиция историка. Такая позиция позволяет избежать соблазна снова, в который раз, переписать всемирную историю с позиций нового мессианства, новой телеологии - позиции, в современных условиях неизбежно приводящей к поражению. Историческое вопрошание сегодня - путь перехода от всемирной истории, истории насквозь политизированной, доктринальной, к истории всечеловеческой. До сих пор в истории господствовал политический символ: государство, политика, вождь, идеолог? В истории Фукидида целый абзац посвящён полководцу Сократу, но в ней не нашлось места Сократу мыслителю. И так - по сей день.

Вопросы, которые задаются истории людьми, народом, ищущим своё место, свой голос в историческом концерте народов, могут и должны стать основой исторического образования и просвещения. Насущно необходимо совершить действительно педагогическое усилие: перейти от истории как преподавания цепи доктринально-выстроенных событий и фактов, где человек играл лишь служебную роль в осуществлении "провиденциальных целей" истории - пониманию и диалогу, в которых только человек и формирует своё историческое самосознание.

В. М. Ч а р а п і ц а
(Гродна)

Гістарычная культура: праблема і пошукі

1. Сваю першую фармулёўку "гістарычная культура" атрымала ў большасці краін Еўропы ў пачатку ХХ стагоддзя. Сёння ва ўсім свеце адбываецца новы ўсплеск увагі да яе. Паводле Е. Матэрніцкага, ужываюцца два паняцці гістарычнай культуры: "шырокая" - як сукупнасць прынятых у грамадстве каштоўнасцей і ўвораў паводзін адносна мінулага ў ягоным спалучэнні з сучаснасцю, і "вузкая".

Абодва ахопліваюць усе вобласці і плыні так званага гістарычнага мыслення, а таксама творчасці на ніве гісторыі.

2. Каштоўнасці і ўзоры паводзін адносна мінулага ў якасці галоўнага элемента гістарычнай культуры ў шырокім разуменні маюць дзевяць асноўных прыкмет: добрасумленнасць, аб'ектыўнасць, памяркоўнасць у ацэнках, настроенасць на разуменне і ўсведамленне, тэарэтычная падрыхтаванасць, рацыяналізм, крытыцызм "глабальнасць" мыслення і памяркоўны скептыцызм. Зразумела, што кожнае з іх патрабуе сваёй разшыфроўкі.

3. У рэчаіснасці, навуковыя падыходы ў сферы гістарычнай культуры не аддзелены так званай "кітайскай сцяной" ад падыходаў міфалагічных. Навука разбівае міфы, але часамі іх стварае. Элементы міфалагічнага мыслення можна знайсці і ў людзей, стаячых на навуковых пазіцыях і наадварот: элементы навукі - у міфалагічным мысленні.

4. Гістарычная культура - гэта не толькі пытанні глабальныя, але і такія, як веданне (ці няведанне) гістарычнай тэрміналогіі, уменне (ці няўменне) крытычна падыходзіць да гістарычных крыніц, бачанне (ці нябачанне) рэліктаў мінулага ў сучасным і гэтак далей.

5. Назваць усе праявы і паказчыкі гістарычнай культуры нельгчыма. З імі сустракаемся ўсюды, дзе фарміруецца гістарычная свядомасць, а апошняя праяўляецца не толькі ў канкретных гістарычных дзеяннях, але і ў праве, сямейным і грамадскім жыцці, абрадах, музыцы, рэлігійных вераваннях і гэтак далей. Значную ролю адыгрывае тут адлюстраванне ва ўсіх дасягальных да запісу сродках, а таксама ў чалавечай памяці, адбыўшыхся падзей; выяўленне і захаванне гістарычных дакументаў; ахова помнікаў гісторыі і культуры, правядзенне гістарычных даследаванняў, уключаючы лакальныя; прапаганда гістарычных ведаў.

6. Адным з важных паказчыкаў гістарычнай культуры грамадства з'яўляецца ўдзельная вага кніг, а таксама перыядыкі па гісторыі сярод агульнай масы друкаваных выданняў. Разам з гэтым можна паставіць пытанне аб той колькасці гадзін па гісторыі ў планах навучання ў сярэдняй і вышэйшай школе, якая б задавальняла патрэбы грамадства.

О. И. Ханкевич
(Минск)

*Цивилизации прошлого. К вопросу о сущности
ранней государственности*

В свете исследований последнего времени вырисовывается сложная и многообразная панорама перехода от догосударственного состояния к раннегосударственному у самых разных народов. Представители западной политической антропологии отмечают разнообразие эмпирических импульсов государствообразования (ирригация, внутри и межрегиональный обмен, торговля на дальние расстояния, военная экспансия, демографическое давление, миграционные процессы, скотоводческо-земледельческий симбиоз), вариативная комбинация которых не позволяет, по их мнению, выработать единственную, исчерпывающую модель политогенеза.

В последние годы один из основополагающих тезисов - роль войны как следствия конкуренции за ограниченные ресурсы. Оговаривается при этом, что данный механизм становления государства приводит в действие целая серия предпосылок, замыкающихся фактором "ограничения". Общеизвестно также, что только неолитическая революция создает экономические предпосылки формирования государства. Переход же к производящему хозяйству и оседлому образу жизни вызвал мощный демографический взрыв. Общество, находящееся в фазе генезиса государства, именуется учеными по-разному: военная демократия (Л. Морган, Ф. Энгельс), архаическая цивилизация (К. Оберг), стратифицированное общество (М. Фрид), супралокальная общность (Р. Карнейро). Сейчас все большее число исследователей период существования иерархических потестарных структур именуют вождествами и утверждают об универсальности такой стадии при переходе к государству. Наиболее фундаментально концепция вождества была сформулирована в исследованиях Э. Сервиса. Он определил чифдом как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией знати и вождей теократического характера. Здесь существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного

аппарата. Главное отличие вождества от предшествующих форм социальной организации заключается в разделении общества на управителей и управляемых, отстранение, говоря иными словами, большинства населения от процессов непосредственного управления. А это уже иерархия. По меткому же замечанию Ф. Броделя, сказать "общество" всегда означало сказать "иерархия".

Исходя из высказанной выше мысли о невозможности выработки единственной исчерпывающей модели политогенеза, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, теоретически существует вероятность, что будет доказано наличие предгосударственных структур иного типа. Во-вторых, мы разделяем мнение тех ученых, которые считают, что феномен власти присущ эпохам и до, и после становления государства - средства координации всегда в той или иной степени были средствами подавления. Но в догосударственных, "ацефальных" обществах они не вычленились еще в институализированные формы и имели, по терминологии Б. Триггера, латеральный и диффузный характер. И, наконец, в-третьих, в отечественной этнологии уже обращалось внимание на тот факт, что не все вождества имели теократию в числе своих основных характеристик. Только в первичных вождествах, то есть возникших самостоятельно, обычным явлением была теократия (например, протономы Древнего Египта и Месопотамии). Среди вторичных вождеств, возникших на периферии раннеклассовых обществ, власть часто имела военный характер (например, кочевые скотоводы аридного пояса Евразии).

Остается еще далеко не решенным и комплекс вопросов, связанных с определением основных характеристик раннего или архаического государства (в отечественной науке - раннеклассового). Г. Клессен и П. Скальник в капитальной сводке "Раннее государство" дефинировали его как "централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта или возникающих социальных класса - на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых, законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами". Многие ученые единодушны в том, что обмен услугами между управля-

ющими и управляемыми в раннегосударственных обществах носил неэквивалентный характер: власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось за выполнение ею организационных функций. Тем самым никто не оспаривает, что государство обнаруживает себя как инструмент эксплуатации большинства меньшинством. Общепризнано, что по мере развития раннего государства социально-экономические противоречия в нем углубляются и что это находит выражение в усилении тенденций, predisposing к формированию частной собственности и классов. Спорным остается вопрос: на каких этапах генезиса государства и в какой последовательности происходят эти процессы? Согласно Ф. Сервису, формирование государства предшествует появлению частной собственности и классов. Г. Клеснен и П. Скальник считают, что частная собственность складывается лишь на пороге зрелого государства, и ее наличие как раз и является одним из основных критериев различения раннего и зрелого государства. Другие исследователи утверждают, что социальная стратификация и классовобразование предшествовали формированию государства, или - развитие раннего государства шло параллельно классовобразованию. Если же попытаться конкретизировать этот вопрос с учетом существования дихотомии "Восток - Запад", то окажется, что для Востока характерно определенное опережение политической интеграции и бюрократизации над классовгенезом. В Европе, напротив, наблюдается сложение классовой структуры еще при ранней государственности, которая сменяется зрелой, бюрократической государственностью лишь в позднем средневековье. В середине 70-х годов сначала в англо-американской, а затем в отечественной этнологии разработана новая модель классовгенеза - через монополизацию знатью ключевых общественных должностей. Этот феномен, когда собственность перекрывается властью, Л. С. Васильев предложил именовать "властью-собственностью". Сущностью данного феномена является фактическое право власть имущих распоряжаться коллективным достоянием в ходе организации общественного производства и централизованного перераспределения (редистрибуции) материальных благ.

Народы индоевропейской группы, населявшие обширные пространства евразийского континента, унаследовали от своего общего исторического прошлого однотипные политические и социальные институты, а также формы идеологии и мировосприятия. На "старт" но-

вого этапа своего исторического развития в начале I тыс. до н.э. греки вышли почти одновременно с большой группой этих народностей. Однако последние остановились на пороге цивилизации, не сумев обзавестись ни настоящими городами, не освоив или освоив лишь в ограниченных рамках даже простейшее алфавитное письмо. Многие из этих народов (скифы, сарматы, саки, массагеты) так и не успели сменить свой привычный кочевой образ жизни и перейти к оседлости, прежде чем они окончательно исчезли с исторической сцены. Свойственные варварским обществам иерархические социальные структуры, так же как и те политические образования (ранние государства), в рамках которых протекало их развитие, заключали в себе ярко выраженную тенденцию к застыванию на точке гомеостатиса (наблюдение А.Я. Гуревича). Типичные для большинства варварских обществ сложные и громоздкие социальные структуры, таившие в себе тенденции застоя уже в силу самой своей громоздкости, в Греции практически не успели сформироваться. Так называемый "эффект трибализации", сыгравший огромную роль в структурировании раннеклассовых обществ и государств варварского мира, в Греции по каким-то не вполне ясным для нас причинам довольно быстро исчерпал свои возможности. Видимо, поэтому мы не находим здесь ни столь характерных для варварского мира систем племенного вассалитета или даннических отношений, ни обычно сопутствующих этим системам устойчивых авторитарных режимов монархического типа, ни сословно-иерархического членения общества.

А. Н. Нечухрин.
(Гродно)

*Попытки обоснования цивилизационного подхода
к истории в русской науке начала XX века*

В основе позитивистской философии истории лежала теория исторического прогресса, получившая обоснование в трудах М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова и других. На рубеже XIX-XX вв. наметилась тенденция к пересмотру основных элементов позитивистской парадигмы, в том числе к отказу от идеи истори-

ческого прогресса. С критикой теории прогресса выступило молодое поколение авторов, связанных общими идеями, суть которых сводилась к приведению позитивистского понимания истории в соответствие с новыми методологическими требованиями к истории. Среди историков "критического позитивизма" выделяются имена Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского, Н. А. Рожкова, Е. В. Тарле, М. И. Ростовцева и других. В своих исследованиях они высказались за необходимость выделения в истории отдельных исторических циклов и культур, как основных структурных элементов исторического процесса. На формирование их концепций оказали влияние труды немецких античников, таких как Эд. Мейер, М. Вебер, Р. Пельман, Ю. Белох и другие.

Русские историки полагали, что всемирноисторическая точка зрения на историю безнадежно устарела, поскольку она не представляет из себя некоего единого потока. Взамен они предлагали сравнительное социологическое изучение материала. В обоснование нового подхода к истории говорилось, что культуры и народы древнего и нового мира нельзя вытянуть в одну непрерывную цепочку, тем более утверждать, что древность анала один социально-экономический строй - натурального хозяйства. В действительности, по их убеждению, мы имеем дело с рядом нередко соприкасающихся, но по существу автономных процессов. Древность уже заключала в себе известное целое, в котором обнаруживается ряд переплетающихся эволюций. Каждое отдельное общество проходит ряд сходных процессов, представляющих благодатный материал для сравнения. Именно эти отдельные этапы различных эволюций и составляют то, что составляет предмет социологического изучения в истории.

Р. Ю. Виппер пытался выделить определённые культурно-исторические циклы в европейской истории, представляющие из себя полные эволюции от варварства к цивилизации, от натурального к капиталистическому хозяйству. Это были, по его мнению, крито-микенский, греко-финикийско-римский, средне-новевропейский. Чёткого разграничения понятий культурно-исторический цикл, цивилизация и культура учёный не давал. Так он говорил о греко-римско-иудейской и новоевропейской цивилизациях в Европе. На Древнем Востоке (как он понимался в начале века) Виппер и Рожков выделяли культуры египетскую, Дауречья, ассирийскую, халдейскую, эгейскую, израильскую и иранскую. Рожков утверждал, что каждая

зрелая культура проходила девять стадий развития.

М. И. Ростовцев стремился не навязывать истории жёсткие структуры, но исходить из конкретного материала. По его мнению, в истории человечества выделяется ряд пределов культурного творчества, пиков цивилизации: Древнее царство Египта и Вавилония в III тыс. до н. э., Египет во II тыс., одновременно Малая Азия и часть Греция, Ассирия, Вавилония и Персия в VIII-VI вв., Греция в VI-II вв. и Италия в I в. до н. э. - I в. н. э. Затем период общего востоя и упадка культуры, преодоленный уже Новой Европой.

Недостатками рассмотрения истории с точки зрения развития отдельных культур в науке начала XX в. явились элементы модернизации истории, нередкого пренебрежения ролью исторического наследия и взаимосвязью культур. Однако, перспективность сочетания цивилизованного и стадияльного подходов в возможности вскрытия внутреннего мира отдельных культур наряду с выяснением известных социологических закономерностей в их развитии сохраняется и в настоящее время.

А. І. К а д а н ч ы к

(Г. Горкі Магілёўскай вобласці)

*Да методыкі вывучэння агульначалавечага
і класавага ў гістарычных дысцыплінах*

У лекцыі палітычных дзеячоў, навукоўцаў і публіцыстаў тэрмін "агульначалавечыя інтарэсы і каштоўнасці" стаў ужывацца апошні час бадай часцей, чым некалькі гадоў таму ў нас гучаў прынцып "класавага падыходу". І гэта не выпадкова, бо менавіта ў апошнія гады праблема суадносін агульначалавечага і класавага стала адной з цэнтральных метадалагічных праблем у палітыцы і ў галіне грамадскіх навук. І калі навогул прынцып класавага падыходу для нас перастаў быць дамінантай, то пры вывучэнні гісторыі мы непазбежна сутыкаемся з падзеямі, дзе зноў паўстае пытанне аб неабходнасці пастаяннай карэкцыі аналізу і ацэнкі іх з пазіцыі агульначалавечага і класавага. Складанасць гэтага абумоўліваецца шэрагам акалічнасцяў: цяжкасцю дэталёвай рэканструкцыі мінулага,

не заўсёды відавочнай сувязю вывучаемых падзей з другімі і іх уздзеяннем на лёс грамадства і чалавецтва ў цэлым, супярэчліва-сцю гістарычных крыніц, нават суб'ектыўным успрыманнем іх навукоўцамі і выкладчыкамі і г. д. Нягледзячы на існуючы цяжасці і разнагалоссі ў падыходах да гэтай праблемы, можна вылучыць два асноўныя, на наш погляд, метадычныя патрабаванні, якія павінны ўлічвацца пры выкладанні і вывучэнні гісторыі.

Перш-наперш ад выкладчыка патрабуецца ўсведамленне самім і майстэрства данесці да навучэнцаў, што агульначалавечае і класавае - гэта нераздзельныя часткі сусветнай цывілізацыі і разглядаць іх патрэбна ў дыялектычным адзінстве. Нам здаецца, што гэта мае прынцыповае значэнне, бо толькі тады магчыма на канкрэтным гістарычным матэрыяле паказаць узаемасувязь абадвух частак гэтага адзінства і адначасова пазбегнуць абсалютывацыі нейкай з іх. У гісторыі няма прыкладаў, на якіх можна абгрунтавана паказаць шкоднасць такой абсалютывацыі на шляху развіцця і нашай Беларусі, і іншых краін, як гэта было, у прыватнасці, напачатку 30-х гадоў, калі ў значнай меры штучная класавая дыферэнцыяцыя сялянства ў тэорыі і палітычнай практыцы (раздзяленне на кулакоў і "падкулачнікаў" - ворагаў сацыялізма і беднякоў - сяюнікаў рабочага класа) стварыла парадаксальную сітуацыю: на весцы стала больш выгадна быць бедняком, чым моцным селянінам, а ў выніку гэта прывяло да трагічных паследаў. Такім чынам, вульгарывацыя класавага наносіла ў мінулым і можа нанесці цяпер вялікую шкоду і нават стварыць такое становішча, калі класавымі ці другімі групавымі інтарэсамі апраўдваюцца ўсялякія дзеянні.

Разам з тым рэчаіснасць не дазваляе пападаць і ў палон "агульначалавечых інтарэсаў". Сёння яны пакуль што вельмі слаба праглядаюцца скрозь інтарэсы і дзеянні канкрэтных дзяржаў і палітычных плыняў. Відаць, патрабуецца яшчэ немалы час і сур'ёзныя выпрабаванні, каб паступова пераадолець непадрыхтаванасць палітычных сіл і асоб да ўсведамлення адзінства разнастайнасці і грамадскага жыцця і сфарміраваць адпаведны погляд на праблему агульначалавечага і класавага.

Мэтазгодна таксама звярнуць увагу яшчэ на адзін бок метадыкі вырашэння разглядаемай праблемы: аналізуючы дыялектыку узаемадзеяння агульначалавечага і класавага на розных этапах гістарычнага працэсу, неабходна, як нам з'яўляецца, падкрэсліваць,

што яна вызначаецца вельмі шырокім спектрам фактараў. Гэта - узровень развіцця грамадства, спецыфіка класавых інтарэсаў і адпавяданне іх магістральнаму шляху развіцця цывілізацыі, суадносіны розных палітычных сіл і г.д. І калі для гісторыі нашай краіны, на думку аўтара, было характэрна дамінаванне класавага, а рэалізацыя актыўнасці працоўных класаў адбывалася праз барацьбу ў самых разнастайных формах, то ў сучасных варунках большасць насельніцтва, здаецца, разумее недапушчальнасць вырашэння існуючых супярэчнасцяў жорсткімі метадамі рэвалюцыйных эпох.

Л. Е. Л о й к о
(Мінск)

*Концептуальные основания курса методологии
в преподавании исторических дисциплин*

Актуальность введения курса методологии истории на исторических факультетах вузов республики не вызывает сомнения. Она обусловлена, во-первых, тем, что в сознании современного человека история предстает как фундаментальный атрибут бытия, одна из высших ценностей культуры. Столь значимый феномен, безусловно, требует особого статуса науки, непосредственно к нему обращенной. Задача выведения истории до конкурентноспособного уровня на фоне современного научного развития не может реализоваться вне методологических исследований. Во-вторых, отечественная историческая наука длительное время функционировала в рамках одной, жестко заданной, методологической парадигмы - исторического материализма. Сегодня студент ощущает на себе хаотичное воздействие своеобразного методологического веера подходов, что связано с многочисленными публикациями исследований западных ученых. На их фоне курс методологии истории может стать для него реальным основанием в формировании высокого профессионального уровня и выборе собственной исследовательской позиции.

Учитывая эти обстоятельства, учебная программа курса методологии истории должна иметь достаточно четкие концептуальные основания. Простого перечисления различных школ и направлений в

философии и методологии истории здесь явно недостаточно. Продуктивным, на наш взгляд, может быть движение от специфики методологии в построении исторического знания. Если по отношению к естествознанию методология уже дистанцирована от содержательного пласта знания, то особый статус методологического анализа в историческом познании определяется не только его внутренней логикой, но и предметностью. Методология как бы расплавлена в содержательном пространстве исторического знания. Поэтому в данном случае необходимо тесное сопряжение методологической и философской рефлексии.

Акцентирование философского аспекта позволит широко обратиться к идее бытия истории, что поможет конституировать данный феномен как объект исследования. Бытие истории - это тотальность, интегрирующая бесконечное количество его аппликаций. Из их многообразия можно выделить статический, процессуальный и концептуальный модусы бытия истории. Обращение к первому из них - к свернутому генеаисусу истории предполагает рассмотрение бытия истории как данности через призму символических структур, социокодов, семантического пространства текстов. Здесь необходимо введение понятия "историческая реальность". Рассмотренное достаточно широко, а не только как простой набор дискретностей, событий, образцов поведения (принцип простой аддитивности), оно выявит необходимость поиска механизма бытия истории, представления ее в супераддитивном контексте, т.е. в социо-культурном континууме. Задача выявления этого механизма процесса истории требует экспликации понятий "историческое время", "историческая память", "традиция". Их рассмотрение предполагает обращение к категориям: изменение, развитие, движение, процесс.

Таким образом, относительно полная реконструкция истории мыслима только через синтез истории как данности и истории как процесса. Выражение этого единства в логике понятий подводит к проблеме выявления форм концептуального бытия истории. Среди различных реконструкций истории можно выделить рационально-идеализирующие и иррационально-дескриптивные доминанты. И в этом разделе курса полезно детальное изучение конкретных концепций (баденской школы неокантианства, позитивистских трактовок, марксистской и неомарксистской традиций, философии жизни, социологических и собственно исторических исследований и др.).

Их анализ позволяет поставить проблему конституирующей функции языка в теоретической реконструкции истории. Историческое познание опирается на естественный язык, но последний, будучи научным, не тождественен обычному. Поэтому важно рассмотреть различные компоненты, идеализации, конструкты, уровни языка исторической науки. В курсе методологии истории должны быть представлены концептуальные основания исторического познания, понятийный блок, конкретный историко-научный материал.

М. М. Сакалова
(Мінск)

*Спецкурс па філасофіі гісторыі для студэнтаў
гістарычных факультэтаў*

Крызіс сучаснай гістарычнай навукі немагчыма пераадолець толькі за кошт пашырэння поля гістарычных даследаванняў ці змены тэматыкі. Пераадоленне метадалагічнага крызісу магчыма толькі на ўзроўні філасофіі гісторыі. Вось чаму сучасны гісторык павінен быць знаёмы не толькі з прагматычнай метадалогіяй гісторыі, якая ўваходзіць у курс падрыхтоўкі студэнтаў-гісторыкаў, але і з тым, што Е. Тапольскі назваў "непрагматычнай метадалогіяй гісторыі". Знаёмства з рознымі спосабамі аналізу рэзультатаў вывучэння мінулага і іх метадалагічнай высновы даць будучым гісторыкам шырокае магчымасці для больш адэкватнай інтэрпрэтацы гістарычнага матэрыяла.

У гэтым сэнсе найбольш важнай з'яўляецца праблема тлумачэння. Бо, па-першае, менавіта тлумачэнне - выснова рэканструкцыі гістарычнай рэчаіснасці; па-другое, у тэорыі навукі прынята лічыць, што тлумачэнне (разам з прадказаннем і сістэматызацыяй) з'яўляецца адной з галоўных пазнавальных функцый тэарэтычных ведаў; па-трэцяе, вырашэнне праблемы тлумачэння, распрацоўка форм метадаў гістарычнага тлумачэння дае гісторыкам новыя сродкі пазнавальнай дзейнасці.

Вось чаму было б метагодна ўключыць у праграму падрыхтоўкі студэнтаў-гісторыкаў спецыяльны курс па праблеме гістарычнага

тлумачэння. У такім курсе, па-першае, павінны быць вызначаны метадалагічны статус гістарычнай навукі, яе спецыфіка і пазнавальная каштоўнасць. Далей могуць разглядацца наступныя праблемы: паняцце "тлумачэнне" у натуральных навукках; ступень аўтаномнасці гістарычнага тлумачэння ў гісторыі; гнасеалагічная спецыфіка гістарычнага тлумачэння; магчымыя высновы гістарычнага тлумачэння (эмпірычны закон, лагічныя і нарматыўныя прынцыпы, тлумачэнне праз веды аб прыродзе чалавека, матывы і мэты чалавечай дзейнасці, спасылкі на агульныя ісціны, прычынасць і інш.); фармальна-лагічная структура тлумачэння; тлумачэнне і апісанне; тлумачэнне, деталізацыя і абагульненне; тлумачэнне і разуменне; лінгвістычныя высновы ў разуменні зместу знакавых і незнакавых форм жыцця; уласны вопыт гісторыка як выснова разумення; разуменне канструіраванне; лінгвістычнае грамадства як рамкі тлумачэння і разумення. Далей можна разгледзець некаторыя віды і формы гістарычнага тлумачэння, якія прапануе сучасная філасофія гісторыі: тэлеалагічнае тлумачэнне, "практычны вывад" Г. фон Урыгта, сімуляцыйнае мадэліраванне, "скетчы", мадэлі непарыўнай серыі, генетычнае тлумачэнне, этнаметадалогію, халізм і інш.

На заканчэнні курса можна было б прапанаваць студэнтам напісаць эсэ, у якім яны б паспрабавалі самастойна інтэрпрэтаваць пэўны гістарычны матэрыял згодна з абранымі метадалагічнымі прынцыпамі.

Для падобнага курса маецца нават пэўная літаратура. Гэта, па-першае, працы эстонскіх філосафаў і гісторыкаў А. С. Уйбо, Э. М. Лооне, артыкулы ў польскім часопісе "Historika" і ў англійскім часопісе "History and Theori", выданні прац М. Блока, Дж. Калінгвуда, М. Вэбера, К. Ясперса і інш. на рускай мове. Здаецца, што падобны курс можа прынесці пэўны эфект і стварыць умовы для пазбаўлення ад пазітывісцкі-марксісцкага тлумачэння гісторыі прывычкі мысліць ідэалагічнымі і агульнасацыялагічнымі катэгорыямі.

Г. Я. К а д а н ч ы к
(г. Горкі Магілёўскай вобласці)

Праблема і шляхі гуманізацыі гістарычнай адукацыі ў ВНУ

Глыбіня пераўтварэнняў усіх бакоў акружаючага нас жыцця абумовілі радыкальны перагляд усей сістэмы адукацыі ў ВНУ. Адною з галоўных задач на гэтым шляху з'яўляецца гуманізацыя адукацыі навогул і, у прыватнасці, гістарычнай адукацыі. Асабліва гэта тычыцца тых гістарычных дысцыплін, у якія неад'емнай часткай уваходзіць палітычная гісторыя.

На наш погляд, менавіта пры вывучэнні розных аспектаў палітычнай гісторыі асабліва патрабуецца ажыццяўленне гуманізацыі і разам з тым менавіта тут узнікаюць асаблівыя цяжкасці. Тлумачыцца гэта тым, што сам прадмет вывучэння прадугледжае аналіз паводзін розных класаў і сацыяльных груп, стратэгіі і тактыкі палітычных арганізацый, інтарэсы, мэты і матывы дзейнасці якіх неаднолькавыя, а падчас і супрацьлеглыя. Асабліва выразна гэтыя адрозненні праяўляюцца ў класавых супярэчнасцях. Пераадоленне такіх супярэчнасцяў, як вядома, часам набывала надзвычай жорсткі характар з трагічнымі вынікамі як для іх удзельнікаў, так і наступных пакаленняў. І гісторыкам калі некалі даволі цяжка знайсці асэнсаванае гуманістычнае тлумачэнне такіх прыкладаў, бо тое, што яшчэ нядаўна ўспрымалася як пастулат, сёння не заўсёды змяшчаецца ў сістэму чалавечых каштоўнасцяў.

Праблема гуманізацыі гістарычнай адукацыі існуе і патрабуе пошуку адпаведных падыходаў і таму, што ў наш час ідзе відавочны працэс фарміравання грамадска-палітычных рухаў і партый. Гэтыя неаднолькавыя сілы праяўляюць асаблівую актыўнасць ва ўмовах нестабільнага становішча ў нашай краіне. Вядома, пераход да многапартыйнасці, да палітычна-ідэалагічнага плюралізму нарадзіў праблему ўзаемаадносін паміж прыхільнікамі розных суполак, у дзейнасці якіх непасрэдна удзельнічае студэнцкая моладзь. Як паказвае сацыяльная практыка, у складаным грамадскім жыцці сама моладзь часам становіцца аб'ектам маніпуляцый. Можна сцвярджаць, што значная частка студэнцтва сімпатызуе розным па сваіх мэтах аб'яднанням і арганізацыям і нельга не заўважаць фактаў спекуля-

шы на гэтым палітычных апанентаў.

Такім чынам, галоўныя цяжкасці гуманізацыі гістарычнай адукацыі бачацца нам у неабходнасці пры вывучэнні мінуўшчыны і сёняшніх падзей увесць час вызначаць месца, ролю і значэнне агульна-чалавечага і класавага (групавога, асабістага) ў развіцці нашай цывілізацыі. Прыярытэтнасць агульначалавечых інтарэсаў і каштоўнасцяў не выклікае сумнення ў агульнагістарычным, агульна-цывілізацыйным плане. Мінуўшчына ж чалавецтва абцяжарана такімі прыкладамі, якія вельмі часта супрацьстаяць вышэйназваным прыярытэтам. Дзе выйсе?

Мы лічым, што для пераадолення вызначанай цяжкасці і забяспечэння гуманістычнага ўздзеяння гістарычных ведаў мэтазгодна ўлічваць наступнае:

аналізуючы гістарычнае мінулае, неабходна імкнуцца максімальна поўна паказаваць у якой меры падзеі і дзейнасць ровных палітычных сіл адпавядалі логіцы грамадскага развіцця і са-дзейнічалі агульначалавечаму прагрэсу;

патрабуецца абавязковы адказ ад абсалютызаванай ў ацэнках станоўчай або адмоўнай - характару і дзейнасці класаў. Інакш магчыма фарміраванне спачатку ў сумленні, а потым перанясенне ў сацыяльную практыку правамернасці ўжывання любых захадаў у адносінах да палітычнага апанента;

гуманістычная накіраванасць вывучэння гісторыі павінна пра-яўляцца і ў тым, каб па меры набывання гістарычных ведаў прыбліжаць студэнтаў да разумення ўзаемасувязі палітычных працэ-саў, усвядамленне адзінства разнастайнасці грамадскага жыцця;

знаемства з мінуўшчынай павінна быць накіравана таксама на фарміраванне палітычнай талерантнасці, культуры палітычнага мыс-лення і ўзаемаадносін, на прызнанне канструктыўнай многапартый-насці.

Такім бачыцца нам шэраг шляхоў магчымага дасягнення адной з мэт гуманізацыі адукацыі - выхаванне ў студэнцкай моладзі пад-рыхтаванасці да палітычнага дыялогу і жадання ў наш час рабіць сумленны выбар на карысць свайго народа і чалавецтва.

В. К. Коршук
(Минск)

*К вопросу об изучении истории на
неисторических факультетах вузов.*

Историческое образование играет существенную роль в накоплении личностью и обществом в целом гуманитарного интеллектуального потенциала. Оно должно осуществляться через сопоставление, сравнение с общемировыми тенденциями и процессами, через анализ их взаимосвязи. Эту задачу целесообразно реализовать путем охвата мировых (прежде всего социально-политических) процессов, происходящих в XX в. Необходимо раскрывать общие тенденции развития народов мира и государств. Вместе с тем следует исходить из того, что наднациональной истории нет, что история складывается из истории отдельных стран.

Вот почему представляется, что курс "Актуальные проблемы истории XX века" должен стать не просто обобщенной теоретической моделью, но и новой парадигмой современной исторической науки. Его целесообразно изучать после того, как молодежь усвоила курс истории Беларуси. Отдавая должное национальному приоритету, национальным ценностям, важно показать роль и место Беларуси в мировой истории, а это можно сделать лишь усвоив хотя бы основные проблемы истории XX в. Важно дать учащимся сведения об основных исторических процессах мировой истории, показать альтернативность и противоречивость исторического развития, осмыслить функции государственных институтов, структур и механизмов власти, политических режимов и политической культуры масс, экономические проблемы; изучить деятельность правительств и масс, классов и социальных групп, партий и общественных организаций, показать роль лидеров различных движений. Актуальные проблемы истории - это и такие феномены, как реформы и контрреформы, революции и контрреволюции, прогрессивные и регрессивные процессы в обществе.

Хронологические рамки предложенного курса - XX век. О XX веке речь идет потому, что это время развития мировой цивилизации, ускоряющегося научно-технического процесса, расцвета и за-

ката монополизма, триумфа и крушения тоталитарных режимов и постепенного утверждения демократизма. XX век - это век двух мировых войн, которые показали человечеству невозможность решения стоящих проблем военным путем. История XX в. доказала, что существование человечества возможно только на путях согласия, что бескомпромиссная борьба в эпоху оружия массового уничтожения - это гибель человечества. Таким образом, насыщенный коллизиями XX век обладает богатейшим запасом исторического опыта и уроков. Изучение и осмысление их является главной задачей курса. Представляется целесообразным рассмотреть в нем следующие проблемы:

Социально-экономическое и политическое развитие мира на рубеже XIX-XX веков.

Общественно-политические движения и партии в конце XIX - начале XX веков.

Буржуазно-демократические революции начала XX века. Первая мировая война. Социально-политическое развитие стран-участниц мировой войны 1914-1918 гг.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Беларусь в феврале 1917 г.

Альтернативы развития России в 1917 г. Беларусь в 1917 г.

Революционный взрыв в мире в 1918-1923 гг. Гражданская война в России. Положение в Беларуси. Перегруппировка социально-политических сил в 20-е годы.

Стабилизация капитализма.

Трудности реализации идей социализма в СССР. Обострение противоречий мирового развития (1930-1939 гг.).

Попытка разрешения противоречий 30-х годов на путях реформизма и тоталитаризма.

Нарастание в 30-е годы угрозы мировой войны.

Мировая война 1939-1945 гг. Беларусь в годы войны. Послевоенный мир. Противостояние двух мировых систем (1945-1955 гг.).

Вступление мира в эпоху научно-технической революции. Изменения в общественных отношениях в СССР (вторая половина 50-х - 60-е гг.)

Противоречивые тенденции развития мирового сообщества во второй половине XX в.

Мировое общественное развитие в 1970 - середине 80-х годов. Нарастание кризисных явлений в СССР.

Новые тенденции развития мирового сообщества. Курс на обновление советского общества (1985 г.).

Трансформация идей и действий традиционных движений и партий.

Новые политические движения и организации, их подходы к разрешению глобальных проблем человечества.

Эволюция тоталитарных режимов стран социалистического лагеря.

Проблемы национального возрождения (1985-1992 гг.). Общественные движения, организации и партии Беларуси на современном этапе.

Итак, отдавая приоритет истории Беларуси, целесообразно было также изучение на неисторических факультетах "Актуальных проблем истории XX века". А с учетом профиля вуза, либо специализации студентов можно было бы предложить также курсы "История мировой цивилизации" и "История общественных движений и политических партий".

П. К о б р и н е ц
(Гродно)

К вопросу о критериях при подготовке учебной литературы по истории советского общества

При подготовке новой концепции исторического образования в Республике Беларусь и реализации этой концепции в соответствующих учебных планах, программах и учебниках необходимо, на наш взгляд, руководствоваться следующими принципами и подходами:

1. Исключить безликость истории. Решительно отказаться от изучения истории "от съезда к съезду", "от пятилетки к пятилетке", ибо этот подход деформирует историю, делает показ событий однобоким. Но сами съезды и важнейшие пленумы ЦК как исторические события должны присутствовать в ее контексте. Убрать из истории лозунги и идеологические штампы. Коммунистические идеалы и их перспектива должны изучаться как частные формы истории.

2. Изложение исторических явлений должно быть максимально правдивым (насколько это позволяют сделать источники). Истори-

ческая правда - единственная в истории идеология, которую можно допустить. Следует отказаться от показа исторических событий только в одном цвете. Мода на черный цвет проходит, как правило, быстро. Ведь даже в мрачные годы культа личности были в жизни людей светлые моменты. Историю необходимо подавать без "белых пятен" и "черных дыр". Ни одно существенное историческое явление, каким неприятным оно ни кажется в данный момент, не может быть изъято из истории.

3. История - не только наставница, но и учебник жизни. Материал, изложенный в учебнике должен быть построен так, чтобы его содержание побуждало учащихся и студентов к рассуждениям типа "Чему учит история?". Особенно это касается истории советского общества. Это вернет истории ее главное назначение - быть учебником жизни. Представляется, что призыв отказаться от изучения истории войн, революций и т. д. является неверным и, более того, вредным для полноценного исторического образования. Разве можно выбросить из истории, из памяти народной, которая будет передаваться из поколения в поколение, например, историю Великой Отечественной войны?

4. С крайностями и противоположностями в оценке исторических явлений надо обходиться осторожно, постоянно памятуя о том, что истина, как правило, находится где-то посередине.

5. В содержании учебника акцент должен быть сделан не на политические события, а на социально-экономические вопросы, проблемы культуры и быта. Тем не менее, политические события должны отображаться достаточно полно, но их содержание следует проводить через судьбы людей, которые творят историю.

6. Наиболее приемлемой структурой учебника или учебного пособия по истории советского общества, на наш взгляд, будет построение его материала по принципу сквозных тем.

А. М. Л ю т ы
М. К. С а к а л о ў
(Мінск)

*Аб некаторых канцэптуальных падыходах да праграмы курса
"Гісторыя Беларусі"*

Вышэйшыя навучальныя ўстановы прызваны фарміраваць кадры, якія б сумяшчалі не толькі глыбокую прафесійную падрыхтоўку, але і шырокія веды па цэламу шэрагу гуманітарных дысцыплін. Галоўнае месца сярод гэтых дысцыплін павінна належыць гісторыі і культуры Беларусі.

Пры распрацоўцы праграм курса "Гісторыя Беларусі", а менавіта гэта на сённяшнім этапе з'яўляецца, на наш погляд, найбольш важным і складаным, ёсць канцэптуальныя падыходы, якія неабходна мець на ўвазе і па якіх неабходна прыняццёвая згода ўсіх вучоных-педагогаў, не ўзіраючы на ўсю самастойнасць, індывідуальнасць поглядаў і палітычных пазіцый.

Асобую ўвагу складальнікам праграм трэба звярнуць на метадалогію гісторыі, бо як і раней, можна бачыць спробы выкарыстаць гісторыю ў якасці зброі ў палітычнай барацьбе. Толькі адмовіўшыся ад маніпалізму на ідэі і погляды можна пазбегнуць дагматызму і ідэалагізацыі ў гісторыі. Палітызаваная гісторыя выдася да страты пачуццяў нацыянальнай свядомасці і павагі, аб'ектыўнасці ў ацэнках не толькі мінулага, але і сучаснасці, выклікае нацыянальны нігілізм, грамадзянскі песімізм, бездухоўнасць і безкультур'е.

Вельмі ўстойлівым з'яўляецца сёння "бальшавіцкі" ці "неабальшавіцкі" падыход да з'яў гістарычнага мінулага, іх месца ў жыцці нацыі. Пры гэтым мы маем на ўвазе не толькі адмаўленне ад "Краткого курса истории ВКП(б)", як канону ў асвятленні айчыннай гісторыі. З гэтай справай гісторыкі ў тым ці іншым выглядзе ўжо паспяхова справіліся. Але ж патрэбна, на наш погляд, пераадоўванне "бальшавізму" як метадалогіі.

Гэта датычыць перш за ўсё ідэалізацыі ў падыходах і ацэнках гістарычных фактаў, падзей, перыядаў. Пры тым не мае значэння, якая ідэалогія ў канкрэтным выпадку пануе (камуністыч-

ная, антыкамуністычная і інш.), галоўнае, што яна пануе над імі ў гісторыі. З гэтага погляду, назва "Строительство "казарменного социализма" таго ж тыпу, як старая "Победа социализма", альбо "Построение развитого социализма". Справа ў тым, што ідэалагічная зададзенасць у праграме выключае магчымасць разнастайных поглядаў на гістарычны працэс, прымушае выкладчыка і навучэнца мысліць у межах і накірунках канкрэтных ідэалагічных поглядаў. На наш погляд, змена адных ідэалагічных пастулатаў на іншыя, нават самыя супрацьлеглыя, захаванне прымату ідэалогіі ў гістарычным пазнанні і ёсць справа "неабальшавізму". Праграма курса "Гісторыя Беларусі" павінна быць свабоднай ад ідэалогіі, ідэалагічных устаноў, што дазволіць ажыццявіць дэідэалагізава-насць і дэпалітызацыю працэсу навучання, пазбавіць гісторыю і вывучаючых яе ад канюктурнасці.

Неабходна вяртанне ў канцэптуальныя падыходы і разумення прырытэту нацыянальных інтарэсаў над міфічнымі "інтэрнацыяналь-нымі", якія складаюцца з разнастайных нацыянальных поглядаў і інтарэсаў і не існуюць самі па сабе. Таму "Гісторыя Беларусі" павінна быць нацыянальнай гісторыяй не ў сэнсе абмежаванасці, ці знявагі і варожасці да другіх народаў, а ў падыходах да аналізу і ацэнак з'яў гістарычнага развіцця, гістарычнага мінулага в пунктах гледжання аб'ектыўнасці нацыянальнай гісторыі. Патрэбна разумець інтарэсы не якой-небудзь часткі нацыі, ці класаў, а працэсаў нацыянальнага эканамічнага, сацыяльнага, духоўнага, культурнага, палітычнага жыцця і развіцця. Пара ўясніць, што беларускі народ, нягледзячы на пакутлівасць ягонай гісторыі, гэта адна з еўрапейскіх нацый, мінулае якой цесна звязана з многімі народамі свету. Павага да тых, хто жыў на тэрыторыі Беларусі разам з беларусамі стагоддзі з'яўляецца гарантыяй развіцця свабоднай і незалежнай Беларусі. Спрыяць гэтаму ўсімі сродкамі і пры-начаецца вывучэнне нацыянальнай, у самым глыбокім сэнсе гэтага паняцця, беларускай гісторыі.

А. Ф. Рацько
(Мінск)

Некаторыя аспекты вывучэння першабытнай гісторыі Беларусі на гістарычным факультэце Мінскага педінстытута

Апошнім часам пры складанні навучальных праграм па курсу "Гісторыя Беларусі" як для сярэдняй школы, так і для ВНУ заўважаецца тэндэнцыя хутка "праскокваць" першабытнае грамадства і засяроджваць асноўную ўвагу на феадальным перыядзе. Такія адносіны да нашай найпершапачатковай гісторыі мы заўважаем і ў шматлікіх публікацыях, дзе ў большасці разглядаюцца пытанні дзяржаўнасці ў Полацкі перыяд, альбо ў часы Вялікага Княства Літоўскага. Канешне, беларускае сярэднявечча патрабуе сёння асабліва пільнага даследавання і вывучэння. Але нельга таксама забываць, што да ўтварэння Полацкага княства легла ў падмурак дзяржаўнасці, культуры, духоўнасці і нашай адметнасці як асобнага этнаса. У першабытнай гісторыі Беларусі адбываўся шэраг падзей і працэсаў, якія сталі вызначальнымі для далейшага лёсу яе насельніцтва. Маецца на ўвазе з'яўленне першага чалавека, пераход да вытворчых формаў гаспадаркі, авалодванне металаробчай справай і нарэшце -- зараджэнне першапачатковай дзяржаўнасці ("Ванцараўская гіпатэтычная дзяржава") як першы крок на шляху самаўсведамлення і самаарганізацыі беларускай этнічнай супольнасці.

Менавіта таму, распрацоўваючы праграму курса "Гісторыя Беларусі" на першы семестр, дзе вывучаецца перыяд ад старажытнасці да сярэдзіны XII ст., мы надаём належную ўвагу першабытнай гісторыі нашай краіны. З 40 гадзін лекцыйнага часу і 20 гадзін семінараў адна чвэрць аддаецца на вывучэнне першабытнага грамадства. Нават улічваючы тое, што студэнты ўжо азнаёміліся з курсам "Археалогія Беларусі", гэтага часу не хапае для падрабязнага вывучэння перыяду.

Вывучэнне першабытнай гісторыі Беларусі пачынаецца з перыядызацыі. Студэнтам прапануецца "схема перыядызацыі першабытнага грамадства", што дае магчымасць разглядаць вывучаемы час з розных пунктаў гледжання. У першую чаргу перыядызацыя археа-

лагічная, потым агульнагістарычная, антрапалагічная, морганаўская і геалагічная. У аснову "схемы?" пакладзена археалагічная перыядызацыя, якая раскрывае паслядоўныя этапы эвалюцыі прыклад працы, удакладняе асноўныя стады ў развіцці вытворчых сіл грамадства.

Пры вывучэнні нашай першабытнай гісторыі асаблівая ўвага надаецца археалагічным, этнаграфічным, антрапалагічным і іншым крыніцам. Вядома, што беларуская археалогія, пачынаючы з братоў Еўстафія і Канстанціна Тышкевічаў (сяр. XIX ст.), мае цэлы шэраг дасягненняў, якія былі пакладзены ў аснову рэканструкцыі першабытнага грамадства на беларускіх землях. На лекцыях і семінарах выкарыстоўваюцца работы К. М. Палікарповіча, А. Н. Ляуданскага, В. Ф. Ісаенка, М. М. Чарняўскага, Г. В. Шыхава і іншых беларускіх археолагаў.

Не менш важнае значэнне надаецца этнаграфічным крыніцам, якія асвятляюць многія бакі культуры і побыту народа, яго паходжанне, рассяленне і культурна-гістарычныя асаблівасці. Каштоўнасць этнаграфіі таксама і ў тым, што яна ўключае ў кола сваіх даследванняў духоўную культуру беларускага народа, гісторыю рэлігійных абрадаў, звычаяў і перажыткаў. Студэнты знаёмяцца з працамі этнографіаў П. М. Шпілеўскага, А. К. Кіркора, М. Д. Доўнар-Запольскага, Я. Ф. Карскага, М. Я. Грынבלата, В. К. Бандарчыка і інш.

Важнае значэнне пры вывучэнні грамадства надаецца антрапалагічным крыніцам, якія дапамагаюць высветліць сувязь продкаў з нашчадкамі, змяненні фізічнага тыпу і нейкіх рыс чалавека ў часе і прасторы. На лекцыях і семінарах выкарыстоўваюцца працы антрапологаў А. Т. Цімафеева, Л. І. Цягака, А. І. Мікуліча, І. І. Сілівова.

Цікавымі і каштоўнымі крыніцамі для вывучэння гісторыі першабытнага грамадства з'яўляюцца дадзеныя лінгвістыкі. Развіццё мовы адлюстроўвае гістарычны шлях этнічнай супольнасці, таму словы, паколькі яны, па выказванню Анатоля Франса, насычаны памяццю напярэдніх выкарыстанняў, могуць шмат расказаць аб самых аддалённых эпохах. Працы М. Р. Судніка, В. В. Мартынава, М. В. Бірылы, А. М. Булыкі, В. А. Жучкевіча таксама нагадваюцца ў лекцыйным курсе.

Нельга не сказаць пра надзвычайную каштоўнасць фальклёрных

помнікаў у вывучэнні першабытнага грамадства. Вядома, што беларускі фальклёр адзін з самых багатых у Еўропе. Песні, паданні, быліны і іншыя формы вуснай народнай творчасці складаліся ў тыя старажытныя часы, хоць запісваліся яны пазней. Дарэчы будзе нагадаць, што калі фальклёрныя матэрыялы выкарыстаць разам з навапашанымі археалагічнымі звесткамі, а таксама прыцягнуць дадаеныя этнаграфіі, мовазнаўства, старажытных пісьмовых крыніц, можна рэканструяваць тое, што складае сутнасць духоўнага, культурнага і эканамічнага жыцця старажытных насельнікаў Беларусі.

О. В. Петровская
(Минск)

*Проблемы преподавания истории
южных и западных славян*

В суверенном славянском государстве Беларусь приоритетное внимание несомненно должно уделяться славянской истории. Представляется наиболее целесообразным введение синхронно-параллельного изучения курсов всех славянских народов: южных, западных и восточных на протяжении 2 - 4 лет обучения. Такие исторические дисциплины, как история Беларуси, России, Украины, южных и западных славян должны составлять единый блок в горизонтальной структуре обучения учителей истории.

На историческом факультете Врестского педагогического института с момента его создания в 1991 г. был введен самостоятельный курс истории южных и западных славян. Такую возможность предоставила начавшаяся демократизация высшей школы. Следует напомнить, что общие курсы истории южных и западных славян читались лишь в университетах. Синтетический курс истории южных и западных славян охватывает всю многовековую историю каждого из южно- и западнославянских народов. Цель данного курса - дать понимание общих закономерностей исторического процесса в комплексе особенностей развития славянских народов.

С точки зрения методического обеспечения курс истории южных и западных славян находится в трудном положении. Прежде всего следует отметить, что альтернативных авторских программ по дан-

ному курсу взамен устаревших министерских пока нет. Программа курса истории южных и западных славян составлялась в Брестском пединституте в расчете на 110 часов (60 часов лекционных, 50 часов практических занятий). При составлении программы была несколько переосмыслена и освобождена от формационных рамок периодизация истории южных и западных славян. Средневековая история доводится до конца XVIII в., период новой истории - до конца второй мировой войны.

При составлении программы курса учитывалась необходимость пересмотра славянской истории в сторону ее более объективной оценки, отказа от прямолинейной трактовки исторического процесса. В частности, прослеживалось стремление к устранению приоритета социально-экономической проблематики в пользу системного подхода. Учитывалось, что до сих пор в содержании учебных курсов не отражены этническая история, образ жизни людей, их конкретно-исторический менталитет.

При составлении программы курса учитывались современные тенденции в развитии европейских систем высшего образования. Однако применение современных форм и технологий обучения в Брестском пединституте наталкивается на значительные трудности, связанные со скудостью материальной базы исторического факультета. Учебники по истории южных и западных славян, издававшиеся в 1957, 1969 и 1979 годах, не соответствуют требованиям сегодняшнего дня. Устаревшими являются академические издания по истории Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии. Библиотека исторического факультета формировалась в 1990 - 1991 гг. В связи с этим остро чувствуется нехватка даже в устаревших учебниках. В таких условиях основная нагрузка изучения курса приходится на лекции и практические занятия.

При чтении лекций и проведении семинаров по истории южных и западных славян используется сочетание проблемного и страноведческого принципов. Набор проблем определяется интересами лектора, аудитории, степенью разработанности данной темы, наличием соответствующей литературы и источников и другими факторами. Основу для лекций, а также проведения полноценных практических занятий обеспечивает трехтомная "Хрестоматия по истории южных и западных славян".

Опыт преподавания славянской истории в Брестском пединсти-

туте показывает, что немаловажную роль в процессе овладения студентами курсом играют формы контроля, которые необходимо разнообразить. Первую часть курса завершает зачет, вторую - экзамен. Кроме того используются различные варианты промежуточного контроля. В качестве форм самостоятельной работы студентов используется реферирование научной литературы, составление биографий отдельных деятелей славянской истории и культуры, самостоятельное изучение отдельных тем под контролем преподавателя. Весьма полезными при изучении истории соседней Польши являются тематические экскурсии (например, Волчек, Коссово, Сехновичи) и музейные семинары.

Для полноценного процесса преподавания и изучения курса южных и западных славян настоятельно необходим перевод зарубежных и создание новых отечественных учебников по славяноведению. Их должно быть несколько для самостоятельного выбора студентов.

Игумен Н и к о н (Лысенко)
(Минск)

Методологические проблемы преподавания церковной истории в духовных и светских высших учебных заведениях Республики Беларусь

В качестве самостоятельной учебной дисциплины церковная история стала преподаваться в православных духовных заведениях с конца XVIII в. До этого она составляла часть курса Св. Библейской истории. В XIX в. выработался собственный церковно-исторический метод, принципы разделения материала по периодам и предметам, приемы его сравнительно-исторического и богословского анализа и экклезиологической оценки. Все это нашло свое отражение в учебных курсах, преподававшихся как в духовных академиях и семинариях, так и в университетах, вплоть до 1917 г.

В Республике Беларусь единственным учебным заведением, в котором преподается церковная история, в настоящее время является Минская духовная семинария. Согласно программе 5-летнего обучения, соответствующей статусу высшего заведения, в семинарии

преподают курсы общей церковной истории, истории Русской Православной церкви, истории православия в Беларуси. Введение в университетскую программу богословских дисциплин, в том числе церковной истории, как представляется, - естественная и насущная потребность нашего времени. Работки по церковно-историческим дисциплинам семинарского курса могли бы явиться методической основой для построения университетского курса церковной истории.

Специфика церковной истории заключается в том, что, будучи исторической дисциплиной, она в то же время является богословской наукой. Предметом изучения истории является Церковь, основанная Иисусом Христом. Исследованию по законам исторической науки подлежит человеческий элемент Церкви - сообщества людей, основанного на вере во Христа. Однако, оценка конечных результатов такого исследования производится на основе богословского метода познания и в контексте Откровения.

Изучение церковной истории в МНДС построено по так называемому "концентрическому принципу" расположения материала по учебным курсам. Общая церковная история охватывает всю полноту истории христианства, курс истории Русской церкви включает историю православия в Древней Руси, в Московии и на Украине (XV-XVII вв.), в Российской империи и в СССР. В курсе истории православия в Беларуси изучается церковная история в географических пределах белорусских земель с древнейших времен до настоящего времени.

Каждый из курсов церковной истории разделяется по предметам: Внешняя жизнь Церкви, в которую входят - миссия, отношение к обществу и государству, межконфессиональные взаимоотношения; внутренняя жизнь Церкви, которая включает состояние вероучения, развитие церковной науки, канонический строй, организацию церковного управления, состояние богослужения, духовное просвещение, подвижничество и святость, религиозный быт, происхождение и историю ересей и расколов, церковное искусство.

Описанная система построения курсов и их деления по предметам позволяет обучающимся составить для себя ясное представление о сущности церкви и главных чертах ее практической жизни, правильно понять соотношение вселенского, регионального и национального аспектов ее исторического бытия.

Изучение церковной истории в светских высших учебных заведениях может основываться на всех рассмотренных нами методологи-

ческих принципах, однако, характер преподавания должен существенно отличаться от принятого в духовных школах. Ему необходимо должны быть присущи объективизм и аконфессионализм. Преподаванию церковной истории должны соответствовать, кроме того, высокая компетентность в явлениях религиозной жизни и богословской проблематике.

В. В. Сафонова
(Минск)

Да пытання выкладання гісторыі Беларусі ў агульнаадукацыйных школах рэспублікі (50-80-я гады)

Сёння адной з самых складаных праблем культурнага, духоўнага і палітычнага аднаўлення Беларусі з'яўляецца адраджэнне нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа, яго гісторыі, культуры. Гэта тлумачыцца тым, што дзесяцігоддзямі людзей адвучалі ад усяго роднага, нацыянальнага, і вынікам таму стаў заняпад духоўнасці, адсутнасць нацыянальнай самасвядомасці.

Таму, як ніколі раней, надта актуальнымі з'яўляюцца пытанні вывучэння гісторыі і гістарычнай адукацыі і выхавання на Беларусі. Бо менавіта гісторыя садзейнічае выхаванню нацыянальнай самасвядомасці. Але на працягу дзесяцігоддзяў у выніку панавання таталітарнага рэжыму гісторыя Беларусі была настолькі завуаліравана, настолькі скажалася і фальсіфіцыравалася, што ў гэтым выглядзе яна шмат у чым страціла ўласлівыя навуцы рысы. У выніку ў многіх беларусаў адсутнічаюць павяга і цікавасць да сваёй роднай гісторыі. Ва ўсім гэтым у значнай меры павінна ранейшая і сучасная сістэма народнай адукацыі. У сувязі з гэтым варта прыгадаць як вывучалася гісторыя Беларусі ў агульнаадукацыйных школах і ці вывучалася яна наогул. Калі ўзяць і прааналізаваць вучэбныя праграмы агульнаадукацыйных школ па гісторыі за пасляваенны перыяд, дык можна заўважыць, што прыкладна да 60-х гг. у іх нават і не ўспаміналася пра вывучэнне гісторыі Беларусі. Але ўжо ў вучэбных праграмах для сярэдняй школы па гісторыі СССР, напрыклад, на 1962/63 навучальны год адзначалася, што заняткі па гісторыі

СССР будуць весціся ў IX-X класах не толькі па падручніках гісторыі СССР, але і па вучэбнаму дапаможніку па гісторыі БССР пад рэдакцыяй Л. С. Абэцэдарскага. Пры гэтым спецыяльна не адводзілася колькасць гадзін на вывучэнне гісторыі Беларусі. І толькі ў 70-е гады ў вучэбных праграмах па гісторыі СССР пачалі адводзіць мізэрную колькасць гадзін на вывучэнне роднай гісторыі. Так, згодна вучэбнай праграме для васьмігадовай і сярэдняй школы па гісторыі СССР на 1973/74 навучальны год на вывучэнне гісторыі СССР у VII-X класах было адпущана 238 гадзін, а на вывучэнне асобных тэм па гісторыі БССР у гэтых жа класах адводзілася толькі 29 гадзін. У наступныя гады суадносіны гадзін, якія адводзіліся на вывучэнне гісторыі СССР і БССР у агульнаадукацыйных школах, амаль не мяняліся. Прычым, як сведчаць вучэбныя праграмы, пераважная большасць часу адводзілася на вывучэнне гісторыі СССР, а на кожную з тэм па гісторыі Беларусі вылучалася толькі па адной гадзіне. Такім чынам, гісторыя Беларусі ў агульнаадукацыйных школах рэспублікі не выдзялялася як асобны прадмет, а разглядалася толькі як састаўная частка гісторыі рускай дзяржавы.

Узровень падручнікаў па гісторыі Беларусі для агульнаадукацыйных школ быў такі, што не вытрымліваў ніякай крытыкі. Сваёй шэрасцю, безыменнасцю, безколернасцю, не адлюстроўваючы жывую гісторыю народа, яны не маглі зацікавіць вучняў. Асвятленне падзей у гэтых падручніках, а то і самі падзеі, часцей за ўсё мяняліся ў залежнасці не толькі ад стану знешняй і ўнутраннай палітыкі дзяржавы, але і ад таго, хто кіруе гэтай дзяржавай і каму трэба дагадзіць. Пры аналізе вучэбных праграм па гісторыі СССР для агульнаадукацыйных школ, напрыклад, асабліва кідаецца ў вочы тое, як мянялася роля кіраўнікоў краіны ў Вялікай Айчыннай вайне ў залежнасці ад таго, знаходзіліся яны ў складзе кіраўнікоў альбо не.

Аналіз праграм па гісторыі СССР для агульнаадукацыйных школ прыводзіць да высновы, што патрэбны карэнныя змены ў змесце гістарычных дысцыплін і іх выкладанні. Гэта знайшло сваё адлюстраванне ў "Канцэпцыі гістарычнай адукацыі ў сярэдняй школе Беларусі", якая была складзена пад кіраўніцтвам і рэдакцыяй доктара гістарычных навук М. Біча у канцы 1991 г. У гэтым дакуменце, нягледзячы на некаторыя недахопы, бачны новы, свежы погляд на

гістарычную адукацыю ў школе. У ім дадзены аналіз стану гістарычнай адукацыі ў сярэдняй школе рэспублікі, адначыны мэты, задачы і прынцыпы яе вывучэння і выкладання, падкрэсліваецца неабходнасць складаць падручнікі ў беларускіх пазіцыях.

Такім чынам, у Беларусі робяцца першыя крокі па пераасэнсаванню зместу гістарычных дысцыплін і іх выкладанню ў агульнаадукацыйных школах, пераўтварэнню гісторыі ў сродак выхавання нацыянальнай самасвядомасці моладзі.

Н. В. С е р ж а н и н а
(Мінск)

Изучение внешней политики СССР в средней школе

Многие проблемы внешней политики СССР являются наименее разработанными в современной исторической науке. Существующие ранее идеологические догмы не позволяли освещать негативные моменты внешней политики СССР. После его распада и образования Содружества Независимых Государств многие проблемы подверглись анализу, критике, переосмыслению. В настоящее время делаются первые попытки оценки внешней политики СССР более чем за 70-летний период его существования и ее влияния на развитие международных отношений в целом.

Процесс избавления от мифов прошлого и поиск исторической правды нередко сопровождается очернительством Советского государства, перечеркиванием многих страниц в истории других стран, в истории внешней политики. Многие материалы грешат субъективизмом, тенденциозным освещением событий. Учителя, как и раньше, оставались жертвами недобросовестной информации, пользовались недостоверными фактами. И сегодня в распоряжении учителя нет комплекса правдивых источников, сборников документов, хрестоматий, в которых нашли бы отражение разные точки зрения на то или иное историческое событие.

Остановимся на наиболее сложных и противоречивых моментах истории внешней политики СССР. Прежде всего необходимо выяснить вопрос о принципах советской внешней политики. Следует показать

учащимся, что мирное сосуществование и социалистический интернационализм соответствовали требованиям времени идеологизированных межгосударственных отношений. Жесткая централизация управления, минимальное участие союзных республик в международных делах, случаи вмешательства СССР во внутренние дела союзных государств были нормой внешней политики, которая контролировалась небольшой группой первых лиц партии и государства. Обсуждение на партийных съездах и сессиях Верховного Совета вопроса о внешней политике носило чисто формальный характер.

В течение многих десятилетий запретной темой для исследования была история советско-германских отношений - одного из поворотных событий накануне второй мировой войны. Так как многие советские архивы на протяжении десятилетий были недоступны историкам, а документальные публикации далеко не в полном объеме отвечают требованиям научности, то до недавнего времени практически не существовало ни монографических исследований, ни тем более учебных пособий, в которых давалось бы правдивое и всестороннее освещение характера и содержания советско-германских отношений указанного периода. Однако в последние два-три года по данному вопросу был издан ряд публикаций, представляющих для учителя несомненную ценность. Необходимую и вполне доступную информацию в этой связи учитель может извлечь из статей В. А. Нежина (Преподавание истории в школе. 1992. №1-2. С. 8-13) и Д. Г. Наджафова (Новая и новейшая история. 1992. №1. С. 53-58), широко использовавших изданные в 1990-1991 гг. подборки документов и материалов по истории советско-германских отношений кануна второй мировой войны.

Труден для восприятия период, охватывающий послевоенное двадцатилетие (1945-1965 гг.). Особое внимание при его рассмотрении следует уделить происхождению "холодной войны", развитию конфронтации, приведшей к негативным последствиям в жизни стран и народов. Необходимо выявить мотивы заключения договоров, соглашений, установить, кем они вносились и утверждались, какую цель преследовали. обстоятельно должны быть изучены те ситуации в советской внешней политике, когда СССР был втянут в развитие событий, неблагоприятные для него и международных отношений в целом. Учитель должен показать, что внешняя политика СССР стала частью политического курса, который привел страну к гонке воору-

жений, накопленню огромного запаса оружия, что в конечном итоге негативно сказалось на экономике страны, жизненном уровне народа, способствовало возникновению глубокого кризиса, поразившего наше общество.

В. Ф. К у ш н е р
(Мінск)

Аб канцэпцыі "Беларускага гістарычнага часопіса"

Ідэя стварэння такога часопіса ўзнікла яшчэ гадоў 15 - 20 назад. Але перашкоды былі не эканамічныя, а галоўным чынам палітычныя. У "вялікім цэнтры" планавалася не толькі будаўніцтва нашых заводаў, шахт і жывёлагадоўчых комплексаў, але і галоўныя напрамкі даследаванняў па гісторыі, а таксама змест яе выкладання. Сёння, калі Беларусь стала на шлях незалежнасці, мы ўсё больш разумеем, што нам патрэбна глыбокае вывучэнне менавіта айчыннай гісторыі ў кантэксце з сусветнай. Варта адзначыць, што стварэнне нацыянальнага гістарычнага часопіса адбылося дзякуючы ініцыятыве і значным намаганням калектыва гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта, Інстытута гісторыі Акадэміі навук, пры падтрымцы кіраўнікоў Камісіі па адукацыі, культуры і захаванню гістарычнай спадчыны Вярхоўнага Савета Рэспублікі.

Галоўная мэта часопіса - спрыяць працэсу нацыянальнага адраджэння і паглыбленню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў праз глыбокае вывучэнне айчыннай і сусветнай гісторыі і прапаганду гістарычных ведаў. Нямала вострых і палемічных артыкулаў і матэрыялаў па гісторыі друкуецца зараз на старонках беларускіх перыядычных выданняў. Вышлі ці рыхтуюцца да друку цікавыя манграфіі. І гэта вельмі добра. Але нажаль нямала і такіх публікацый, дзе гістарычныя факты і іх навуковы аналіз падмяняюцца фантазіяй аўтараў, а вывады арыентуюцца на новую палітычную кан'юнктуру. Ужо з першых нумароў мы павядзём размову аб канцэпцыі гісторыі Беларусі і змесце гістарычнай адукацыі ў нацыянальнай школе на розных яе ўзроўнях.

Будуць друкавацца і метадычныя матэрыялы перш за ўсё для

навукоўцаў і аспірантаў, выкладчакаў гісторыі сярэдняй школы, а таксама вышэйшых і сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў, лектараў таварыства "Веды", краязнаўцаў. Пры гэтым гаворка пойдзе не толькі аб гістарычных дысцыплінах, выкладанне якіх ужо мае добрыя традыцыі, але і па такіх, як беларусазнаўства, краязнаўства, геральдыка, а таксама тых, якія незаслужана атрымалі назву дапаможных гістарычных дысцыплін.

Ёсць дамоўленасць аб выданні матэрыялаў з нашых і замежных архіваў, якія невядомы не толькі шырокай аўдыторыі, але нават спецыялістам.

Будуць у часопіса матэрыялы аб гісторыі і сучасным жыцці беларусаў у блізкім і далёкім замежжы, аб гісторыі народаў, якія многія стагоддзі жылі і жывуць папач з намі. А таксама тэксты вучэбных праграм і падручнікаў, вучэбна-метадычных матэрыялаў па гістарычных дысцыплінах, распрацоўкі урокаў, найбольш цікавыя здабыткі з метадычнага вопыту настаўнікаў. Не застанецца па-за увагай часопіса і краязнаўчая работа, праца па ахове помнікаў гісторыі культуры. Разам з дзяржаўнымі органамі, добраахвотнымі арганізацыямі і ўсімі зацікаўленымі асобамі мы будзем весці пошук гістарычных каштоўнасцей, што апынуліся па-за межамі Беларусі, знаёміць з імі нашых чытачоў, весці працу па іх вяртанню на радзіму.

Мяркуем прадастаўляць свае старонкі для публікацый звестак аб навуковых канферэнцыях, новых выданнях кніг, падручнікаў, зборнікаў, метадычнай літаратуры па гісторыі, разам з чытачом весці яе абмеркаванне.

Спадзяёмся, што навукоўцы, выкладчыкі, настаўнікі, краязнаўцы, студэнты-гісторыкі, якія доўга чакалі свайго часопіса, будуць папач з намі не толькі падпісчыкамі, але галоўнае - яго аўтарамі.

А. А. Гужалоўскі
(Мінск)

Музей і гістарычная навука

У наш час праблема ўзаемадачынення гістарычнай навукі і музеяў (больш за 70% з якіх на Беларусі з'яўляюцца гісторыка-краязнаўчымі) набывае вялікую актуальнасць.

Адрыв сучаснай музейнай практыкі ад узроўня развіцця профільных дысцыплін (археалогіі, этнаграфіі, нумізматыкі ды інш.) заўважлі даўно. Ён абмяркоўваўся на розных нарадах і канферэнцыях. Але ўсе прынятыя пастановы, накіраваныя на павышэнне навуковага узроўня работы музеяў гістарычнага профіля не выкананы і сёння. Большасць музеяў апынулася ў баку ад асноўных напрамкаў гістарычных даследаванняў, у лепшым выпадку выконваюць функцыю папулярызатараў навукі. Між тым, нават хуткі рэтраспектыўны позірк красамоўна сведчыць аб шчыльнай сувязі і нават абумоўленасці з'яўлення першых музеяў развіццём гістарычнай навукі.

З развіццём і дыферэнцыяцыяй дапаможных гістарычных дысцыплін было звязана ўзнікненне нумізматычнага збору і калекцыі "розных рэдкасцей" у Полацкім езуіцкім калегіюме. У апошнім у той час выкладаў і верагодна прычыніўся да стварэння кабінетаў доктар гісторыі і археалогіі з Сарбоны Д. Рышардо. Пэўную ролю ў гістарычнай адукацыі студэнтаў, а таксама іх навуковых пошуках адыгрываў мянц-кабінет і збор старажытнасцяў Віленскага ўніверсітэта, упарадкаваны магістрам філасофіі А. Багаткевічам.

Узмацненне цікавасці да мінулага і старасвеччыны беларуска-літоўскіх земляў, нацыянальнай культуры ў цэлым, паспрыяла стварэнню ў 1856 г. Віленскага музея старажытнасцяў - сапраўднай навукова-даследчай установы. Паказальна, што яна існавала ў шчыльнай сувязі з Археалагічнай Камісіяй, якую ўзначальваў заснавальнік музея - Я. Тышкевіч. Акрамя яго, уладкаваннем Віленскага музея займаліся іншыя сябры Камісіі - вядомыя гісторыкі К. Тышкевіч, І. Крашэўскі, Т. Нарбут, І. Ярашэвіч, М. Гамаліцкі. Яны спалучалі практычную музейную работу з навукова-даследчай, якая ў значнай ступені абаяралася на вывучэнне помнікаў з музейных фондаў.

У другой пал. XIX - пач. XX ст.ст. на Беларусі з'явілася шмат гістарычных прыватных калекцый і агульнадаступных музеяў. Гэта было непасрэдным вынікам развіцця гістарычнай навукі, павышэння яе статусу ў грамадстве. Беларуская старасвецкая выклікала цікавасць не толькі ў навукоўцаў, якія выкарыстоўвалі яе ў сваіх даследаваннях, але і ў шматлікіх аматараў-калекцыянераў. Побач з паўаматарскімі музеямі статыстычных камітэтаў, ствараюцца сапраўдныя гістарычныя музеі навуковых таварыстваў. І. Луцкевіч, Е. Раманаў, А. Сапуноў, А. Ельскі, А. Снітка разглядалі арганізацыю музеяў як натуральны і заканамерны працяг сваёй навуковай дзейнасці, надавалі музейнай рабоце вялікі сэнс.

Такім чынам, у перадрэвалюцыйнай Беларусі музеі адыгрывалі вялікую ролю ў вывучэнні гістарычнага мінулага. На падмурку іх калекцый праводзілася навуковая праца, што для Беларусі, дзе ў той час адсутнічалі універсітэты і акадэмічныя ўстановы, было асабліва важна.

Новы імпульс да развіцця музеяў гістарычнага профіля далі дэкрэты аб нацыяналізацыі культурнага здабытку, краязнаўчы рух 20-х гг., палітыка беларусізацыі. Да музеяў, падпарадкаваных Галоўнавуцы Наркамасветы, далучыліся буйныя навуковыя сілы (дасяткова ўзгадаць, што па вяртанні з эміграцыі дырэктарам Менскага музея быў В. Дастоўскі). Але, ужо напачатку 30-х гг. гістарычныя музеі пераўтварылі ў "палітычна-асвецкія камбінаты", якія павінны былі засяродзіцца на рашэнні чарговых прапагандысцкіх задач, дэманстрацыі поспехаў сацыялістычнага будаўніцтва. У такіх умовах навукоўцы сталі непатрэбныя, і ў ходзе кампаніі па барацьбе з "нацдэмаўшчынай" яны былі выгнаны з музеяў. Разам з імі з музеяў сышла гісторыя, якой было нятульня ў сістэме палітасветы.

Наступныя гады, нягледзячы на шматлікія рэарганізацыі і пастановы па паляпшэнню музейнай справы не прынеслі значных зменаў у гэтым накірунку.

Сёння наслеў час перагледзець каардынаты музея ў сістэме гістарычнай навукі. Неабходна ажыццявіць навуковы працы ў музейнай справе, перавесці музей з казённа-бюракратычных рэйкаў на рэйкі бесперапыннага навуковага пошуку.

Праблема "музей і гістарычная навука" мае некалькі аспектаў: па-першае, даследаванні, якія праводзяцца непасрэдна музей-

ним персаналам; па-другое, удзел навуковай грамадскасці ў даследванні музейных калекцый, праектаванні экспазіцыі і выстаў; па-трэцяе, арганізацыя сумесных даследванняў, як у межах музея, так і ў акадэмічных, універсітэцкіх падраздзяленнях.

Сярод іншых напрамкаў навуковай дзейнасці сучаснага гісторыка-краязнаўчага музея, трэба вылучыць вывучэнне фондавых калекцый. Музейная практыка сведчыць, што даследванне фондавых рэчаў, раскрыццё іх семантыкі, выяўленне іх месца і ролі як помнікаў гісторыі і культуры патрабуе вышэйшага прафесіяналізму. Усё відавочней робіцца неабходнасць распрацоўкі спецыфічнай галіны гістарычнай навукі - музейнага крыніцазнаўства. Без яго, мільёны адзінак захоўвання не выкарыстаць належным чынам ані ў навуковых манаграфіях, ані ў музейных экспазіцыях.

Нарэшце, трэба перагледаць сучасную практыку падпарадкавання музеяў гісторыка-краязнаўчага профіля выключна міністэрству культуры і далучыць да кіраўніцтва акадэмічныя структуры.

Сутнаць усяго комплексу вышэйпамянёных праблем - у вяртанні музеяў яго першароднай навукова-даследчай сацыяльнай функцыі, яго адраджэнні як навуковай установы.

Л. И. Б о р о д к и н
(Москва)

*Историческая информатика: международный
и междисциплинарный аспекты*

Одна из характерных черт развития науки в конце 80-х годов - возникновение новых научных дисциплин на стыке информатики и традиционных областей знания. Этот процесс затронул и историческую науку. С одной стороны, резко возрос уровень обеспеченности историков персональными компьютерами (ПК). С другой стороны, технические характеристики компьютеров и их программное обеспечение непрерывно совершенствуются, что превращает ПК во все более привлекательный и эффективный инструмент исторического исследования, создает реальные возможности для применения новей-

ших информационных технологий в работе историка.

С помощью ПК сегодня осуществляют подготовку издания исторических источников ("настоляная электронная типография"). Появление доступных по цене скамнеров, создающих возможности для оптического ввода в память компьютеров текстов или изобразительного материала, дало новый импульс исследованиям по истории культуры, искусства, в музееведении. Этому способствовало и появление оптических дисков с их огромной памятью. Изменились даже условия труда историков в архивах: портативные ПК позволяют делать все необходимые записи из архивных фондов в виде "твердой копии", хранящейся в памяти компьютера, а также заносить "по ходу" эти записи в персональную базу данных.

Совершенствование программного обеспечения (ПО) "стандартных" баз данных (типа dBASE), и особенно разработка специализированного ПО, учитывающего особенности исторических источников (мы имеем в виду прежде всего систему KLEIO, разработанную в ФРГ д-ром Манфредом Таллером) привели к активизации деятельности по созданию больших баз данных, содержащих сведения из массовых исторических источников. В конце 80-х годов медиевистами были разработаны базы данных, включавших биографические сведения о сотнях тысяч (!) персоналий. Создание многочисленных баз данных потребовало их стандартизации и концентрации. Сегодня в Западной Европе и США функционируют более 20 крупных банков данных в области исторических исследований.

Появление компьютерных программ, реализующих современные подходы из области исследований по искусственному интеллекту (базы знаний и т. д.), заинтересовало источниковедов и археологов.

В 80-е годы значительно возросла активность историков разных стран, использующих ЭВМ в учебном процессе на всех уровнях - от школы до аспирантуры. ПК все чаще рассматривается как помощник преподавателя, пытающегося активизировать и индивидуализировать процесс обучения, повысить эффективность контроля знаний.

Этот процесс привел к созданию в 1986 г. Международной ассоциации "History and Computing" (АНС), которая координирует деятельность историков разных стран, применяющих компьютеры. С 1986 г. эта Ассоциация проводит ежегодные весьма представительные международные конференции, публикует сборники статей,

поддерживает деятельность национальных ассоциаций, проведение рабочих семинаров, летних школ и совместных проектов. С 1989 г. Ассоциация выпускает (в Оксфорде) журнал "History and Computing". К началу 1992 г. АНС насчитывала около 1000 членов из 13 стран и стала одной из самых больших международных ассоциаций историков.

Оригинальные разработки в области исторической информатики осуществляется и под эгидой Ассоциации "История и компьютер" (АИК), зарегистрированной в Москве в 1992 г. Инициатива создания этой ассоциации была выдвинута на международном семинаре "Новые компьютерные технологии в исторических исследованиях и образовании", который состоялся в Ужгороде в июне 1992 г. Членами ассоциации являются сегодня специалисты по исторической информатике из пяти стран СНГ (устав АИК предусматривает "открытое членство"). Первым серьезным делом Ассоциации было проведение в октябре 1992 г. в МГУ Международной школы "Историческая информатика: Европейская модель". Эта школа, организованная при поддержке Международной Ассоциации "History & Computing", привлекла более 50 студентов и аспирантов, которые в течение двух недель знакомились с новейшими достижениями исторической информатики в изложении специалистов из Великобритании, Голландии, Норвегии и ФРГ. Ближайшие перспективы деятельности АИК связаны с проведением первой конференции ассоциации, публикацией сборника работ по исторической информатике (среди его авторов - ученые из 10 стран), созданием нового проблемно-ориентированного программного обеспечения, совершенствованием университетского курса исторической информатики.

Е. А. Федосик
О. А. Яновский
(Минск)

*Об использовании математических методов
исследования в историческом образовании
и исторических исследованиях*

Из опыта известно, что наиболее плодотворным для научного познания являются области "ничей территории" между сложившимися науками. С этой точки зрения несомненный интерес представляет применение математических методов в области гуманитарных дисциплин, как в преподавании, так и в научных исследованиях. К ним можно отнести программирование, математическую статистику, а, может быть, и некоторые другие чисто монопольные сферы деятельности математиков. Представители естественных наук, называя гуманитарные дисциплины "неестественными", не без основания считают, что современный уровень точности анализа в этих науках, мягко говоря, оставляет желать лучшего. С другой стороны, к сожалению, и в настоящее время едва ли не большинство гуманитариев, не боясь всеобщего осуждения, готовы сколь угодно преувеличивать свое математическое невежество. Это - результат традиционной современной вузовской педагогики.

Однако опыт, накопленный за последние годы, дает основание утверждать, что многое из функций преподавателя-историка уже сейчас можно поручить ЭВМ. Использование компьютеров в учебном процессе вуза расширяет возможности педагога, подтверждает основные дидактические принципы и методы. Известно, что создание программного обеспечения АООС имеет общие принципы - апробированный арсенал средств, не зависящий от характера самой программы, вводимого материала. Хотя разработчикам необходимо учитывать их специфику, особенности предмета, руководствоваться заданными целевыми установками и, в идеале, ориентироваться на конкретную группу студентов, на тех, для кого данная программа готовится.

Специфика исторических дисциплин - большие массивы текстовой информации. Для ускорения поиска необходимого раздела требу-

ется использование эффективности адаптивных алгоритмов, обращения к нужным записям имеющегося банка данных. При контроле же знаний студентов-историков "дерево" ответов нецелесообразно строить по так называемому принципу "меню", требующего ограниченного числа однозначных ответов.

Создателям программ необходимо учитывать длительность периода психологической адаптации гуманитариев к работе на современной компьютерной технике. Это обстоятельство усложняет создание качественного математического обеспечения для их обучения и контроля знаний. Возможно пойти по пути внесения в программы некоторых элементов игры, "оживления" самих программ. Обязательно предусмотреть длительный период подготовки студентов к работе с компьютером.

Математические методы незаменимы и при проведении научных исследований буквально по всем разделам истории. Конечно, социальные процессы сложны. Крайне трудно учесть субъективное, велико многообразие случайного. Из теории вероятностей и математической статистики известно, что хотя нельзя предсказать, какое именно значение примет случайная величина в итоге испытания, но при достаточно большом числе испытаний некоторые характеристики случайных событий и величин обладают свойством устойчивости, а суммарное поведение довольно большого числа случайных величин почти утрачивает случайный характер и становится законом при некоторых условиях. Появилось целое направление в исторической науке, называемое часто клиометрией, представители которого используют в своих исследованиях математико-статистические методы. Видимо, уже сегодня существует необходимость ввести курс основ математической статистики для тех студентов-историков, которые собираются посвятить себя науке (например, на уровне магистерской программы).

Для всех же гуманитариев необходимы знания об ЭВМ и программировании. ЭВМ может помочь точно классифицировать миллионы разрозненных фактов (что физически не под силу человеку) - "хлеба" исторической науки, рассортировать множество сведений, найти и сопоставить детали, чтобы от зыбких гипотез и предположений перейти к обоснованным, выверенным теориям. При помощи ЭВМ возможно разработать информационно-поисковые системы, гигантские банки данных, которые помогут избежать утомительных розысков до-

кументов по различным архивам.

Конечно, не стоит преувеличивать возможности использования математики и ЭВМ в изучении и исследовании истории. Главное останется за неформализованным, повествовательным методом историка-профессионала. Однако, по нашему мнению, будущее - в сочетании применения различных методов обработки массового материала исторических источников и построения моделей отдельных исторических процессов с проверкой этих наработок в ходе содержательного исторического анализа.

В. Н. С и д о р ц о в
(Минск)

*На пути к концепции компьютеризации
преподавания истории*

В 70-х годах БГУ активно занялся разработкой и внедрением в учебный процесс автоматизированных обучающих систем (АОС). Сферой их приложения были в то время физика, химия, математика, программирование. Накапливался положительный опыт. Появились более гибкие инструментальные средства. Поэтому, когда в начале 80-х годов возникла идея использования ЭВМ в преподавании такой слабо формализуемой дисциплины, как история, у преподавателей, далеких от вычислительной техники, она не вызвала неприятия и успешно начался процесс интеграции преподавания истории с применением ЭВМ.

С 1984 г. БГУ стал одним из первых в СССР центров компьютеризации преподавания гуманитарных и социально-политических дисциплин. Основным направлением в его деятельности явилась разработка автоматизированных учебных курсов (АУК) для последующего применения при контроле знаний студентов. Первыми были программы, разработанные на кафедре истории СССР досоветского периода. Это, прежде всего, программа с отдельными элементами обучения, однако предназначенная для оценки знаний студентов 1-го курса и содержащая контроль отдельно взятой темы, коллоквиум по ряду тем и зачет по изучаемому материалу за семестр. Тематически она

охватывала историю страны с древнейших времен до XVII века и включала 150 вопросов. Затем была создана серия обучающих программ. Тем самым были сделаны первые шаги, утверждавшие, что ЭВМ можно с успехом использовать в преподавании истории. Объемность и многотемность этих разработок выявили различия в подходе к созданию компьютерных программ естественно-математического и социально-гуманитарного циклов, недостатки существующих АОС и направления дальнейших исследований.

В 1983/84 и 1985/86 учебных годах в ВГУ прошли курсы по ознакомлению преподавателей университета с возможностями информационных технологий: вначале по инициативе энтузиастов АОС для узкой группы лиц, затем в порядке обязательной ликвидации компьютерной неграмотности для всех преподавателей. В результате заметно возросло число педагогов-гуманитариев, включившихся в процесс компьютеризации учебных занятий студентов. Были разработаны новые программы (информационные, справочные, контролирующие и обучающие) по истории СССР, показательная по политической истории, контролирующие и обучающие по философии, пакет комплексных программ по историографии истории СССР советского периода, а также фрагменты АУК по филологии, юриспруденции, журналистике. В подготовке программных разработок по отечественной истории приняли участие студенты.

Новое направление в научно-методической работе явилось основой для создания Белорусского центра новых информационных технологий преподавания социально-гуманитарных дисциплин (БелНИТ). Он оформился в июне 1991 года как один из семи центров, организованных тогда в системе Государственного комитета СССР по народному образованию. Его основными задачами стало изучение теоретических основ применения ЭВМ, создание педагогических программных средств и их внедрение в учебный процесс, формирование информационных баз данных и моделей социальных явлений, подготовка кадров. В структуре БелНИТ объединились сотрудники, оставшиеся верными делу компьютеризации, и его новые поборники, в том числе предметники, составители баз данных, программисты, дизайнер и методисты. Их работа уже строилась не на больших машинах, а на получивших распространение ПЭВМ.

Во второй половине 80-х годов был проведен многолетний ширококомасштабный педагогический эксперимент по применению компью -

терной технологии, показавший ее высокую эффективность как по усвояемости материала студентами, так и по качеству и прочности полученных ими знаний.

Накопленный опыт и общие задачи информатизации определили возможность и необходимость введения новых специальных дисциплин. В 1992/93 учебном году на всех отделениях исторического факультета БГУ (истории, международных отношений, архивоведения и музеологии) было организовано обучение студентов исторической информатике с расчетом последующего углубления их компьютерной подготовки соответственно будущей специальности выпускников.

Информация о деятельности БелНИТ была представлена на ряде международных научных конференций. Он стал признанной структурой БГУ со своим уставом, кадрами, программой деятельности. Все это позволило плодотворно разрабатывать концепцию компьютерной технологии обучения истории и других социально-гуманитарных дисциплин.

Е. Н. Балыкина
(Минск)

*Опыт создания компьютерной технологии
обучения истории*

Большую роль в повышении эффективности преподавания истории может сыграть новая отрасль науки и учебная дисциплина - историческая информатика, ядром которой является компьютерная технология. Однако, создание такой совокупности методов невозможно иначе как в процессе разработки баз данных, обучающих программ и целых автоматизированных курсов (АУК). Опыт показывает, что компьютерная технология обучения (КТО) зависит от качества АУК, количества и места в системе педагогических программных средств, оптимального сочетания АУК с традиционными методами обучения, комплексности подхода.

На качество АУК оказывает влияние: форма обучения (наиболее целесообразная - это самостоятельная работа студентов и контроль их знаний); характер компьютеризируемой темы (трудноусваиваемая,

ключевая, обильная фактами); особенности задания (комбинированное, сложное, с полной и чёткой формулировкой); дифференциация обучения (комплексное); структура АУК (многослойная, состоящая из тестов, "теории", обучения с элементами тренажа, контроля); домашние опросы обучаемых и экспериментальные апробации уже реализованного на ЭВМ сценария АУК (в 1-ом случае 2 с числом опрашиваемых не менее 70-120, во 2-ом - 2-3 с общим количеством участников не менее 60-130); форма ответа (свободно-конструируемая); степень полноты обработки информации (комплексное); характер статистики (создание базы верных ответов и баз ошибок с регистрацией количества попыток ответить и затраченного времени).

С увеличением числа АУК возрастает, причём высокими темпами, эффективность изучения дисциплины в целом. Однако их использование наиболее целесообразно в случаях: 1) самостоятельной работы студентов без участия преподавателя или при контроле их знаний по темам, не представляющих больших трудностей; 2) необходимости тренажа с целью повышения знаний отстающих студентов до уровня, необходимого, чтобы воспринимать лекции достаточной сложности или укладываться во время, отводимое для подготовки практических (семинарских) занятий.

АУК нельзя воспринимать без использования традиционных методов обучения. Максимальную пользу может принести лишь сочетание их, причём тщательно учитывая возможность применения тех или других в каждом конкретном случае. Однако комплексный подход состоит не только в таком учёте, как количественный, порядковый, соответствующий содержанию изучаемого материала.

Немаловажное значение имеет внутренняя взаимосвязь всех методов обучения, которая обнаруживается при сохранении и отслеживании истории обучения каждого студента. Поэтому следует иметь в виду и психологическое тестирование обучаемых, позволяющее выявить, наряду с другими, такую характеристику, как тревожность, и предусмотреть кадры обратной связи; и релаксопедию, чтобы создать соответствующий банк шуток, анекдотов, курьёзных случаев из жизни людей и, используя его, снять неизбежную усталость и повысить активность при работе с компьютером; и "умную" реакцию ПЭВМ на всевозможные действия пользователей, выходящие за рамки делового такта.

Комплексный подход предполагает также обращение к игровым

формам и методам обучения - этим обязательным элементам КТО в силу их дидактических особенностей, в частности, комплексного воздействия на интеллектуальную, эмоциональную, нравственно-волевую и поведенческую стороны личности обучаемого. Игры оказывают незаменимую помощь в преодолении обстановки "sos", возникающей в связи с невиданным ранее потоком информации (различных фактов и новых понятий) и проявлением методологического консерватизма со стороны студентов и нередко преподавателей. Посредством игрового диалога с ПЭВМ со свободно-конструируемыми ответами можно успешно осуществить экспертизу тех или иных фактов и событий и решать задачи их обобщения и выхода на закономерности, отрабатывать исторические понятия.

К сложным или интеллектуальным играм можно отнести игры-головоломки (кроссворды, чайнворды, шарады и др.). Они вызывают у студентов повышенный интерес и стремление достигнуть наилучших показателей, способствуют быстрому и прочному усвоению ими фактического материала и понятийного аппарата, так необходимых для конструирования новых исторических концепций. Существенное значение при разработке таких игр имеет, как показывает опыт, соблюдение следующих условий: 1) оптимальное сочетание традиционных правил составления игр-головоломок с учётом введения в оборот не более 20 слов и возможностей компьютера; 2) содержательный отбор материала для программирования на основе составления собственной "энциклопедии-матрицы" - своеобразной базы данных; 3) разработка вариантов одной и той же программы с целью создания у каждого из обучаемых иллюзии неповторимости "его" игры. Перспективной является также разработка учебных сред мультимедиа и гипертекста.

Многолетний опыт создания, внедрения и эксплуатации АУК даёт возможность определить важные параметры концепции КТО истории.

L. Breure
(Holland)

*Historical data processing and mainstream computing:
two different worlds?*

In this paper we shall focus upon the interaction between historical data processing and the developments in computer technology in general. Different positions may be taken with regard to computer applications in historical research:

1. According to a rather naive view the problems in historical data processing do not substantially differ from those in computer science in general. Everything is just a matter of general methodology which should be applied to the field of history. This point of view does not reckon with the peculiarities of historical sources, all the irregularities and typical time and culture depended characteristics which make it difficult to store this material into rigid datastructures and to process it by means of simple commands.

2. A second approach tends to swing to the opposite and considers historical data processing fundamentally different from normal dataprocessing. This, for example, leads to the development of special historical software to be used in stead of standard commercial software.

3. Finally, there is a middle-of-the road view: historical data processing is concerned with special problems in storing, analyzing and retrieving source documents but does so using standard software and general methods with addition of special tools and special techniques based upon history as a discipline.

If we accept this dualism we may describe the current state of historical information technology in relation to developments in main stream computing. The type of computer application depends largely on the type of source material: highly-structured sources like census data, birth-, marriage and

burial registers require database techniques followed by statistical analysis, while word frequency computation, lemmatization key-word-in-context and content analysis (also based on statistics) are suitable for textual material. A new and promising field regards image processing, not only as a visual addition to data in a database. Image enhancement, filtering and other manipulations may result in new historical tools (for example for deciphering of hand writing). Multimedia is one of the buzz words. Optical Character Recognition (in combination with scanning) may lower the costs of entering large amounts of data into the computer.

This short sketch shows already the diversity in the field of history and computing. If we try to get an overview it is hardly possible to describe all these subjects individually. Therefore we shall focus upon common problems and use trends in modern software as guidelines to analyze them. Historical data processing is only partly problem-driven: technology creates the framework for progress. There are a few entry points:

- a. MODELLING the past: computers require detailed definitions of the historical sources, or more in general, of the historical past from which the data come. Modern computer technology offers many tools for modelling. Can they be used by historians? What does it bring?
- b. How to preserve historical CONTEXT: modern information processing is often restricted to isolated data: historians, however, are used to see data in their context. Can commercial software accomplish this task or do we need our own packages?
- c. Shall we become PROGRAMMERS? Does the use of computers imply writing programs (or having a programmer employed)? There is a delicate balance between what-to-know and what-to-forget about software development. Although software development in a historical research project is different from business automation, we may learn from their mistakes.
- d. Is there any SPIN-OFF of historical data processing which can be useful for our computerizing society? So far

we have looked at the way we learn from computer technology in general. However, because historians are specialists in document processing we have something to offer to our colleagues in business automation.

In discussing these questions we may get some overview of the challenges of historical data processing in interaction with the technological developments which take place all around.

ГІСТОРЫЯ СТАРАМУТНАГА СВЕТУ І
СЯРЭДНІХ ВЯКОУ

О. В. П е р з а ш к е в и ч
(Минск)

К вопросу о древнеиндийских брахманах, брахмавидья

Возложение на брахманов функций наставничества, учительства и совершение ритуала свидетельствует о том, что древнеиндийцы верили в нечто сверхестественное, мистическое, что связано с брахманами.

Это "нечто" представляется возможным условно назвать "магическая сила брахмана". Его концептуальное описание можно было бы начать с определения и рассмотрения центральной категории. Думается, что таковой была брахмавидья.

Для выделения брахмавидья, именно как центральной категории понятия "магическая сила брахмана", имеются следующие основания.

I. Брахмавидья - "знание о Брахмане", "знание Брахмана", "Брахмановы знания", т. е. знания о первоначале, всеобщей сущности, абсолюте, которые можно условно обозначить термином "истинное знание".

II. Обладающий "истинным знанием" может правильно принести жертву сразу во всех Мирах и достигнуть поставленной цели.

III. Обладающий "истинным знанием" сильнее богов, ибо боги не способны ему противодействовать.

IV. Обладающий "истинным знанием" достигает слияния с вечностью, разумеется, независимо от воли богов.

Вышеуказанные признаки являлись критерием истинности брахмана, ибо при жертвоприношении, обладающий "истинным знанием" брахман приводил жертву к цели, минуя волю богов, тем самым зас-

тавляя их совершать определенные деяния, но уже в качестве механизма воли Истины, а не как самостоятельных субъектов действия.

При выполнении функции наставничества и учительства "истинное знание" давало возможность воспринимать любое деяние с позиции Истины (Брахмана), тем самым следование совету, данному брахманам, обладающим брахмавидья, неминуемо приводило к цели, в то время как совет, данный исходя из других знаний, например "Вед", носил вероятностный характер, ибо определялся уже не абсолютными критериями, а относительными (применительно к сфере или ситуации) (под иными знаниями здесь понимаются знания, являющиеся изложением "истинного знания", для наиболее значимых сфер деятельности).

Истинный брахман - тот и только тот, кто владеет брахмавидья.

А. М. К р о т а ў
(Гомель)

Культура Бактры эпохі Вялікіх Кушан

Гісторыя старажытнага свету з'яўляецца традыцыйнай сферай акадэмічных пошукаў, вольных ад ідэалагічных напластаванняў і кан'юктуры дня. Аднак і тут існуе нейкая аднакіраванасць, сутнасць якой складаецца і ў магчыма абгрунтаванай схільнасці да распрацоўкі тэм, не выходзячых за рамкі вывучэння класічнай антычнасці ці гісторыі дэспатыі старажытнага Усходу, г.зн. тых цывілізацый, уклад якіх у скарбніцу агульначалавечай культуры велізарны і бяспрэчны.

Аднак, акрамя цэнтраў цывілізацыі з развітымі формамі дзяржаўнасці, з развітай эканомікай, са складанымі і устойлівымі сацыяльнымі адносінамі, з культурай, дасягненні якой уражаюць і дагэтуль, існавалі рэгіёны, на якіх адбываліся кантакты паміж цывілізацыяй і варварствам, дзе адбывалася зліцце культур, хада і вынікі якога таксама заслугоўваюць руплівага вывучэння. І гэта вывучэнне не павінна насіць характар чыстых ведаў, не маючых ніякай практычнай значнасці. Больш таго. Атрыманьня пры вывучэнні

канкрэтнага матэрыялу вывады, пабудавання лагічныя канструкцыі, неабходна выкарыстоўваць для аналізу матэрыялу іншага паходжання, але такой жа спецыфікі. Неабходна вивучаць механізм перадачы культурнай спадчыннасці ў грамадстве, стракатаасць якога не перашкаджала яму існаваць адносна доўгі час у межах адзінага дзяржаўнага ўтварэння і ствараць сваю самабытную культуру, увабраўшую ў сябе элементы культур усіх народаў, прымаўшых удзел у фарміраванні гэтага грамадства.

Культура Бактрыі (тэрытарыяльнага ядра Кушанскай імперыі) эпохі Вялікіх Кушан і ўяўляе сабой бліскучы прыклад такой культуры. Гэта культура, якая склалася ў выніку змяшэння элементаў эліністычнай, індыйскай, іранскай культур з элементамі культур шматлікіх плямёнаў іранскага і, магчыма, іншага паходжання, была унікальнай.

Крайняя цяжкімасць (моўная, рэлігійная) характэрывавала кіраванне ўсіх кушанскіх уладароў. Гэта пацвярджае і традыцыйны білінгвізм кушанскіх надпісаў, і выключная разнастайнасць выяўленняў багоў у манетнай іканаграфіі (эліністычныя, іранскія, будыйскія).

Раўнапраў'е і ўраўнаважанасць усіх складаемых кушанскай культуры дае права лічыць, што пры разумным падыходзе да вырашэння этнакультурных праблем з боку дзяржавы магчыма не толькі працяглае існаванне народаў - носьбітаў культур разнастайнага паходжання ў межах адзінай дзяржавы, але і натуральнае нараджэнне новай культуры, самабытнай і высакаразвітай, якая не в'яўляецца вынікам штучнага мадулявання.

Але неабходна наяўнасць шэрагу умоў, якія надаюць гэтаму працэсу характар усеагульнасці:

1) працяглае мірнае суіснаванне народаў - носьбітаў кампанентаў новай культуры на агульнай тэрыторыі;

2) існаванне на гэтай тэрыторыі адзінай дзяржаўнасці, эдольнай абараніць расткі фарміраваўшайся культуры ад дэструктыўнага, а часам і смяротнага ўплыву звонку;

3) аднолькава раўнапраўнае становішча ўсіх народаў у дзяржаве, іх аб'яднаўшай;

4) разрыў паміж "цывілізацый" адных народаў і "варварствам" іншых не павінен быць вялікім, каб не выклікаць у апошніх рэакцыі адарвання;

5) працэс фарміравання новай культуры павінен ісці разам з працэсам раавіцця сацыяльных арганізмаў;

6) нельга лічыць адмоунай з'явай у працэсе фарміравання новай культуры тое, што адна з раўнапраўных, суіснуючых і ўзаемадзейючых выходных культур стане натуральным шляхам выконваць ролю структурнаўтваральнага элемента.

А. А. Прохараў
(Мінск)

Аб значэнні конскіх спаборніцтваў у быліне "Іван Гасціны сын" з улікам індаеўрапейскіх паралеляў

Быліна Іван Гасціны сын з'яўляецца адной з найменш даследаваных. Акрамя сюжэтных цяжкасцей гэтаму садзейнічае рэліктавае супольніцтва сакралізаваных постацяў і дзействаў. З усяго відаць, калі быліна складалася ў сваім дайшоўшым да нас варыянце, яе сюжэт ужо быў архаічным для ўсходніх славян.

У цэнтры быліны ляжыць канфлікт паміж Уладзімірам-князем і Іванам Гасціным сынам. Князь выклікае жадаючых скакаць ад Кіева да Чаргнігава "трыдевяноста мерных верст меж заутрэнней и обедней". Рашаецца на гэта толькі Іван. Ягоны конь, Бурушка, абяцае яму пасаромець князя і ягоных коней. Да скачкі у быліне даходзіць зрэдку, бо коні Уладзіміра палюхаюцца іржання Бурушкі. Ад гэтага іржання вылятае шкло у вокнах, падае дах у цераме, сам князь, напалоханы, поўзае пад сталом.

Большасць даследавальнікаў (Ор. Міллер, А. Пацэбня, Вс. Міллер, В. А. Рыбакоў, Р. С. Ліпец) інтэрпрэтавалі сюжэт быліны проста як адлюстраванне спаборніцтваў пры двары кіеўскіх князёў, а перамогу Івана над князем тлумачылі як барацьбу багатырства і княскай улады. Але трэба адзначыць, што практычна усе спаборніцтвы, якія існавалі ў паганскіх грамадствах, мелі ту ці іншую сакральную афарбоўку. Тым больш у выпадку такога старажытнага індаеўрапейскага звычай, як конскія скачкі.

У 70-я гады Ю. І. Смірноў і В. Н. Пуцілаў параўналі гэту быліну з паўднёваславянскімі песьнямі аб юнаку, які перагнаў сонца на

кані. Ю. І. Смірноу залічыў сюжэт быліны да казачных.

Але, растлумачыўшы матыў скачкі, нельга не ўлічваць, што часцей за усё справа ў быліне вырашаецца магутным іржаннем каня героя. Яшчэ А. Пацебня ўказваў на цвёрдае суднясенне ў народнай лірыке такіх з'яў як "святло" і "гук". Са з'яўленнем аднаго ўзнікае і іншае. Напрыклад балгары лічылі, што сонейка на ўзходзе выклікаецца конскім іржаннем.

У гэтай сувязі, на наш погляд, неабходна прыгадаць зафіксаваны яшчэ Герадотам іранскі міф аб узходзе на трон Персіі Дарыя (Ш, 84-87). Сямёра прэтэндэнтаў умовіліся, што царом персаў будзе той, чый конь першы заіржэ пры ўзходзе сонца. Дзякуючы хітрыкам канюшага Дарыя, ён зрабіўся ўладальнікам дзяржавы Ахеменідаў.

У індаіранскім міфе мы сустракаем тыя ж структурныя адзінкі, што і ў славянскай быліне:

- 1) усход сонца судносіцца з іржаннем каня,
- 2) перамога каня ў спаборніцтвах шчыльна звязана з царскай або княскай уладай.

Г. И. Д о в г я л о

Белорусы - Востоковеды XIX в.

/Древний Восток/

В это время востоковедными исследованиями в основном начали заниматься образованные люди, получившие хорошую подготовку в классических и современных языках и окончивших такие известные учебные заведения, как например, Виленский университет и Полоцкий коллегиум. В последних постоянно преподавались древнееврейский и арабский языки, а временами - персидский и турецкий. Некоторые воспитанники таких специализаций по своему желанию приступили к изучению языков и письменных источников древних восточных народов.

К примеру, известный арабист Игнатий Балтазарович Петрашевский /1796 - 1869/, выпускник Виленского университета, впоследствии профессор Петербургского и Берлинского университетов, член

Германского Востоковедного общества, издал ряд работ об Авесте и ее языке на немецком и французском языках Другой арабист и впоследствии известный литератор Осип Иванович Сенковский /1800 - 1858/, после университета несколько лет путешествовал по странам Ближнего Востока и Египту, некоторое время занимался египтологией и даже написал несколько художественных произведений о древней нильской цивилизации.

К XIX в. известные магнаты Радавивиллы и Тышкевичи собрали богатые коллекции памятников материальной культуры и искусства Древнего Востока. Время их в значительной части сохранило, и в настоящее время эти древние раритеты хранятся и экспонируются в музеях и библиотеках Литовской республики.

Настоящим полиглотом в востоковедении проявил себя Казтан Андреевич Коссович (1814 - 1883) - выпускник Полоцкого колледжума и Витебской гимназии, а с 1832 по 1837 гг. - студент Московского университета. Уже в ученические годы самостоятельно изучил древнееврейский язык, в студенческие годы занялся санскритским, авестийским, арабским.

К. А. Коссович, как не дворянин, при исключительных способностях и учебных успехах, все же был лишен возможности научной стажировки за границей и последующего преподавания в Московском университете. Несмотря на это он стал гениальным самоучкой, общепризнанным авторитетом в востоковедных науках.

Начиная с 40-х годов он систематически издает комментированные переводы с санскрита, в основном из "Махабхараты" (1840, 1844, 1856, 1858, 1860, 1868). Параллельно подготовил санскритско-русский словарь, который только отчасти (3 выпуска) был издан Российской Академией.

На высоком научном уровне осуществлены его переводы "Авесты". Они издавались отдельными выпусками, но преимущественно на латинском языке. Особо следует выделить парижское издание 10 тат "Авесты" в 1867 г.

Многие годы К. А. Коссович изучал клинопись и стал первым в Российской империи ее знатоком. Его научный перевод клинописных текстов династии Ахеменидов появился в 1972 г., к сожалению, только на латинском языке. Это первое издание клинописных текстов в России, а перевод пространной надписи древнеперсидского царя Дария на Бехистунской скале является одним из самых первых

в мире.

В последние годы жизни он издал русский перевод древнееврейской грамматики Гезениуса и хрестоматию извлечений из Ветхого Завета.

Научные успехи К. А. Коссовича высоко оценены, он был членом Парижского и Германского Востоковедных обществ, кавалером иранского ордена Льва и Солнца I ранга.

Его труды замечены представителями белорусской культуры. Его перевод из Махабхараты "Охотник и пара голубей" несомненно стимулировал появление одоименной поэмы Я. Купалы.

І. А. Лі с а в ы
(Чэшска Будзёвіца)
К. А. Р э в я к а
(Мінск)

*Вывучэнне антычнасці беларускімі вучонымі
да XX стагоддзя.*

Да нядаўняга часу ў гістарычнай навуцы Беларусі панавала думка, што толькі з усталяваннем савецкай улады пачаліся сапраўдныя даследаванні антычнай гісторыі і культуры. На самай жа справе збор антычных помнікаў, іх даследаванне і выданне пачаліся значна раней, а менавіта ў часы сярэднявечча. Вядома, што Полацкая Акадэмія (з 1581 г. мела статус універсітэта) спрыяла не толькі распаўсюджанню граматычнасці, але была і навуковым цэнтрам антычнасці. Знакамітыя далёка за межамі Беларусі Любчанская, Нясвіжская і іншыя друкарні выпусцілі ў свет шэраг выданняў твораў антычных аўтараў.

Значныя поспехі у XVI-XVIII ст.ст. у вывучэнні антычнай гісторыі і культуры былі зроблены вучонымі Віленскага універсітэта.

Найбольш плённым па вывучэнні антычнасці беларускімі вучонымі стала XIX стагоддзе. Так на фундаменце антычнай міфалогіі з'явіліся ананімныя помнікі беларускай літаратуры - паэмы "Энеіда навыварат" і "Тарас на Парнасе". Дзве паэмы радніца вы-

карыстаннем вобразаў, узятых з антчнай міфалогіі. "Энэіда навыварат" - гэта вострая пародыя на паэму "Энэіда" старажытнарымскага паэта Вергілія. У паэме "Тарас на Парнасе" невядомы аўтар, выкарыстаўшы міфы старажытных грэкаў і рымлян, апавядае пра жыццё антычных багоў на чале з Зеўсам, выказваючы свае думкі наконт уласнага жыцця.

XIX стагоддзе дало гістарычнай навуцы сусветна знакамітага вучонага-антычніка, члена карэспандэнта Расійскай АН М. С. Кутаргу (1809-1886 гг.), які нарадзіўся ў г. Чэрыкаве Магілёўскай губерні, выкладаў антычную гісторыю і культуру ў Пецябургскім і Маскоўскім універсітэтах. Выдатная падрыхтоўка, веданне антычных моў садзейнічалі дасканаламу вывучэнню крыніц па антычнай гісторыі. Для М. С. Кутаргі характэрны крытычныя адносіны да старажытных крыніц і ў той жа час ён выступае як палымны абаронца верагоднасці антычнай традыцыі. Яго даследаванне "Аб верагоднасці старажытнай грэчаскай гісторыі" і сёння для антычнікаў з'яўляецца актуальнай працай. Каштоўнасць высноў вучонага ў тым, што ён даследаваў становішча рабоў у Грэцыі і іх адносіны з рабаўладальнікамі.

Незакончаная праца "Аб навуцы і яе значэнні ў дзяржаве" і сёння заслугоўвае ўвагі. Вучоны гаворыць, што навука павінна мець нацыянальнае аблічча і пры тым быць самастойнай і яшчэ раз нацыянальнай, пры ўмове развіцця свабоднай думкі.

Идэалістычныя пазіцыі М. С. Кутаргі аб прадмеце гісторыі.

Аналіз прац гісторыка, прысвечаных вывучэнню дакласічнай Грэцыі: самастойнасць вучонага, у прэцілегласць заходняму крытыцызму (Нібур) і гіперкрытыцызму, на аснове гістарычнай традыцыі пры даследаванні калектыўных форм старажытнай уласнасці, фарміраванні класаў і іх адносін, а таксама пры шэрагу іншых пытанняў. Асабліва ўвага М. С. Кутаргі да мерапрыемстваў Салона. Яго тэзіс аб з'яўленні тыраніі. Прызнанне ім рашучай ролі рэформаў Клісфена ў перамове над арыстакратыяй.

Гісторыя культуры старажытнай Грэцыі ў цэнтры увагі даследчыка. Сведчанне гэтаму - деталёвае ім даследаванне дагерадотаўскага перыяду грэчаскай гістарычнай літаратуры. Спраба М. С. Кутаргі звязаць некаторыя з'явы грэчаскай культуры з палітычнай барацьбой.

Агульны ход гісторыі старажытнай Грэцыі на думку вучонага ў

асноўным зводзіцца да барацьбы і ўстанаўленню дэмакратыі. Ён не ігнаруе, што дэмакратыя была рабаўладальніцкай. Рабству ён прысвядзіў манаграфію "Грамадскае становішча рабоў і вольнаадпущанікаў у Афінскай рэспубліцы". Рабы на яго думку - гэта гістарычная катэгорыя, а рабства узнікла ў выніку грамадскіх прычын.

Вялікая заслуга вучонага ў даследаванні Персідскіх войнаў. Мэта, пастаўленая ў манаграфіі "Персідскія войны" - храналагічнае выяўленне падзей, якія адбываліся ў гэты час.

У апошні перыяд свайго жыцця ў М. С. Кутаргі прашоў працэс эвалюцыі поглядаў управа і ён у сваю гістарычную канцэпцыю ўнес шэраг паправак - адказ ад ідэй класавай барацьбы і пераход на шлях класавага міру. Сведчанне гэтаму яго манаграфія "Афінская палітыка. Яе састаў, уласцівасць і сусветна-гістарычнае значэнне". На нашу думку ён зрабіў правільны шаг, таму што больш увагі удзяліў духоўнаму жыццю і тым інстытутам, якія былі жыццёва важнымі для грэчаскага грамадства. Вучоны, выходзячы з эвалюцыі поглядаў, даў новую ацэнку афінскай дэмакратыі. Раней ён прычыну паспяховага развіцця Грэцыі бачыў у барацьбе саслоўяў, цяпер знаходзіць поспех развіцця ў знешнім уплыве. Доказ гэтых высноў - паяўленне спецыяльнай манаграфіі "Уплыў Усходу на развіццё элінскай адукаанасці".

М. С. Кутарга - прадстаўнік беларускага народа, адзін з першапачынальнай аўтарытэтных гістарычнай навуцы царскай Расіі. Вядома, што царская імперыя ўвогуле не прызнавала ні беларускай нацыі, ні беларускай навуцы і культуры. Вучоны сапраўды паклаў пачатак самастойнаму вывучэнню антычнай Грэцыі у Расіі і прычым гэта выканаў з пазіцыі перадавай навуцы свайго часу.

Г. В. К и р и л л о в
(Мінск)

Космогенез и смысл жизни гностиков в "Апокрифе Иоанна"

Характерной особенностью гностицизма является понимание смысла жизни как завершение космогенеза для отдельно взятого человека. Причина космогенеза на всех его этапах одна и та же -

желание. Рождение зонов Плеромы по желанию Отца и Сына обеспечивалось соответствующим знанием. Для зонов Отца - Проноя как сознание существующее раньше мысли, для зонов Сына - Совершенный Ум, Эннойа. Желание же Софии-Эпинойа соответствующим знанием не сопровождалось, что и привело к творению материального мира. И это не было ошибкой по воле случая, так как космогенез начался с Отца. А вот как происходило творение материального мира (кеномы): "София же Эпинойа, будучи зоном, произвела мысль своею мыслью в согласии и с размышлением незримого Духа и предвидением. Она захотела открыть в себе самой образ без воли Духа - он не одобрил - и без своего сотоварища, без его мысли" (9: 26-32). Здесь мы видим четыре особенности:

- желание "открыть образ", надо думать, образ Отца;
- разрешение Духа тождественно участию парного мужского зона;
- словами "открыть в себе самой образ" да ещё мыслью описан процесс воображения, но т.к. уровень Софии качественно ниже Ума, то и образ Отца получился без-умный, безумным охарактеризован и Иалтабаоф (11:18)
- крме того, ерiноiа означает "выдумка", "изобретение", это третий уровень сознания: 1) Проноя, 2) Эннойа, 3) Эпинойа. Sofia кроме значений "мудрость", "знание", имеет ещё одно - "хитрость", а хитрость свойство её сына Иалтабаофа (24: 26). "Хитрость" Софии была в том, что она хотела открыть образ Отца в обход воли Духа и только для себя, без "мысли" своего парного зона.

Космогенез начался с Отца, который "узнаёт свой образ, когда видит его в источнике Духа" (4: 23-24). Плерома - реализация воли Отца, Кенома - реализация воли Софии. Следующий уровень воли - "вождеделение", из которого вырастает "древо жизни", растущее "во тьму" (21: 24-36). Поэтому, достойными нерушимости будут те, у кого нет "иной заботы, если не одна нерушимость, о которой они станут заботиться ... без ... желания ... ко всему" (25: 29-33). Дух жизни и дух обманчивый борются за душу в сердце человека. Не случайно Иоанн пережил откровение после того, как "был очень опечален сердцем" (1: 21) и медитировал на Спасителя в сердце (1: 31). Иалтабаоф, чтобы люди "не разумели и не видели" (22: 28) стремиться отяготить их сердца (22: 27-28). Спаситель же,

проявляясь как Эпиноиа света, снимает покров, лежащий у Адама на сердце (23:6-7). Иоанн вопрошает Спасителя в сердце и тот раскрывает знание, которое поможет выйти из круга желаний, круга перерождений. Если в душе прорастет семя Пронои - творение для души закончится и она попадет в Плерому. Душа спасается, когда в ней побеждает Дух жизни или она следует за той, "в которой есть Дух жизни" (27:18). Это соответствует структуре некоторых гностических школ, когда ученик достигает духовности через воздействие Учителя в молитве, медитации.

лица персонализации	Отец	Мысль Отца	Сын (Христос)	София	Иалтабаоф
ментальное		Pronoia	совершенное знание	ep-noia	epinoia
качество в нашем пони- мании		пред- мысль		позитив- ное мыш- ление	негативное мышление
уровень духовности у гностиков	больше бога	Метропа- тор Аутоген	1/род недвижимый 2/души святых	не познав- шие сразу, но потом покаявшиеся	отвернув- шиеся

Адекватное понимание гностических учений требует столь же высокого уровня духовности, который в отличие от ментального и физического уровней не имеет внутри себя ограничений. Иначе исследователь будет повторять ошибку Софии.

Б. Б. Виц - Маргулес
(Гродно)

Раннее христианство и античное свободомыслие

История античного свободомыслия и атеизма, как это ни странно, изучалась в бывшем СССР довольно поверхностно. Можно назвать только немногие ценные, опирающиеся на источники работы, связанные с этой темой. В частности такими являются работы минского ученого Г. М. Лившица. В большинстве трудов и пособий, особенно обобщающих, высказывания античных вольнодумцев перекочевывают из одной работы в другую. Во многом игнорировалась большая иностранная литература по этой теме и ряд серьезных трудов не нашел дорогу даже в крупные советские библиотеки. Но главное - слабо, особенно в этой связи, изучались патристика и произведения раннехристианских писателей. Книга Федосика В. А. о Киприане (Минск, 1991 г.) показала как много из их наследия оставалось terra incognita для прежних исследователей. Впрочем оно и не издавалось. Но ведь сочинения именно этих писателей при фрагментарности сочинений многих античных мыслителей зачастую являются для нас основным, если не единственным источником их изучения.

Наконец, даже содержательные работы не свободны от традиционной схемы: все античные атеисты и свободомыслящие - это передовые люди, а христианские писатели-полемисты - только тенденциозно их мысли, как и мысли античных философов вообще, искажают.

В свою очередь есть крайности и в соответствующей западноевропейской научной литературе. Опираясь только на часть христианских источников, некоторые авторы объявляют всех античных мыслителей, входивших в так наз. "каталог атеистов" (Цицерон. О природе богов 1, 1-2; Секст Эмпирик. Против ученых. IX, 50-53 и др. перечни) людьми, лишенными нравственности, примитивными богохулами, не-философами и т. д. Однако, и та и другая схема является односторонней и упрощенной.

Картина взаимоотношений раннего христианства с античным свободомыслием сложна и противоречива. Прежде всего, сами античные люди - язычники, далеко не противопоставляли христиан и критиков привычной им религии. Талантливый сатирик Лукиан из Само-

саты (II в. н.э.) изобразил следующую впечатляющую картину. Языческий "пророк" Александр из Абонотиха, воюя со сторонниками Эпикура, распустил слух о том, что "Понт наполнился безбожниками и христианами" (Александр или лжепророк, 25). Во время учрежденных им мистерий он первый провозглашал: "Христиан вон!", а толпа отвечала: "Вон эпикурейцев!" (Там же, 38). Одно из сочинений того же свободомыслящего Лукиана является важным источником для истории раннего христианства. В нем он с сочувствием описывает общину христиан, ставшей жертвой обманщика - Перегринна. При этом не сомневается в реальном существовании основателя религии христиан, "их первого законодателя" ("О смерти Перегринна", 11; 13). Недаром авторы протестантского направления, например К. М. Виланд (XVIII в.), считали его предтечей или другом христиан, а монография немецкого ученого Н. Д. Беца о Лукиане (1961 г.) появилась в серии, посвященной раннехристианским писателям.

Со своей стороны раннехристианские писатели, хотя обычно не жалеют черных красок в изображении античных вольнодумцев, делают это не все и не всегда. Писатели, получившие глубокие знания в области классической литературы и философии, рассматривают античных критиков религии как союзников в борьбе с язычеством и даже предшественников христиан. Правда, это последнее тоже бывало источником искажения. Говоря о них, знаменитый проповедник Иоанн Златоуст (IV в. н.э.) явно желает подчеркнуть, что в их лице христианство побеждало серьезного и достойного противника. А еще раньше один из "отцов церкви" Климент Александрийский (II-III вв. н.э.), знаток греческих древностей, перечислив известных древнегреческих атеистов, выразил недоумение, почему и христиане их таковыми считают. "Они ведь жили разумно и как-то более критически относились к заблуждениям остальных людей в вопросе о богах. Если они не понимали самую истину, то ведь они догадались о заблуждении, а это является немалым зародышем, семенем, прорастающим к пониманию истины" (Протрептик II 24, 22-24).

Ясно, что взаимоотношения раннего христианства и античного свободомыслия не были однозначны. Подобные приведенным богословы не были или были мало заинтересованы в фальсификации взглядов античных критиков религии. Их цитаты и пересказы сохранных ими сочинений могут считаться достаточно достоверным источником изучения античных мнений о богах, культе и религии.

В. А. Ф я д о с і к
(Мінск)

*Некаторыя рысы антычнахрысціянскага менталітэту
(па матэрыялах пасіёнаў і актаў хрысціянскіх
пакутнікаў)*

Пасіёны і акты хрысціянскіх пакутнікаў з'яўляюцца складаным відам першакрыніц. Галоўны іх змест - допыты хрысціян прадстаўнікамі рымскіх улад, дэманстрацыя хрысціянскімі героямі сваёй стойкасці ў веры і пакаранне іх смерцю. Акты і асабліва пасіёны патрабуюць пільнага і карпатлівага аналізу, тут вельмі востра стаяць праблемы аўтэнтчнасці, дакладнасці падзей і нават саміх персанажаў. Пераважная большасць пасіёнаў і актаў распаўядае аб часах антыхрысціянскіх рэпрэсій у III-пачатку IV ст.ст., але ў асноўнай сваёй масе яны былі створаны ў паслянікейска перыяд хрысціянства. Шэрагам сучасных даследчыкаў (Х. Музурыла, Дж. Рыччоці, У. Фрэндам, Ю. Каласоускай і інш.) зроблена істотная работа па крыніцазнаўскаму аналізу гэтых першакрыніц, выяўлены тыя з іх, якія былі створаны ў данікейска час (хаця, вядома, і гэта не выключае больш позняе рэдагаванне тэкстаў).

У савецкім хрысціянзнаўстве існавала стойкая прадурэятасць да гэтага гераічнага жанру хрысціянскай літаратуры. Між тым, уяўляюцца, што ігнараванне пасіёнаў і актаў хрысціянскіх пакутнікаў значна збядняе не толькі базу першакрыніц пры даследаванні антычнага хрысціянства, але і саму праблематыку хрысціянзнаўства. Акты і пасіёны даюць нам вельмі каштоўны матэрыял для вывучэння сацыяльна-псіхалагічнай праблематыкі ў прымяненні да антычнага хрысціянства. Па гэтых першакрыніцах можна даследаваць адметныя рысы хрысціянскага менталітэту антычнага часу, а таксама іх успрыманне носьбітамі афіцыйнай школы каштоўнасцей, якімі ў актах і пасіёнах выступаюць прадстаўнікі рымскай адміністрацыі. У пасіёнах і актах (за рэдкім выключэннем) галоўная сюжэтная лінія разгортваецца вакол адмовы хрысціян прынесці ахвяры рымскім багам. І гэта адлюстроўвае хрысціянскае ўспрыман-

не тых антыхрысціянскіх акцый, якія былі здзейснены пры Дэцы, Валерыяне, Дыяклетыяне. Ужо з самых пачаткаў хрысціянства адметнай рысай хрысціянскай ментальнасці стала ўсведамленне і практычная ўстаноўка, што адзінай сапраўднай ахвярай была збавіцельная смерць Ісуса Хрыста, а ўсе астатнія ахвярапрынашэнні - гэта ахвяра ідалам. Такая рыса фарміравалася як праз хрысціянскую керыгму, так і праз культ (прычасчэнне, потым літургія). Менавіта гэтая рыса хрысціянскай ментальнасці ў многім вызначала адносіны хрысціян да шэрагу істотных з'яў грамадскага жыцця. У пасіёнах і актах мы сустракаемся з экстрэмальнай сітуацыяй - вострым сутыкненнем паміж шэрагам адметных рысаў хрысціянскай і традыцыйнай антычнай ментальнасці, і на першы план тут выступаюць адносіны да ахвярапрынашэнняў. Героі актаў і пасіёнаў вядуць размовы з прадстаўнікамі рымскай адміністрацыі быццам на ровных мовах: хрысціяне тлумачаць, што яны не могуць прынесці ахвяры рымскім багам, таму што яны хрысціяне, а прадстаўнікі ўлады настойліва прапануюць ім зрабіць ахвярапрынашэнне, таму што гэтага патрабуюць імператарскія эдыкты, і адмова ад гэтага лічыцца здрадай. Першыя не разумеюць сэнсу такой здрады, падкрэсліваючы, што яны моляцца за імператараў, другія не разумеюць упартасці такога адмаўлення ад звычайнага і нават фармальнага акту. Спецыфічнай рысай хрысціянскай ментальнасці ў пакутнікаў выступаюць і іх адносіны да смерці - успрыманне смяротнага пакарання з радасцю альбо нават прага яго (пасіёны Карпа, Папіла, Агафонікі, Еўпла). Гэта вынікала з першахрысціянскіх адносін да свету (адмаўленне ад свету), якія вельмі рэльефна прасочваюцца ў многіх пасіёнах. Адсюль і асаблівыя адносіны пакутнікаў да іх сямей (бог паклапоціцца аб дзецях, бацькі-язычнікі - ворагі і г. д.)

Антычную хрысціянскую ментальнасць можна лічыць менталітэтам канфесійнай групы альбо арганізацыі (царквы). Гэтая ментальнасць у многім разыходзілася з традыцыйным рымскім менталітэтам, супярэчыла яму. Але ж канфесійная ментальнасць у экстрэмальных сітуацыях не заўсёды брала верх - нават у пасіёнах ёсць сведчанні аб тым, што былі не толькі героі, але і адступнікі, якія пад пагрозай страты жыцця або дабрабыту выконвалі ахвярапрынашэнні (такіх адступнікаў было мноства пры ганеннях на хрысціян).

Л. В. Х а р и ч к о в а
(Брест)

Религиозная политика Диоклетиана и Галерия

Отличительной чертой развития Римской империи III века был кризис рабовладельческих отношений, затронувший все сферы жизни общества. Пытаясь вывести государство из сложившейся ситуации, Диоклетиан проводит ряд реформ, направленных на реорганизацию экономики, политики, государственного устройства. К концу века ему удается временно стабилизировать внутривнутриполитическое положение.

Одним из основных итогов преобразовательной деятельности Диоклетиана является создание новой государственной системы - домината, наиболее характерной чертой которого становится неограниченная власть императора. Новая система требовала нового идеологического обоснования. Ни римская религия, ни распространенные в то время различные философские и религиозно-философские школы, ни императорский культ не подходили для решения этой проблемы.

Единственной религией, которая более всего отвечала поставленной цели, было христианство. Следует отметить, что к этому времени оно претерпело серьезные изменения. В III веке христианство распространялось по всей территории Римской империи. Приверженцам его становятся представители различных социальных слоев общества. При этом значительно увеличивается число людей состоятельных, занимавших высокое положение в обществе. Следствием этого становится изменение социальной доктрины христианства: оправдываются богатство и социальное неравенство, рабство, проповедуется непротивление злу и беспрекословное повиновение властям. Единой империи христианство предложило единого бога, а власть императора объявило священной, богоданной. Христианская верхушка в лице епископов пытается найти пути сближения с императорской властью. Таким образом, созрели условия для того, чтобы христианство было признано официальной религией Римской империи.

Однако император Диоклетиан не сумел правильно оценить воз-

никшую ситуацию. В поиске идеологического обоснования системы домината он избрал неверный путь: была предпринята попытка опереться на старую римскую религию. Но христианство, с уже сложившейся церковной организацией, явилось серьёзным препятствием на пути ее возрождения. На этой основе происходит столкновение императорской власти с новой религией. Пытаясь уничтожить в лице христианства идеологического противника Диоклетиан осуществляет самое крупное и жестокое преследование христиан (303 г.). Однако достигнуть намеченной цели не удалось. Стало очевидным, что та позиция, которую занял Диоклетиан по отношению к христианству, не соответствует объективным условиям. В итоге религиозная политика Диоклетиана потерпела провал.

Возможно, это послужило одной из причин того, что в мае 305 г. Диоклетиан отрёкся от престола. В ходе разгоревшейся после этого борьбы за власть религиозная политика каждого из претендентов исходила из определённого политического расчёта.

Константин и Максенций, стремясь заручиться поддержкой христианского населения, проводили политику терпимости. Что касается Галерия, Максимиана и Лициния, то они не отличались определённой последовательностью в данном вопросе, а меняли свою позицию в зависимости от обстоятельств.

Так, Галерий, следуя примеру Диоклетиана, на подвластных ему территориях осуществлял антихристианские репрессии. Но их неудача ещё раз продемонстрировала бессмысленность такой политики. И в 311 г. Галерий издал эдикт о прекращении гонений и веротерпимости по отношению к христианской религии.

Константин же понял, что только лояльного отношения к христианству уже недостаточно и назрела объективная необходимость союза государственной власти с христианской церковью. Этот союз должен был обеспечить императорской власти идеологическую поддержку.

І. А. Е ў т у х о ў
(Мінск)

*Старанікейская канцэпцыя чалавека
(Афанасій Александрыйскі)*

Міланскі эдыкт 313 г. істотна змяніў становішча хрысціянскай царквы ў Рымскай Імперыі. Надзённым пытаннем стала ўзмацненне легалізаваных царкоўных структур, прапаганда хрысціянскага веравызнання сярод шырокіх мас насельніцтва і адпаведны пераклад яго на зразумелую для іх мову штодзённа-бытавой свядомасці. Пад час рэалізацыі вышэйназваных кірункаў вызначыліся наступныя царкоўныя групы: 1) арыяне, якія зрабілі галоўны націск на прапаганду, арытуючыся пры гэтым на падпарадкаванне царквы дзяржаве; 2) старанікейцы, якія перанеслі акцэнт на фарміраванне стабільнай царкоўнай структуры, якая б карысталася аўтарытэтам і мела б пэўную аўтаномію ад свецкай улады. Кожная група актыўна фарміравала ўласную антрапалагічную сістэму. Мэта даклада - прааналізаваць галоўныя аспекты старанікейскай канцэпцыі чалавека на матэрыяле ранніх тэарэтычных твораў александрыйскага біскупа Афанасія: "Слова супраць язычнікаў", "Слова пра ўвасабленне Бога-Слова ...".

Афанасій Александрыйскі лічыў, што чалавек быў створаны дзея вечнага жыцця і сузірання бога, аднак ён зрабіў свабодны выбар і ўхіліўся ад прызначанага лёсу. У выніку ён згубіў дапаможную благадаць і ператварыўся ў звычайную смяротную істоту, якая ў сваю чаргу паступова павялічвала ўладу смерці над сабою - да смерці прыроднай людзі дадалі смерць гвалтоўную.

Душа чалавека разглядаецца Афанасіем як дзейная і бессмяротная па прыродзе. Гэта значыць, што чалавек не а б х о д н а працягваў грашыць, таму што душа не асэнсавала свой памылковы выбар і дзейнічала, а грэх адводзіў яе ад вечнага жыцця, да якога яна імкнулася па прыродзе. У выніку апошняга імкнення, яна стварала ідалаў і тым самым узмацняла ўладу граху. Адзіны выхад з гэтага складанага становішча быў у пераарыентацыі чалавека, што і рэалізавала ахвяра Езуса Хрыста на крыжы. Тыя, хто далучыўся праз хрещчэнне да яго місіі, перамаглі разам з ім смерць.

Перамога над смерцю на думку Афанасія Александрыйскага была

першым этапам новага жыцця чалавека (сувязь з царквою праз катэхуменат), другі этап -- хрыстатэраіямальнае жыццё (пад кіраўніцтвам царкоўнай іерархіі), трэці -- супольнае жыццё святых (адмова ад дзейнаснага жыцця і імкненне да сузіральнага жыцця). Найбольш выдатным прыкладам сапраўднага жыцця Афанасій лічыў лёс святога Антонія, які ён і апісаў у адпаведным жыцці. Гэты твор Афанасія ў сваю чаргу стаў узорам для наступных агіяграфічных твораў.

Структурна, антрапалагічныя пошукі Афанасія Александрыйскага працягвалі агульны кірунак развіцця пазнеантычнай думкі, з пэўнай хрысціянскай афарбоўкай (наяўнасць прынцыпова новых элементаў: грэхпадзенне, багадаць, збавленне):

"Залатыя вершы" неапіфагарэйцаў:

антычная аскеза -- бог пасля смерці

"Энеады" неаплатонікаў:

медытацыя -- зліццё з Адзіным

Афанасій Александрыйскі:

хрысціянская аскеза -- сузіранне бога

Пры распаўсюджванні сваіх антрапалагічных поглядаў Афанасій абавіраўся ў першую чаргу на інтэлектуальную эліту антычнага грамадства, каб праз яе ўплываць на шырокія слаі насельніцтва: Максіма Філасафа, біскупаў, якія ў большай частцы выбіраліся з манахаў (у "Пасланні да Драконтыя" ёсць значны спіс манахаў-біскупаў). Але гэты ўплыў быў не вельмі моцны, асабліва калі параўнаць яго з распаўсюджваннем "Таліі", якая была напісана добра зразумелымі народам вершамі, і прамовамі арыянскіх прапагандыстаў, якія выступалі галоўным чынам на рынках.

Прапаганда хрысціянскай аскезы не стварала спрыяльныя ўмовы для ўплыву старанікейскай канцэпцыі чалавека на больш шырокую аўдыторыю, пра што сведчыць, у прыватнасці канфлікт Афанасія і Драконтыя, манаха, які адмовіўся заняць біскупскую кафедру, каб не страціць сузіральнае жыццё.

У выніку дамінуючае становішча ў грамадстве занялі больш зразумелыя насельніцтву арыянская антрапалогія і традыцыйная антычная аскеза. Старанікейская ж канцэпцыя чалавека стала глебай, на якой у 2-й палове IV ст. вырасла нованікейская антрапалогія.

А. М. Сурта
(Мінск)

Хрысціянская царква ў Рымскай Галіі

Хрысціянства з'явілася ў Галіі пасля пачатку II стагоддзя. Прынамсі, творы новазапаветнага цыклу і іншыя першакрыніцы I - пачатку II ст. не даюць ніякіх звестак аб хрысціянстве ў Галіі. Больш познія паданні аб дзейнасці там новазапаветных персанажаў выклікаюць сур'ёзныя сумненні.

Першакрыніцы паведамляюць аб хрысціянстве ў Галіі пачынаючы з другой паловы II ст. Першыя звесткі датычацца поўдня Галіі, яны звязаны галоўным чынам з Лугдунам (Ліёнам). Найбольш значныя з іх - гісторыя аб ліёнскіх пакутніках, дзейнасць і творчасць епіскапа Ліёна Ірынія.

Слушнай уяўляецца думка шэрагу даследчыкаў (Дж. Браўэра, Ю. Келера) аб усходніх (малаазійскіх) каранях хрысціянства ў Галіі і аб даволі цесных сувязях хрысціян Галіі з аднаверцамі з Малой Азіі. На карысць гэтай думкі сведчаць і падабенства ў царкоўнай архітэктуры, і асаблівасці культавай практыкі (напрыклад, у рытуале прычашчэння і літургіі, дзе маецца шэраг асаблівасцей, якія характэрныя менавіта для ўсходніх царкваў, і якія адсутнічаюць у рымскай літургіі).

Але гэта не дае падстаў адмаўляць уплыў на гальскую царкву рымскай царквы. Асаблівае значэнне апошняй у хрысціянстве падкрэсліваў ужо Ірыней Ліёнскі (менавіта яму належыць першы вядомы нам спіс рымскіх епіскапаў). Вельмі каштоўны матэрыял аб адносінах паміж царквамі Галіі і Рыма можна знайсці ў эпістальнай спадчыне Кіпрыяна, якая дае падставу меркаваць, што гальская царква знаходзілася ў сферы уплыву рымскай царквы, так як іспанская - пад уплывам паўночнаафрыканскай.

Можна меркаваць, што асноўнымі цэнтрамі царкоўнага жыцця ў Галіі у III стагоддзі сталі Ліён і Арль. Кампетэнцыя іх епіскапаў відавочна абмяжоўвалася рамкамі адпаведных правінцый (Лугдунскай і Нарбонскай Галіі). Тут не ўтварылася адзіная мітраполія нахштальт паўночнаафрыканскай на чале з карфагенскім епіскапам.

Першакрыніцы не даюць дакладных звестак аб ахвярах антыхрысціянскіх рэпрэсій у Галіі сярэдзіны III ст. Але і ранейшыя факты, якія паведамляюць аб рэпрэсіях супраць хрысціян у Галіі сведчаць аб тым, што, як правіла, гэта была ініцыятыва мясцовых улад, асабліва язычніцкага жрэчства, незадаволенанага змяншэннем свайго ўплыву на паству і адначасова ўсё павялічваючайся колькасцю прыхільнікаў Хрыста. "Вялікае ганенне" Дыяклетыяна таксама абышло хрысціян Галіі (амаль што ні адна з першакрыніц таго часу не упамінае аб якіх-небудзь больш-менш значных падзеях такога характару на гальскай зямлі) - Канстанцый Хлор фактычна не выканаў ні водгін з антыхрысціянскіх эдыктаў Дыяклетыяна. Надвычай каштоўны матэрыял змяшчаюць першакрыніцы з V ст. Гальскія правінцы аднымі з першых падвергліся ўварванням варвараў, якія хутка стварылі тут сваю дзяржаву. Перапіска Сідонія Апалінарыя дазваляе прасачыць адносіны паміж гала-раманскай царквой і арыянскай (у вестготаў).

Матэрыял гэтай перапіскі дазваляе скласці дакладнае ўяўленне аб царкоўнай іерархіі гальскай царквы, аб яе ролі ў сацыяльным і палітычным жыцці Галіі. Тыповым, напрыклад, было тытулаванне гальскіх епіскапаў "папамі", ужо ў V ст. міране ў Галіі былі пазбаўлены права ўдзельнічаць у выбарах епіскапаў, існавалі дзве буйныя самастойныя мітраполіі (арльская і ліенская), лідэрам якіх падпарадкоўваліся хрысціяне некалькіх правінцый. Царква адыграла вялікую ролю ў ліквідацыі вынікаў варварскіх нашэсцяў (напрыклад, ліенскі епіскап Патэнт раздаў бясплатна вялікую колькасць збожжа насельніцтву гальскіх правінцый, спустошаных готамі). Вышэйшае духавенства Галіі прыцягвалася і да выканання дыпламатычных місій пры перагаворах з варварамі. Усё гэта прывяло да падняцця прыстыжы і ролі царквы ў жыцці гальскага грамадства. З прыходам у Галію франкаў (якія прынялі артадаксальнае хрысціянства) гальскае духавенства стала даволі ўплывовай апорай франкскіх каралёў. У далейшым саюз каралеўскай улады з рымскім папствам прывёў да ліквідацыі самастойнасці гальскай царквы і падпарадкаванню яе рымскім папам.

О. И. М а л ю г и н
(Минск)

*Борьба римско-католической и иро-шотландской
церквей за преобладающее влияние в Британии
до собора в Уитби*

Данная проблема, мало изученная в отечественной исторической науке, имеет важное значение для понимания процесса распространения христианства на Британских островах и параллельного процесса формирования раннефеодального государства у англосаксов.

Процесс христианизации Британии был явлением длительным и имел ряд отличий от подобного процесса на континенте. Основными особенностями распространения христианства в Британии были следующие:

- ранняя христианизация Британии, начатая ещё в III в., была вскоре прервана нашествием англо-саксов в середине V в. В то время как на континенте (в Галлии, Италии) германцы-язычники восприняли веру побеждённых, в Британии произошёл возврат к языческим верованиям;

- вторая волна христианизации острова начинается только через 100 лет после англо-саксонского завоевания Британии. Её особенностью было то, что обращение англо-саксов в христианство проводилось двумя различными христианскими церквями - иро-шотландской и римско-католической;

- иро-шотландская христианская церковь ведёт своё происхождение от кельтов-христиан, покинувших завоеванные англо-саксами территории и осевших в Британии, Уэльсе и Ирландии. В условиях Ирландии христианство кельтов приняло миссионерский характер, характер странничества, а иро-шотландская церковь сложилась применительно к родовому укладу жизни ирландцев;

- к концу VI в. н. э. благодаря активной миссионерской деятельности иро-шотландской церкви почти половина населения Британских островов была христианизирована;

- это вызвало озабоченность папы римского Григория I, который в 597 году отправил в Британию миссию Августина. Август-

тину была поручена организация церковной жизни на юге Британии по римскому образцу, при этом речь шла также об ограничении влияния иро-шотландского христианства;

- быстрые успехи миссии Августина и их последователей (за 40 лет правители четырёх из семи крупнейших королевств англо-саксов приняли христианство римского образца) можно в определённой степени объяснить гибкой политикой римско-католической церкви, которая не настаивала на немедленном уничтожении языческих пережитков, а в течение определённого времени допускала их существование;

- к середине VII в. борьба между римско-католической церковью, которая имела влияние в южных районах Британии, и иро-шотландской церковью, центр которой располагался на севере, в Нортумбрии, обострилась. Для разрешения разногласий между двумя христианскими церквями в 664 году в Уитби был созван церковный собор. Основным вопросом, который надо было решить на соборе, был - какое из течений христианства будет преобладающим в Британии. Мнение присутствовавшей на соборе англо-саксонской знати склонилась в пользу римско-католической церкви, хотя её борьба с иро-шотландским христианством на этом далеко не закончилась;

- основной причиной победы римско-католической церкви на соборе в Уитби была большая централизованность и аристократичность римско-католической церкви, иерархи которой могли быть использованы англосаксонскими королями в своих политических целях.

С. Я. Р а с с а д з і н
(Мінск)

Аб ранніх Германцах у землях Беларусі

Вывучэнне германскіх старажытнасцяў паміж Балтыйскім і Чорным морам мае ў айнавай навуцы даўняю традыцыю (гл.: Браун Ф. Разыскання в области гото-славянских отношений. СПб. 1899). На жаль, гэтыя даследаванні, якім і раней шкодзіў псеўдапатрыятызм часткі навукоўцаў, у савецкі час надоўга былі спынены. У разу-

менні сталіністскіх-несталіністскіх наглядальнікаў за навукай, сам інтарэс да старажытнагерманскага гістарычнага пласта ў СССР быў нечым шкодным. Між тым крыніцы ўтрымоўвалі надаеінныя факты, зварот да каторых проста разбураў афіцыйнаў устаноўку. На ваколцы Брэста Ю. У. Кухарэнкам быў даследаваны могільнік вельбарскай археалагічнай культуры, належнасць якой Іарданавым готам (ці гепідам) бяспрэчна. Нажаль, "готскаў тэму" ў нашай гісторыяграфіі апошнім часам дыскрэдытуюць аматарскія публікацыі, дзе робяцца безпадстаўныя спробы звязаць з готамі вядомыя на Беларусі балтскія назвы тыпу "Готвезь", і т. п.

Увогуле ж, Іарданавы германцы, "вельбарцы", мусіць, былі зусім не першымі прадстаўнікамі гэтай супольнасці ў цяперашніх Беларускіх землях. Мяркуем, што іх папярэднікам трэба лічыць ... носьбітаў зарубінецкай культуры. Напэўна, ужо цэлаў бібліятэку складаюць публікацыі, аутары якіх імкнуліся даказаць славянства "зарубінцаў". Спробы відавочна аказаліся марнымі, роўна як і альтэрнатыўныя ім, на карысць балтыства. Адзіным надзейным шляхам этнічнай інтэрпрэтацыі археалагічных аб'ектаў слушна лічыцца выяўленне іх тоеснасці этнічным адзінкам старажытных пісьмовых крыніц. Дзякуй Богу, для зарубінецкага часу мы маем шэраг такіх першакласных прац, у тым ліку твор самога "бацькі геаграфіі" Страбона. Страбонавы звесткі аб этнічнай сітуацыі ў глыбіні краіны на поўнач ад прычарнаморскага стэпу, паміж Істрам-Дунаем і Барысфенам-Дняпром -- паміж цірэгетамі і роксаланамі --, прыпадаюць на мяжу II -- I стст. да н.э., г.зн., якраз на час росквіту зарубінецкай культуры. Там ён лакалізуе германцаў-бастарнаў, і называе нават імёны асобных плямёнаў, пеўкінаў, атмонаў, сідонаў (VII: III,17). Зразумела, нельга меркаваць аб адпаведнасці Страбонавым бастарнам тагачасных гета-фракііскіх ці скіфа-сарматскіх старажытнасцяў Малдовы і Украіны. Тым больш, што тоеснасць бастарнам культуры Паянэшты-Лукашэўка практычна даказана. А гэта культура, як бы то сказаць, родная сястра нашай зарубінецкай, увогуле, на думку М. А. Ціханавай, з'яўляецца проста малдаўскім лакальным варыянтам апошняй. З паянэшты-лукашэўскай, здаецца, варта суадносіць менавіта бастарнаў-пеўкінаў. Пталемей ведаў іх "вышэй Дакіі", а "Пэуку-гару" ў Карпатах; усходнія ж Карпаты, па Пеуцінгеравым табліцам -- "Альпы бастарнаў". Мяркуем, што іншым часткам бастарнаў, атмонам і сідонам, належылі

асобныя лакальныя варыянты зарубінецкай культуры. Калі верхняд-няпроўскі ўтварыўся, як лічыцца, крыху пазней астатніх, то яго, на думку некаторых даследчыкаў, варта суадносіць з тымі бастарнамі, што вярнуліся з паходаў на Балканы. Толькі на Балканах, дарэчы, "зарубінцы" маглі запазычыць свой характэрны тып фібул, т.зв. зарубінецкіх, паходжанне якіх ад балканскіх коп'епадобных прызнаецца бяспрэчным. Апрача балканскіх, непрадузяты падыход дазволіў выявіць для многіх зарубінецкіх знаходак -- з мужчынскіх, воінскіх пахаванняў -- таксама і германскія прататыпы. Гэтыя рэчы ясторфскіх, губінскіх і інш. тыпаў, незалежна ад іх удзельнай вагі ў зарубінецкіх комплексах, мусіць, у стане адгрываць ролю пэўнага індыкатару паходжання бастарнаў ва ўсякім разе, іх ядра. Бяспрэчна, што да яго з цягам часоў далучыліся розныя іншазначныя кампаненты. Тут вынікі археалагічнага вывучэння добра стасуюцца з гістарычнымі звесткамі па бúrнай гісторыі бастарнаў (гл. дадзеныя аб удзеле фракійскіх, скіфскіх, кельцкіх і інш. элементаў у фарміраванні паянэшт-лукашэўскай і зарубінецкай культуры і, з др. боку, Лівіевы і Страбонавы звесткі аб саўзе бастарнаў са скардзіскамі, аб змяшэнні іх з трыбаламі, аб "бастарнах"-роксаланах, і г. д.).

Плініевы і Тацытавы звесткі лічыцца на адно-паўтара стагоддзі пазнейшымі за адпаведныя ў "бацькі гісторыі". Іх параўнанне ў стане даць цікавыя вынікі. Плініем бастарны (басцерніі) размешчаны, хоць і менш пэўна, але, увогуле, таксама, дзе і ў Страбона, у глыбіні мацерыка; на узбярэжжы Балтыкі (па-ў Энінгія, гэта Курземе, зг. з Д. А. Мачынскім) у яго венеда (NH, IV: 80), дарэчы, як і ў Пталемея (III: 5,7; "венеда -- па ўсяму Венедскаму заліву"). Аднак Плініева лакалізацыя венедаў зусім не супадае з Тацытавай. У Тацыта на іх месцы (на правым узбярэжжы Свебскага мора) згаданы эсціі "венеты" змешчаны ўнутры мацерыка, "паміж пэўкінамі і феннамі" (Germ, 45 -- 46). Яны апынаюцца на месцы Плініевых басцерніяў, таксама "за Свебіяй". Мяркуем, што тоеснасць Тацытавых венетаў Страбонавым бастарнам такая ж відавочная, як і тоеснасць ягоных эсціяў згаданым вышэй прыбалтыйскім венедам Пталемея і Плінія. На нашу думку, несупадзенне этнонімаў тлумачыцца тым, што Тацыт выкарыстаў ужо навіейшыя, невядомыя Плінію, звесткі якія нейкім чынам адлюстравалі тую вялікія этнагалітычныя змены, што адбыліся каля ўмоўнай мяжы "Германіі" і

"Сарматы" блізка да сярэдзіны I ст. н.э. Гэтыя змены добра прасочваюцца па археалагічным вынікам. На сярэднім Дняпры зафіксаваны разгром зарубенецкіх гарадзішчаў стэпавымі вандроўнікамі, на нашу думку, аланамі. Зафіксавана таксама і выкліканае гэтым нашэсцем перасяленне "зарубінцаў" у паўднёвазаходнім (на Паўднёвы Буг) і ў паўночна-ўсходнім (па Трубежу, Дзясне, Сажу, аж на Смаленшчыну) напрамках. На наш погляд, Тацэт пра тое гаворыць гэтак: "венеты перанялі шмат чаго з іх (вандроўнікаў) звычай, таму што дзеля рабунку рыскаюць па лясах і гарах, якія толькі ёсць паміж пеўкінамі і феннамі". Выгнанне іх аланамі прымусіла "зарубінцаў" зрабіцца такімі ж агрэсарамі, захопнікамі земляў южнаўскіх і інш. суседніх пляменаў... Мусіць, імя бастарнаў згубіла, у выніку паражэння ад аланаў, свой прэстыж, але Тацэт усё ж ведаў, што так некаторыя яшчэ называюць заходнюю частку, пеўкінаў. Больш усходніх Тацэт называе венетамі: хутчэй, гэта не была саманазва, а іншапляменнае найменне, тоеснае этноніму "эсціі" (пар.: стар.ісландск. "эстманнс", "людзі ўсходу"). Мы не згодны з тым, што Тацэтавы звесткі аб кантакце венетаў з пеўкінамі і феннамі з'яўляюцца штучнай канструкцыяй рымскай навукі, і што адзіны іх археалагічны прызнак -- няўлоўнасць (гл. у Д. А. Мачынскага і М. А. Ціханавай). Імі пакінуты шматлікія познезарубінецкія (у агульнапрынятым, а не па Л. Д. Побалу, значэнні) помнікі. Познезарубінецкія, г.зн., венетскія, помнікі Паўднёвага Пабужжа сапраўды суседзілі з Паднястроўем -- тэрыторыяй пеўкінаў, якіх няма падстаў адрываць ад Прыкарпацця (гл. вышэй). "Праце" і другі вызначаны Тацэтам арыенцір: фенны. Іх зусім не варта атоесамляць са скандынаўскімі ці беламорскімі саамамі, таму што фінна-угорскія старажытнасці, археалагічныя і тапанімічныя, знаходзяцца значна бліжэй, на паўночным усходзе Беларусі. Мусіць, там і месца Тацэтавых "феннаў", напэўна, адпаведных "фіннам" у Пталемея. Апошнія ж змешчаны "ніжэй", г.зн., на поўдзень ад Балтыкі, Венедскага заліва, і прыморскіх венедаў (III: 5,78). Такім чынам, Тацэтавы дадзеныя на самой справе прыкладна адкрэсліваюць памеры познезарубенецкага арэала. З другога боку, здаецца цалкам слушна думка Д. А. Мачынскага аб адсутнасці рэальнай сувязі паміж венедамі-венетамі, згаданымі ў крыніцах I ст. да н.э. -- I ст. н.э., і Іарданавымі венетамі-славянамі IV - - VI стст. н.э. Магчыма, "венетамі" гэтыя

славяне былі у той жа ступені, як раннесярэднявечнае насельніцтва Прычарнамор'я -- "скіфамі". На нашу думку, раннегерманскі (бастарна-венетскі) этнічны кампанент сярод стараўтных насельнікаў Беларусі недзе ў межах постаарубенецкага часу згадае. Захаванне зарубенецкай этнаграфічнай спадчыны ў кіеўскай культуры не абавязкова адлюстроўвае захаванне адпаведнай лінгвістычнай прыналежнасці і этнічнай свядомасці.

Я. Р. Р ы е р
(Магілёў)

*Да сацыяльнага развіцця ва Ўсходняй і Цэнтральнай
Еўропе ў раннім сярэднявекі*

Эпоха ранняга сярэднявекі, час складання дзяржаўных і класавых структур у Еўропе працягвае прывабліваць позірк даследчыкаў, бо менавіта тады закладваліся высновы многіх з'яваў, якія ўплываюць у тым ліку і на сучаснае жыццё. Сучасны стан навукі патрабуе абалірацца на шырокі спектр сумежных гістарычных дысцыплін, праводзіць комплексныя даследаванні. Усё больш важнае значэнне набываюць вынікі археалагічных даследаванняў, бо крыніцы гэтай навукі яшчэ вельмі далёкія да вычарпання. Але ўжо на даным этапе намаганні даследчыкаў розных еўрапейскіх краін дазваляюць выкарыстоўваць археалагічныя матэрыялы для рашэння складаных сацыяльных пытанняў.

Найбольш яскрава адзначаныя працэсы працягваюцца, калі іх разглядаць параўнаўчым метадам, супастаўляць з'явы з суседніх рэгіёнаў. Для даследаванняў выбраны рэгіёны, заселеныя ўсходнімі і заходнімі славянамі, а таксама германцамі да іх рассялення на былыя рымскія землі. Выкарыстаны матэрыялы по рассяленню, тапаграфіі і забудове паселішчаў, домабудаўніцтву, інвентару, здабытыя даследчыкамі Беларусі, Украіны, Расіі, Польшчы, Чэха-Славакіі і Германіі.

УСХОДНЯЯ ЕЎРОПА. Абшчына. Ужо ў сярэдзіне I тыс. н.э. забудова паселішчаў сведчыць аб існаванні малой сям'і, бо жыллы былі разлічаны звычайна не больш як на 10 чалавек. Але да

VIII-IX стст. на паселішчах адсутнічаюць сведчанні аб самастойных сялянскіх дварах. Значыць, нягледзячы на пачаты распад радавой абшчыны і выдзяленне малых сямей, яшчэ захоўвалася сумесная гаспадарчая дзейнасць. З XIII ст. адзначаецца з'яўленне на паселішчах і адасобленых груп, скапленняў малых жылгаў, але ўсё роўна з агульнымі гаспадарчымі пабудовамі. Гэта, як лічаць, патрыярхальныя сем'і з непадзеленай гаспадаркай. Але у той час вядомы і абасобленыя гаспадарчыя двары малых сямей, хаця да пачатку II тыс. яны яшчэ вельмі рэдкія. Такім чынам, працэс пераходу ад радавой абшчыны да суседскай, які пачаўся ў VIII-IX стст. праходзіў перш на перш на бытавым, а не гаспадарчым узроўні. І толькі праз 300-400 гадоў радавыя сувязі былі амаль канчаткова зжыты. Аб тым жа сведчыць і развіццё ўмацаваных паселішчаў.

Ад плямённых цэнтраў да рэзідэнцый знаці. Гарадзішчы са слядамі пастаяннага пражывання ваенна-адміністрацыйных і рамесніцкіх слабў дастаткова выразна фіксуюцца з IX ст. Да X-XI стст. яны суіснуюць з абшчыннымі сховішчамі, затым апошнія знікаюць, што сведчыць, як і масавае афармленне славянскіх двароў, аб з'яўванні абшчынных традыцый. Адначасова, з XI ст. адназначна распаўсюджанне феадальных рэзідэнцый.

ЦЭНТРАЛЬНАЯ ЕЎРОПА - заходніе славяне. Абшчына. Яна развівалася, наогул, так жа сама, як і ва Усходняй Еўропе. Так жа, і ў тых жа часовых рамках адбывалася адасабленне сялянскіх індывідуальных гаспадарак.

Рэзідэнцыі знаці. Адасабленне сацыяльных вярхоў на спецыяльных гарадзішчах пачынаецца ў VIII-IX стст. і канчаткова складаецца да канца X- пачатку XI ст., што таксама аналагічна ўсходнеславянскім землям.

ЦЭНТРАЛЬНАЯ ЕЎРОПА - германцы. Абшчына. З II-III стст. н. э. адзначаюцца індывідуальныя двары на паселішчах, яшчэ раней у некаторых месцах вядомы і абасобленыя палі. Але працэс фармавання малых сямей расцягнуўся да VIII-IX стст. Такім чынам, выдзяленне малых сямей, якое праходзіла не менш доўга, чым у славян, праходзіла на іншым гаспадарчым фоне. Таму ўжо к сярэдзіне I тыс. у сялян фіксуецца маёмасная няроўнасць, што вяло, вядома, і да сацыяльнага раслаення, што, у сваё чаргу, рабіла больш дынамічным грамадскае развіццё.

Рэзідэнцыі знаці. Ужо да VII ст. знікаюць абшчынныя гарад-

зішчы і пад заходнім, франкскім уплывам пачынаюць з'яўляцца ўмацаваныя цэнтры знаці. А з XI ст. адзначаецца масавае будаўніцтва замкаў рыцараў.

Такім чынам, складанне класавага грамадства ў разгледжаных рэгіёнах праходзіла ў блізкіх формах, але ў германцаў больш дынамічна, верагодна, з-за ранняга пранікнення да іх асабістаўласніцкіх адносін. Апошняя звязана як з уплывам рымскіх традыцый, так і з асаблівасцямі натуральнага асяроддзя, якое ў сваю чаргу, адбівалася на дэмаграфічным і гаспадарчым развіцці.

О. Б. Келлер
Л. П. Сушкевич
(Минск)

*"Саксонское зеркало" - памятник по истории
средневековой Германии (XIII в.)*

"Саксонское зеркало" - это крупнейший памятник истории, права, общественно-политической и юридической мысли Германии XIII в. - времени расцвета классической феодальной культуры в этой стране. Перевод памятника на русский язык и комментарии, сопровождающие текст, были осуществлены ещё в конце 40-х - середине 50-х годов известным ленинградским профессором Л. И. Дембо. Но до недавнего времени были опубликованы в учебных целях небольшие отрывки из "Саксонского зеркала". Лишь в 1985 г. впервые был опубликован полный текст памятника. Что касается специальных исследований, то до издания данного перевода они в принципе отсутствовали в отечественной историографии. За рубежом изучению "Саксонского зеркала" уделено значительное внимание.

Автором "Саксонского зеркала" является Эйке фон Репков. Сохранилось не столь уж много данных о его жизни, деятельности, политических и правовых воззрениях. Поэтому о личности Эйке фон Репкова до сих пор ведутся дебаты, в ходе которых выдвигаются самые противоречивые суждения. Одни исследователи относят его к свободным рыцарям; другие считают проблематичным отнесение Эйке фон Репкова к представителям средневекового чиновного дворянс-

тва; третьи заявляют, что он был ленником (вассалом) графа Хойера фон Фалькенштейна и т. д.

Текст "Саксонского зеркала" позволяет сделать вывод о том, что Эйке фон Репков был опытным знатоком правовой теории и практики Германии начала XIII в. Несмотря на некоторую ограниченность и противоречивость своих воззрений, он выдвинул ряд передовых для своего времени политических и правовых идей.

Существуют различные точки зрения о месте составления первых и последующих редакций "Саксонского зеркала". Отдельные признаки, а именно: разговорная речь подлинного издания, начертания букв, состав слов указывают на то, что местом написания был замок Фалькенштейн в Кведлинбурге, возможно и в Хальберштадте или в имении Реппихау.

Отсутствие точных данных не позволяет определить дату составления "Саксонского зеркала". Исследователи полагают, что оно было написано между 1221 и 1235 гг. Писалось длительное время, так как слишком велик был объем обрабатываемого материала. Трудно поддаются датировке отдельные этапы разработки "Саксонского зеркала", хотя исследователям и удалось выделить основные ступени работы над ним.

Автор "Саксонского зеркала" свёл воедино право тогдашней Восточной Саксонии, то есть Остфалии. Но на содержание этой записи наложили отпечаток общественно-политические и правовые воззрения Эйке фон Репкова.

Обе части "Саксонского зеркала" - Земское право и Ленное право - внутренне связаны между собой и рассматривать их следует в тесной связи с той исторической обстановкой, которая подготовила их возникновение.

Особое внимание в "Саксонском зеркале" уделено вопросам феодальных земельных отношений и земельной собственности, структуре феодального общества. Связь прав на землю с сословной принадлежностью присутствует во всех частях памятника. Прежде всего в нем дается деление на свободных и зависимых людей. Это неравенство, существующее в обществе, не оправдывает сам автор. Он решительно отрицает правомерность любых форм крепостной или рабской зависимости: "По правде говоря, мой ум не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого".

Одной из важных идей "Саксонского зеркала" является стрем-

ление к преодолению феодальной раздробленности и укреплению единой общегерманской государственности.

Очень важна выдвинутая в "Саксонском зеркале" идея всеобщего мира. Её постановка не случайна. Деятельность Эйке фон Репкова протекала в бурное время всеобщей гражданской войны и именно в том регионе, где разыгрались её самые разрушительные эпизоды. XIII в. был веком постоянных феодальных войн, династических распрей, анархии, произвола. Поэтому особенно актуально звучал призыв к миру, открывающий путь к свободе и справедливости.

И. Е. Ширшов
(Минск)

Славянская идея и культурная политика

Полузабытая идея единения славян обретает новую жизнь, утверждая себя не только в противостоянии "квазигеографическим" упреждениям и распрям, но и в контексте реалистической долговременной культурной политики. Последняя исходит не из конъюнктурно-местечковой амбициозности, а из художественно-мифологических архетипов, прообразов, символических фигур, которые, по Юнгу, повторяются на протяжении истории, являются "итогом огромного типического опыта" предков, "психическим остатком бесчисленных переживаний" ("Архетип и символ"). Была бы весьма своевременной, в частности, культурно-историческая реконструкция национально-художественных картин мира, тезаурусов белорусов, русских, украинцев для того, чтобы выяснить насколько прочна и глубока их общая основа, по-прежнему ли эти, обретшие государственную самостоятельность нации, образуют единый тип региональной славянской культуры. Следует сконцентрировать внимание на коренных традициях этой культуры, обратиться к уходящим вглубь истории образам народной художественной фантазии, исследуя древние солярные, лунарные, метеорологические мифы, сказки, былины, выделяя общие элементы в сохранившихся национальных строительных, свадебных, календарных, праздничных обрядах, обычаях, религиозных символах и переживаниях, формах душевно-духовного творчества (песенно-танцевально-поэтического фольклора) и т. п.

Каждый народ преломляет и воспринимает достижения мировой культуры через свой национальный контекст, через веки своего ис-

торического развития, через призму исторического опыта и одновременно часто входит в какую-либо ойкумену, внутри которой эти достижения получают особую смысловую интерпретацию и эстетическую окраску. Есть основание полагать, что белорусский, русский и украинский народы воспринимают и преломляют их (достижения) через единый регионально-славянский фон. Соответственно художественные произведения, ценности, традиции белорусской, русской и украинской культур входят в мировое культурное пространство в составе славянской ойкумены, являются ее "полномочными представителями". Символом единства этих культур служит "матица", потолочный брус на белорусских, русских и украинских хатах, которая представляется в качестве "мирового дерева", "космической вонь" славянского мира.

Не является ли сейчас взаимопроникновение, взаимоположение белорусской, русской и украинской культур необходимым условием, залогом сохранения единого духовного, культурного пространства на территории бывшего Союза; не имеем ли мы здесь дело со своеобразным "ядром", вокруг которого естественно складываются новые формы жизни всё ещё тяготеющих друг к другу наций-государств? Положительный ответ на этот вопрос предлагает соответствующую корректировку в культурной политике Беларуси, России и Украины, определяемую выполнением единой великой роли в сохранении и углублении Содружества Независимых Государств и в развитии мировой цивилизации в целом.

Разумеется, говоря о том, что входящие в отмеченную славянскую ойкумену культуры основополагаются единой внутренней архитипической духовной организацией нельзя ни в коем случае забывать об их ярких отличительных особенностях. Именно на сохранении и умножении данных особенностей, сохранении и продолжении национально-художественных традиций, социальном укоренении их в городе и на селе делает акцент культурная политика Беларуси и двух других независимых славянских государств. В Законе "О культуре в Республике Беларусь" как раз развитие белорусской культуры, сохранение и обогащение национально (и регионально) своеобразной архитектуры, художественной среды утверждаются в качестве основного приоритетного направления. Под его углом зрения определены приоритеты распространения классических ценностей искусства, оригинальных (инновационных) образцов современного народно-

го и профессионального творчества. Аккумулируются средства для обеспечения функционирования приоритетных культурных объектов, разработки и реализации целевых республиканских программ, проектов. Так, несмотря на все трудности и просчеты, формируется тип исторически долговременной проективной культуры, вокруг гуманистических ценностей которой сплачиваются "общественно-развитые слои" (К. Маркс) национальной и социальной элиты. Именно в этих слоях живет славянский дух общественного согласия, гражданской совести, зреют творческие интеллектуальные силы, получают развитие высокие художественные вкусы.

Многие вопросы культурной политики славянских республик решались бы проще на основе межреспубликанских долевых фондов (фонда развития информационных технологий, фонда производства и проката "интеллектуального кино", фонда сохранения славянского фольклора, народных промыслов и ремесел). Необходимо, наконец, учредить банк развития региональной славянской культуры и ее научно-организационный центр - Славянский координационно-экспертный Совет.

А. А. Егорейченко
(Минск)

Хронология милоградской культуры

Хронологические рамки милоградской культуры (МК) в настоящее время не могут считаться окончательно установленными. Существующие точки зрения по этому вопросу имеют значительные расхождения: VI в. до н.э. - I в. н.э. (О.Н. Мельниковская); VII-III вв. до н.э. (В.Н. Даниленко); VIII-III вв. до н.э. (Л.Д. Пюболь); IX-VIII вв. до н.э. - I в. н.э. (С.Е. Рассадин); VII-начало III в. до н.э. (В.Е. Ерёменко). Многовариантность предлагаемых датировок заставляет вновь вернуться к этой проблеме и проанализировать имеющиеся материалы.

Наиболее раннюю дату милоградских памятников дают находки Полесья и Гомельского Поднепровья, где обнаружены скифские накопники стрел с шипом VII-VI вв. до н.э. (Хильчицы, Ясенец-II),

бронзовые раннетагарские зеркала VII-начала VI вв. до н.э. (Лиски) и мотыжки с закраинами VII в. до н.э. (Горошков). Материалы Волыни и Дубоя дают чуть более позднюю дату - VI в. до н.э., которая устанавливается по сочетанию наконечников копий VII-V вв. до н.э. и золотой гвоздевидной серьги VI в. до н.э. (Дубой), а также по ложновитой гривне (Корост). Вместе с тем, архаичность ряда находок и прежде всего кремневых орудий труда не позволяет полностью отказаться от исключения этого региона из ядра формирования культуры. VI-V вв. до н.э. датируются и другие западно-полесские материалы, в частности, гвоздевидная серьга скифского типа и бирюзовая пятилепестковая бусина (Лемешевичи). Вопрос о проникновении милоградских племён в Среднюю Белоруссию, на Березину остаётся открытым. Датированные находки здесь отсутствуют. Наиболее поздние даты раннего этапа дают подгорцевские памятники. По-видимому, появление носителей МК на Среднем Днепре нужно относить к V в. до н.э.

По мнению В.Е. Фрёменко, к началу VI в. до н.э. происходит угасание жизни на большинстве памятников МК, за исключением южной части Верхнего Поднепровья, где наиболее поздние памятники датируются началом III в. до н.э. Однако это утверждение не подкрепляется достаточно убедительными фактами. Находки на Среднем Днепре стрел IV-III вв. до н.э. (Бортнички, Козинцы, Табаевка, Таценки) и отсутствие внешнего давления, которое могло происходить здесь только со стороны носителей зарубинецкой культуры, позволяет отнести финал МК в этом регионе к концу III в. до н.э. По-видимому, конец III-начало II вв. до н.э. дают и полесские памятники. Об этом можно судить по скифским наконечникам стрел IV-III вв. до н.э., стеклянной бусине III-II вв. до н.э. (Лемешевичи), а также по нахождению в зарубинецких могильниках милоградских погребений (Давид-Городок, Погост). Вероятно, вряд ли правомерно утверждать о конце МК в Верхнем Поднепровье в начале III в. до н.э. Наличие в Горошковском кладе античных бусин II в. до н.э., а также ряд общих черт, сближающих милоградскую и зарубинецкую культуры в этом регионе, свидетельствуют об их хронологическом стыке и соответственно о финале милоградских памятников не ранее конца III-начала II в. до н.э. Это же подтверждается стратиграфическими наблюдениями на поселениях, где ни разу не отмечены стерильные прослойки между милог-

радскими и зарубинецкими отложениями. Таким образом, исчезновение МК практически на всей территории происходит в близкое время и было связано с появлением носителей зарубинецкой культуры.

Э. М. Загорульский
(Минск)

Летопись и славянское расселение

1. Древнейшая концепция славянского расселения изложена в Повести временных лет. Летописец четко намечает несколько этапов миграций. Взяв за основу библейскую легенду о вавилонском столпотворении и разделении народов на 72 языка, летописец начинает историю славян с этого события, подчеркивая тем самым такую же древность славян, как и других народов. Из Месопотамии славяне под именем норцев переселились в Паннонию, где теперь "угорская земля и болгарская". Здесь славяне пребывали длительное время, пока под давлением "волохов" они не вынуждены были начать свое широкое расселение, в результате которого часть их оказалась в Восточной Европе. Летописец не только наметил ход славянского расселения, но и обрисовал основные этапы этногенеза славян. По летописцу, все славяне происходят из одного корня и на начальном этапе они представляли собой один народ с единым славянским языком. После расселения многие их группы получили особые названия, чаще всего по особенностям местности, где они оказались в результате расселения. Несмотря на настойчивые усилия ученых опровергнуть или поставить под сомнение эту концепцию, мы снова вынуждены возвращаться к ней, хотя и на новой основе.

2. Изучение древнерусского летописания показало, что наибольшим искажениям и неудачным редактированиям подверглись начальные страницы летописи, где была изложена ранняя история славян. К этому следует добавить, что летописцы не были современниками описанных событий, связанных с славянским расселением. В их распоряжении скорей всего были устные сказания о том далеком прошлом, которые всегда отличались своей способностью к трансформациям подобно игре в испорченный телефон.

Вызывает удивление то обстоятельство, что в изложении летописца славянское расселение как бы не затрагивало другие народы. В летописи фактически отсутствуют сведения о взаимоотношении славян с местным предшествовавшим им населением. Создается впечатление, что славяне занимали места свободные, что им никто не предшествовал и никто не проживал с ними чересполосно. Между тем, в летописи достаточно много внимания уделено этногеографии Европы, особенно соседям Руси. Однако и лингвистика, и археология, и антропология дают аналогичные материалы, из которых следует, что славяне расселились на местах давно обитаемых, и что их предшественниками были различные народы: балты, угро-финны, остатки ираноязычных народов и др., что эти народы не были ни истреблены славянами, ни вытеснены, что между ними установились тесные этнические взаимодействия ассимиляционного и миксационного характера, завершившиеся в целом победой славянского этноса. На территории Посожья, по мнению лингвистов, еще в XII в., вероятно, существовали балтийские поселения. Отсутствие подобных сведений в летописи нуждается в объяснении. Очевидно, процессы смешения протекали быстро. К XI-XII вв., когда составлялись летописные своды, неславянское население внутри Русской земли уже было в основном ассимилировано. Думается, поэтому археология пока не смогла обнаружить здесь достоверные неславянские памятники XI-XII вв.

3. Включение в славянский этнос различных групп неславянского населения не могло, однако, пройти совершенно бесследно. Влияние субстрата проявилось уже во времена, когда писалась Повесть временных лет. Есть основания полагать, что летописец, следуя принципам народной этимологии, дал неправильное истолкование названиям восточнославянских группировок. Видимо, похоже называли себя разные группы неславянского населения и эти названия в несколько измененной форме перешли на жителей соответствующих областей древней Руси.

4. Этим же следует объяснить природу известного противоречия в летописном описании нравов русского населения различных территорий. С одной стороны, летописец не устает повторять, что все славяне, хотя и получили разные наименования после расселения, представляли собой один народ с единым языком. С другой, он противопоставляет "мудрых полян" другим славянским группам,

жившим в беззаконии и "зверинским" образом. Быт последних резко контрастировал по сравнению с бытом и жизнью полян. Поскольку здесь речь идет о событиях, предшествовавших образованию у славян государства, и описанные обычаи касались далекого прошлого, можно предположить, что в их основе лежали имевшиеся и достаточно заметные в первые времена различия между пришедшими в Восточную Европу славянами и местными племенами. После того, как местные названия позже были перенесены на отдельные славянские земли и соответственно на славян этих областей, эти различия были приписаны славянам. Кстати, археология может подтвердить существенные различия в уровнях культуры у славянского и неславянского населения периода расселения славян.

В. С. В я р г е й
(Мінск)

Славянскія паселішчы V-VII ст. на Беларускай Палессі

На сучасны момант на тэрыторыі Беларускага Палесся адкрыта звыш 100 помнікаў другой паловы I тыс. н. э. Сярод іх вылучаецца група паселішчаў, якія адносяцца да пражскай культуры, распаўсюджанай у трэцяй чвэрці I тыс. н. э. ад Эльбы да Дняпра і ад Дуная да ўзбярэжжа Балтыйскага мора. Гэтыя старажытнасці яшчэ не былі аб'ектам спецыяльнага разгляду ў беларускай гістарыяграфіі.

Матэрыялы пражскага тыпу выяўлены на паселішчах Блювінічаны (р. Лясная), Горбаў-Здзітава (р. Ясельда), Востраў (р. Стыр), Хотамель, Струга I (р. Гарынь), Ліпляны (р. Убарць), Петрыкаў, Кажан-Гарадоке, Снядвін, Шастовічы (р. Прыпяць) і інш. Найбольшая колькасць раннеславянскіх паселішчаў V-VII ст. зафіксавана на берагах р. Прыпяць ад Пінска да Петрыкава. Яны размяшчаліся на краях надпоплаўных тэрас, ці на ўзвышшах паміж паплавоў і балот у месцах прыдатных для земляробства і жывёлагадоўлі. Займалі плошчу крыху больш ці менш гектара.

На палескіх паселішчах V-VII ст. выяўлена звыш 10 жылгаў. Усе яны аднакамерныя, прамавугольныя, набліжаныя да квадрату пабудовы. Даўжыня іх сценаў вагаецца ў межах 2,5 - 4,4 м. Ніж-

няя частка жылгаў паглыблена ў мацярык на 0,1 - 0,7 м. Сцены хутэй за ўсё мелі зрубную канструкцыю, аб чым сведчыць адсутнасць слупавых ям і пэўная адлегласць паміж сценамі катлавана і агменямі або печамі. Абпаленыя дубовыя бярвенні ад ніжняга вянца зруба часткова захаваліся толькі ў жылле, даследаваным на паселішчы Кажан-Гарадок. У Востраве пасярэдзіне ўсходняй сцяны аднаго з жылгаў прасочана сляды слупа, які на думку даследчыка А. А. Егарэйчанка, падтрымліваў двусхільны дах. Катлаваны жылгаў даволі неглыбокія і трэба меркаваць, што асноўная частка драўляных сцен узвышалася над зямлёй. Дахі хат магчыма былі драўляна-землянымі, таму што верхняя частка запаўнення катлаванаў нарэдка мае чорны колер з яркава заметнымі ўключэннямі попелу і вуголля. Найбольш раннія жыллы (V-VI ст.) ацяпляліся агменямі, складзенымі з невялікіх камянёў і кавалкаў балотнай руды Петрыкаў, Кажан-Гарадок) камянёў і жалезнага шлаку ці бітага посуду (Востраў), з адных невялікіх камянёў (Камень). На паселішчах малодшай фазы пражскай культуры на Беларускам Палессі адкрыты печы, збудаваныя з мелкіх камянёў і гліны, круглай (Ліпланы) ці памавугольнай (Струга I) у плане формы. На селішчы ў Блювінічах выяўлена печ-каменка, але прасачыць яе сувязь з пэўным жыллом не ўдалося. Агнені ці печы размяшчаліся ў адным з куткоў жылга (частцей у яго паўночнай частцы) ці каля сцяны. Характар жылых пабудов, прынамсі іх ацяпляльнай сістэмы, сведчыць аб пэўных асаблівасцях будаўнічых традыцый насельніцтва папрыпяцкага рэгіёна. Найбольш тыповым жылгам для паселішч асноўнага арэала культуры Прага-Корчак у гэты час в'яўляліся паўзямлянкі со слупавай канструкцыяй сценаў і печку-каменкай у адным з куткоў.

Рэчавы матэрыял, знойдзены на раннеславянскіх помніках Беларускага Палесся, вельмі небагаты і складаецца з керамікі, нешматлікіх вырабаў з металу, адвінкавых пацерак. Пераважаюць знаходкі абломкаў ляпнога посуду, які вызначае спецыфіку славянскіх культур і садзейнічае адноснаму датаванню помнікаў. Посуд прадстаўлены гаршкімі, міскамі, патэльнямі і мініятурнымі сасудзікамі. Аснову керамічнага комплексу складаюць гаршкі, сярод якіх вылучаюцца дзве вядучыя формы: гаршкі з конусападобным пашырэннем у верхняй частцы тулавам і акруглымі больш ці менш азначанымі плечыкамі і гаршкі з пакатымі слабавылучанымі плечыкамі і найбольшым пашырэннем крыху вышэй ці на сярэдзіне іх вы-

шыні. Сустрэкаюцца таксама ніякія прысадзістыя гаршкі і сасуды тульпанападобных і біканічных формаў. Донцы сасудаў плоскія, зрэдку маюць выступ пры пераходзе да сценак. У гліняным цесце назіраюцца дамешкі жарэты, зрэдку слюды і шамота. Паверхня посуду добра загладжана, часта бугрыстая або шурпатая ад выпіраючых дамешак. Колер сценак чырвона-карычневы, карычневы, шэры і амаль чорны. Арнаментация адсутнічае, толькі ў адзінкавых выпадках у Хотамелі і Кажан-Гарадку гаршкі пад венцам упрыгожаны налёпным валікам з вертыкальнаю нарэзкаю на ім.

Датаванне паселішчаў Беларускага Палесся, як помнікаў астаўшай тэрыторыі пражскай культуры, вельмі ўскладаецца адсутнасцю надзейных храналагічных індыхатараў. Таму галоўную ролю ў гэтым сэнсе адыгрывае тыпалагічны аналіз ляпного посуду, адносна храналогія якога распрацавана перш за ўсё ў працах І.П. Русанавай (1976) і М. Парчэўскага (1988).

У археалагічнай літаратуры ўсталявалася думка, што помнікі пражскай культуры з'яўляюцца ў Беларускім Палессі не раней VI ст. Аднак даследаванні апошніх гадоў даюць падставу аднесці гэту падзею да V ст., а можа і на рубяж IV-V стст. Пры раскопках паселішча Востраў у Пінскім раёне ў комплексе жытла З. А. А. Егарейчанка (1991) побач з керамікай старэйшай фазы пражскай культуры выявіў 14-граную шкляную пацерку, характэрную для старажытнасцяў III-IV стст. чэрняхкоўскай, вельбарскай, шэворскай і захаднебалтыйскай культур, жалезны ўтульчаты наканечнік дроціка падобны да дроцікаў позднешэворскіх помнікаў. Грунтуючыся на аналагах з закрытых комплексаў Абалоні ў Кіеве, І. А. Гартухін (1991) прапанаваў датаваць селішча ў Петрыкаве V-VI стст., а не VI-VIII стст., як лічылася раней. На падставе аналізу керамічнага комплексу да малодшай фазы пражскай культуры можна аднесці паселішчы ў Кажан-Гарадку, Камні, Блювінічанах, Ліплянах, матэрыялы жытлаў 1 і 2 у Струзе, ніжні гарызонт Хотамельскага гарадзішча, прадаставаны наканечнікам страды аварскага тыпу.

Д. З. Снетков
(Минск)

Щит на вратах Царьграда

"В лето 6415 (907 г.) пошёл Олег на греков; взял множество варяг, славян, чуди, кривичей, мери, полян, север, древлян, радимичей ... Эти все зовутся греками "Великая Скифия". Со всеми этими Олег пошёл на конях и на кораблях, а число кораблей было 2000, а в каждом корабле было по 40 мужей" [1]. Это летописное число 80000 воинов неоднократно будет затем повторяться и в последующих сказаниях о битвах Руси с татарами - крымчаками и с литовско-польской шляхтой. "И пошёл к Царьграду. И много зла сделала Русь грекам - всё, что воины делают" [1].

После заключения мира, Олег в знак победы Руси над греками, повесил свой щит на вратах Царьграда и ушёл от него.

Щит, который повесил на вратах Царьграда, был боевой щит русских воинов того времени. Известно, что боевые щиты русских воинов были красного цвета, о чём говорит и автор "Слова о полку Игореве": "... лисицы брешут на чръленья (красные) щиты" [2] Игоревых воинов. На красном фоне щита белой краской для контрастности и благородства картины нарисовали коня, который, закусив удила и прижавши голову к груди, галопом несёт белого всадника. Благородство белого цвета коня и всадника на нём не скрывает однако откровенных и открытых намерений атакующей фигуры с высоко поднятым мечом в боевом племе, прикрывающейся щитом с шестиконечным крестом христианской справедливости. Этот боевой щит "показующе победу" и повесил Олег перед уходом на вратах Царьграда. Щит со всадником стал, если ещё до того им не был, гербовым щитом великих князей - собирателей древнерусской земли. Как нельзя лучше герб выражал стремление к захвату и силовому объединению разрозненных земель под единую власть великого князя.

Договор Олега с греками был написан киноварью на двух хартиях.

М. Стрыйковский в 1575 г. видел на Галатских воротах, против Константинополя, изображение всадника, бывшего Московским

гербом и думал, что сей всадник списан там с древнего щита Олегова [3]! Князь мог, соглашался Н. М. Карамзин, повесить щит свой на цареградских воротах, но греки не захотели бы долго им любоваться, и св. Георгий не был, конечно, гербом Олеговым [4]. Здесь историограф Государства Российского проявил субъективизм и осторожность, и не захотел поверить и понять Хрониста, но оценил время и историческую приверженность греков. Н. М. Карамзин прав в том, что изображение св. Георгия не могло быть на Олеговом гербе. На Московском гербе св. Георгий с копьём появляется только после победы Дмитрия Донского над татарами Мамая, а до того времени герб Ростово-Суздальской, а затем Московской земли, которую и М. Стрыйковский и В. Н. Татищев [5] называют Белой Русью, издревле был общим для великих князей: всадник белый в красном поле, имеющий щит и саблю перед собою.

Под этим общим для великих князей гербом - щитом совершал свои походы и Ярослав Мудрый. Его первоначально лагерная стоянка на пути в Чудь, Литву, Мазовшу в Чёрной Руси, становится со временем (1044 год) Новогрудком [6]. Общий герб русских князей появляется и здесь.

Литва была покорена великими князьями Древнерусского государства. В ту пору сложилась поговорка: "Романе, Романе, худым живёшь, Литвою оречи" [7].

В первой половине XIII в. Русь, не успев ещё толком государственно обустроиться, подверглась варварскому монголо-татарскому нашествию. Вырубленная и поломанная Батыем, она лежала пустошь в руинах и прахе, и казалось, что навсегда исчезнет с исторической арены. С северо-запада её терзали и догрызали крестоносцы и Литва.

Воспользовавшись Батыевым разгромом Руси, литовские князья освобождаются от зависимости русских князей и начинают в свою очередь захватывать земли русских княжеств. Вцепились они в Русь западную как в своё и надолго, до самого конца XVIII в., до окончательного раздела Речь Посполитой. Литовские князья (миндовг, Наримонт, Эрдивил и др.), завоевав Новогрудок, оставили свой герб Китаврус, а русский герб, всадника на белом коне в червленном поле, употреблять стали. Символика герба хорошо подходила захватнической сущности тех литовских князей и их погоне за чужими богатствами и землями.

С "Погоней" они аннексировали Полоцкую, Киевскую, Смоленскую и другие русские земли, создали себе со временем Великое княжество Литовское. Однако русские земли постоянно тянулись к русскому центру.

1. Древнерусские летописи. М.-Л., 1936. С. 16-36.
2. Слово о полку Игореве. М., 1983. С. 30.
3. Стрыйковский М. Хроника..., Варшава, 1846. Т. 1. С. 90, 236, 329. Т. 2. С. 10 (на польском языке)
4. Карамзин Н. М. История государства Российского, М., 1988. Т. 1. Прим. 416.
5. Татишев В. Н. История Российская, М.-Л., 1962. Т. 1. С. 439.
6. Древнерусские летописи. С. 63.
7. Там же. С. 369.

Л. Л. М и х а й л о ў с к а я
(Мінск)

Бітва пад Оршай вачыма сучасніка

Колькасць гістарычных крыніц, якія адлюстроўваюць падзеі часоў кіравання Сігізмунда I Старога, вельмі абмежавана. Дарэчы, далёка не усе крыніцы, ужо вядомыя гісторыкам, дастаткова даследаваны. Так адбылося і з хронікай Бернарда Валюўскага, які з 1515 г. з'яўляўся сакратаром польскага караля. Імя яго было шырока вядома сярод навукоўцаў таго часу, бо ён, доктар Кракаўскай і Балонскай акадэміі, быў выдатным картографам, гісторыкам, астранолагам і перш за ўсё - гуманістам. Каля 1533 г. Валюўскі па распараджэнню Сігізмунда пачаў працу над хронікай, але не скончыў яе. У 1535 г. храніст памёр, лацінскі рукапіс не быў надрукаваны і знік пры таямнічых абставінах. Сёння хроніка Валюўскага вядома толькі ў фрагментах, і гісторыкі, на жаль, зрэдку зварочваюцца да яе. Між тым, яна з'яўляецца адной з галоўных крыніц вывучэння падзей першай трэці XVI ст., сучаснікам і ўдзельнікам якіх ён быў. Маючы ў карыстанні разнастайныя крыніцы (паперы ка-

ралеўскай канцылярыі, дыпламатычную карэспандэнцыю, хроніку І. Л. Дэцыя), Вапоўскі пакінуў амаль найбольш поўнае апісанне бітвы пад Оршай.

Яго паведамленне цікава сваімі падрабязнасцямі, якіх мы не знаходзім больш нідзе. Летапісы, з якіх можна вылучыць Усцюжскі летапісны звод, змяшчаюць сведкі толькі аб пачатку бітвы. Асноўнымі прычынамі паражэння рускага войска летапісы лічаць, па-першае, адсутнасць адзінства рускіх ваявод; па-другое - недахоп артылерыі, пакінутай пад Смаленскам. Толькі Вапоўскі адзначае, што баявая пазіцыя была выбрана "маскавітамі" не вельмі ўдала: "пляцоўка, дзе размяшчаліся гарматы была на ўзвышшы, таму ядры дасягалі самых далёкіх радоў маскавітаў. Гэтыя абставіны больш за ўсе спрыялі перамозе" [1]. Вядома, што бітва ішла са зменным поспехам. Па звестках Вапоўскага, рашаючую ролю ў яе выніках меў напад запаснага руска-літоўскага палка з 800 вершнікаў. Звестак аб гэтым рэзерве няма ні ў воднай летапіснай крыніцы, не выключаючы твораў І. Л. Дэцыя і С. Герберштэйна. Магчыма, гэтыя звесткі атрымаў з лісту папскага легата Якоба Пізо, дзе таксама апісана бітва.

Параўнанне крыніц вядзе да думкі, што колькасныя даныя бітвы, якія сёння шырока вядомы (80 тыс. чал. у маскавітаў і 30 тыс. чал. у складзе саюзнага войска), з'явіліся ўпершыню ў Вапоўскага і потым былі выкарыстаны Герберштэйнам, Бельскім, Стрыйкоўскім. У Вапоўскага мы знаходзім і найбольш падрабязны расказ аб "ваенных планах" маскоўскіх ваявод, якія збіраліся без дапамогі зброі, аднымі бізунамі гнаць палякаў, беларусаў і літоўцаў да самай Масквы. Такую надзею выказаў сам Васіль III у Смаленску, між тым як іншыя аўтары гэтыя словы ўкладаюць у вусны ваяводы І. Чэлядніна.

Інфармацыя аб бітве знаходзіцца і на адной з карт Вапоўскага, надрукаванай у 1526 г. На ёй мы чытаем: "Hic Sigismundus rex Poloniae Anno 1514 Oktuaginta milia Moskovitarum prelio superavit" [2]. Акрамя таго, Вапоўскаму належыць вершаваны твор, прысвечаны славамі перамозе, які быў надрукаваны ў Рыме (1515 г.) Вапоўскі з'яўляўся каралеўскім гістарыографам, і як ўсе гісторыкі на высокіх пасадах, славіў свайго караля. Таму цэнтральнай фігурай гэтых падзей ён зрабіў Сігізмунда. Галоўны герой бітвы, К. І. Астрожскі, існуе як бы на другім плане, але аб ім

храніст пша з гонарам і павагай.

Безумоўна, перамога пад Оршай давала неабмежаваную магчымасць узвысіць Сігізмунда. Ці не таму гэтая бітва заняла выключнае месца ў творчасці Валюўскага, менавіта ён факту ваенна-палітычных адносін паміж дзяржавамі дадаў вялікі ідэалагічны змест. Але, не глядзячы на пэўную тэндэнцыйнасць, можна сцвярджаць, што перад намі - адна з цікавых крыніц вывучэння мінулага беларусаў.

1. *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. II. - Cracoviae, 1874. S. 120.
2. Карта опублікавана, гл.: Alexandrowicz St. *Rozwoj Kartografii Wielkiego Ksiestwa Litewskiego*. - Poznan, 1971. S. 27.

0. Э. Проценко (Витебск)

Белорусско-литовские и русские летописи и хроники о событиях ливонской войны на территории Белоруссии

Изучение русских, белорусских и литовских летописей показывает, что события Ливонской войны нашли отклик у летописцев и хронистов того времени. Наиболее подробно военные действия отражены в Литовской и Жмойтской хронике и ряде других летописей. Здесь мы находим данные о составе и количестве войск, о военных предводителях, о ходе сражений, осадах и штурмах различных городов и замков, в том числе говорится и о тех, которые ныне не существуют.

Военные действия с 1562 г. проходили уже не только на территории Ливонии, но также и на старых спорных рубежах в литовско-русских землях.

О походе русских войск на Оршу и Витебск в 1562 г. рассказывается в Лебедевской летописи. "Марта же в 25 день царь послал в Литовскую землю рать свою... И они пришли в Литовскую землю на

святой неделе безвестно и воевали Оршу и Дубровну и Мстислав и слободы у Орши пожгли, а у Дубровны посады пожгли же и полон многии поимали". А "... мая в 28 день ... князь Андрей Михайлович Курбской с товарищи ходил с Лук Великих к Витебску и острог ваяли и пожгли посады у города у Витебска все пожгли и наряд в остроге поимали. И людей в остроге многих поб или и села и деревни около Витебска пожгли и повоевали места многие" [1].

В начале 1563 г. многочисленное войско русских приступило к осаде Полоцка. 9 февраля царь "...вкруг города и городские стены за Двиною и за Полотою по тому же велел большой наряд изоставити и со все стороны бити без опочивания день и ночь". 14 февраля в ночь "...стрельцы городскую стену зажгли во многих местах и городская стена учала горети". А "...февраля в 15 день, за час до света, ко царю государю и великому князю приехал Иван Черемисников и сказал, что Полотцкой владыка Арсений из города вышел к воеводам со кресты и с собором, а просят у государя милости". Полоцк сдался [2].

Помимо Лебедевской летописи краткие сообщения о взятии русскими войсками Полоцка, имеются в "Баркулабовской летописи", "Архангелогородской летописи", "Румянцевской летописи".

Потеря Полоцка явилась тяжёлым ударом для Сигизмунда. Необходимо было во что бы то ни стало приостановить дальнейшее наступление русских и выиграть время для собирания сил. Но дипломатические попытки Сигизмунда не давали практических результатов, это заставляло короля затягивать переговоры с Москвой. Затянувшееся перемирие соблюдалось плохо, нарушалось обеими сторонами. По этому поводу царь и король обменивались протестами, однако набеги продолжались.

Наконец, в декабре 1563 г. в Москву для переговоров о мире прибыли литовские послы, но обе стороны предъявили друг другу такие большие претензии, что о заключении мира и нечего было думать. И военные действия в 1564 г. возобновились. Но широко задуманный Грозным план генерального наступления на Литву оказался сорванным в самом начале. 26 января 1564 г. многочисленное русское войско было совершенно разгромлено близ г. Чашников на реке Уле литовскими войсками [3]. О побоище близ Чашников сообщается также в "Румянцевской летописи" [4].

В последующий период темпы военных действий между Литвой и

Московским государством резко снизились. Противники ограничивались тем, что посылали небольшие отряды для разорения приграничных городов и волостей. 22 июля "...царев и великого князя воевода князь Юрий Иванович Токмаков ходил с Невеля к Литовскому городку к Оверищу". А 25 июля "...ходил из Смоленска в литовскую же землю ко Мстиславлю воевода Василий Андреевич Бутурлин ... и воевали Мстиславские места и Кричевские и Радомльские и Могилёвские"[5]. В начале ноября русские добились сравнительно крупного успеха - взяли, наконец, большой витебский замок Оверище.

К середине 60-х гг. стало очевидно, что Литва при данном состоянии сил не сможет выиграть войну. Литовское правительство решило выйти из тяжёлой войны ценой раздела Ливонии и уступок Москве в районе среднего течения Двины. К 1566 г. обе стороны прервали военные действия.

Переговоры начались в июне 1566 г. Обе стороны начали с предъявления друг другу максимальных и невыполнимых условий: царь потребовал не только всей Ливонии, Украины и Белоруссии, но даже Подлясье; литовцы ставили вопрос об отдаче Полоцка и Смоленска. В ходе переговоров литовцы пошли на уступки: Литва отдаёт Москве Полоцк и часть полоцкого повета, а Ливония делится между договаривающимися на условиях кто чем владеет. Москва же соглашается уступить Литве Оверище, Увятскую волость, пять городов в полоцкой земле, Курляндию и 15 городов по правую сторону Двины. Литовские предложения были переданы на обсуждение Земского собора. Сбор вынес решение, что без отдачи всей Ливонии и полоцких земель за Двиной с королём не мириться. Так безрезультатно закончились переговоры о мире.

В белорусско-литовских и русских летописях и хрониках 1567г. обрывается повествование о ходе Ливонской войны и возобновляется с 1577 г. Несмотря на это белорусско-литовские и русские летописи и хроники являются исключительно важным и ценным источником по истории Ливонской войны.

1. Лебедевская летопись// Полное собрания русских летописей (Далее ПСРЛ). М., 1965. Т. 29. С. 298.
2. Там же. С. 311.

3. Хроника Литовская и Жмойтская// ПСРЛ М., 1975. Т. 32. С. 110.
4. Румянцевская летопись// ПСРЛ М., 1982. Т. 35. С. 213.
5. Продолжение Александро-Невской летописи// ПСРЛ М., 1965. Т. 29. С. 335.

А. А. Я н о ў с к і
(Мінск)

*Захад Івана Грознага на захоп і ўтрыманне зямель
Вялікага княства Літоўскага ў гады Лівонскай вайны*

Накіраванасць Маскоўскай дзяржавы на анексію беларускіх зямель добра бачна як праз хады яе дыпламатыі, так і праз характар ваенных дзеянняў. Аднак да 60-х гг. XVI ст. Расіі не ўдалося, за выключэннем падзей вакол Смаленска, ажыццявіць буйнамаштабны план па далучэнню ўсходніх тэрыторый ВкЛ пад юрысдыкцыю двухгаловага арла. Амаль штогод здараўшыся "зачэпкі" на руска-беларускіх межах, калі на кароткі тэрмін адрываліся (а больш за ўсё рабаваліся) аршанскія, прапойскія, мсціслаўскія і іншыя месцы, не дазвалялі прывесці ў дзеянне акупацыйныя напрацоўкі маскоўскіх стратэгаў.

Падзеі першапачатковага перыяду Лівонскай вайны ўдакладнілі іх планы. Вынікі ваенных дзеянняў у Лівоніі знайшлі свой лагічны працяг у імкненні да заваёвы Полацка і яго наваколля. Яны даказалі неабходнасць метадычнага захопу ключавых подступаў да Балтыкі і, адначасова, зацвярджэння на практыцы змястоўнасці сэнсу тытула "великий государь всея Руси".

Характар і мэта задуманай аперацыі добра бачны і ў прыгаворы аб полацкім паходзе рускай арміі (верасень 1562 г.), і ў святкаваннях, прайшоўшых у Маскве пасля пераможнага звароту Івана IV (сакавік 1563 г.). Захоп Полацка - важнейшы, аднак толькі першы крок да заваёвы беларускіх зямель. У далейшым у ход былі пущаны разнастайныя сродкі з мэтай замацавання і нарошчвання дасягнутага поспеху. Маскоўскі двор выкарыстоўваў рычагі палітычнага, дыпламатычнага, ваеннага ціску на тва сілы, якія

тым ці іншым чынам процістаялі яго стратэгічным і тактычным намаганням. Тут трэба мець на ўвазе не толькі дзяржаўныя і грамадскія колы БкЛ, але і шэраг краін, зацікаўлена назіраўшых за развіццём падзей на ўсходзе.

Гэтая зацікаўленасць не магла не быць заўважана і выкарыставана рускай дыпламатыяй. Другая справа, што хлуслівая спаддлівасць Масквы да праблем іншаземных уладароў, як і прывіднасць надзей на падтрымку з іх боку сваіх "ініцыятыў" у адносінах да БкЛ, заведома асуджалі на непаспяховасць ўсялякія кантакты. Ні завярэнні цара аб сваёй рашучасці ўступіць ў анты-асманскую лігу і быць "дружэственным государем" аўстрыйскаму імператару, ні рашучасць "против всех своих врагов" ісці разам з англійскай каралевай, ні спробы зацянуць ў нерат сваіх планаў Зрыка XIV шведскага, ні нават захады да папскага прастола не прадмет рэлігійнай вуніі не маглі ўзмацніць надзей партнёраў пэ перагаворах, а толькі яшчэ больш упеўнівалі іх у ваяўнічай маштабнасці задум і дзеянні "гордого врага - москвитов" (як даносіў у Вену ў 1569 г. агент імператара).

У рад гэтых тактыка-стратэгічных захадаў Івана IV натуральна ўпісваецца спроба авалодаць польска-літоўскай каронай у 1575 г., а таксама магутны ваенны націск 1577 г.

Аднак больш "прызямленымі", нават у поўным сэнсе слова, былі дзеянні Масквы на ўжо захопленых землях Полаччыны. Гэтыя землі патрэбна было зацвердзіць за сабой і ўключыць у арбіту расійскай адміністрацыйна-кіраўніцкай практыкі. Безумоўна, дзеянні па "эксплуатацыі" заваяваных тэрыторый былі распісаны яшчэ ў час падрыхтоўкі полацкага паходу. Захапіўшы горад і загадаўшы "держати царскую вотчину в великом береженьи", Іван IV акрэсліў парадак кіравання і забеспячэння аховы. Ён быў цесна ўвязаны з метадычным нарошчваннем рускай прысутнасці на Беларусі.

Перш за ўсё прымяняўся звыклы ход - "обыденное", хуткае будаўніцтва ў вузлавых месцах гарадкоў-крэпасцей, такім чынам "вывоевая" навакольныя землі. Для фіксацыі ж новых межаў і іх унутранага ўладкавання з Масквы нахлынулі спецыяльныя людзі. З свайго боку, дыпламаты падмацоўвалі гэтыя крокі зацягваннем перамоў з літоўскімі пасламі па пытаннях правамоцтваў навааяўленых "землеўстроителей". І іх казуістыка прыносіла плён. Так, у пераамірнай грамаце 1570 г. літоўскі бок вымушаны быў пагадзіцца з

запісам, што "полоцких російских пригородов по реке Двине до урочных лет не воевати".

Такая палітыка была разлічана на стварэнне плацдарма для далейшага наступу на ВкЛ. Яна падмацоўвалася і ўнутрыпалітычнымі мерапрыемствамі. Без сумнення, да іх можна аднесці многае з апырычнай рэакцыі. Але больш паказальны сабор лета 1566 г. як дэманстрацыя адвінства царскіх задум і імкненняў расійскага грамадства. Калі праз апырычнину Іван Грозны сілай ламаў супраціўленне яго знешнепалітычным дзеянням з боку свецка-царкоўнай апазіцыі, то ў другім выпадку спрабаваў падвесці падмурак законнасці (канешне, у яго, царскім, раўменні) пад прыбудову расійскай дзяржаўнасці ў беларускіх землях. Інсцэніраванае адзінадуша галовы влажыць "за одну десятину" полацкай зямлі, выказанае на саборы, уручала расійскаму ўладару новыя доказы на карысць ўзмацнення жорсткасці акупацыйнага рэжыму ў Полацку і полацкім "зачэчы".

Такім чынам, усе вышэй акрэсленыя дзеянні і мерапрыемствы маскоўскага ўраду можна разглядаць ў якасці падцвярджэння той гістарычнай рэчаіснасці, што практыка авалодання і кіравання захопленымі землямі з'яўляецца лагічным працягам палітыкі анексіі.

В. К а н а н о в і ч
(Мінск)

*Вялікае княства Літоўскае і палітычная
сітуацыя ва Усходняй Еўропе ў канцы XV ст.*

Канец XV стагоддзя характарызуецца кардынальнай зменай геапалітычнага становішча ва Усходняй Еўропе. Старая сістэма міжнародных адносін у рэгіёне была канчаткова зруйнавана, а на яе месца прыйшоў новы ваенна-палітычны парадак, заснаваны на зусім іншай растаноўцы сіл, чым дагэтуль. Каб разабрацца з ім, трэба спачатку разгледзець старую сістэму міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе.

У сярэдзіне XIII ст. пад ударамі азіяцкіх ордаў Батыя канчаткова рухнула імперыя Рурыкавічаў і створаная ёю дзяржаў-

на-палітычная сістэма. Тыя землі, якія былі вядомы сучаснікам пад назвай "Русь", апынуліся ў складзе новых палітычных утварэнняў, узнікшых на руінах Кіеўскай дзяржавы. У той час, калі Паўночна-Усходняя і Паўднёвая Русь былі падначалены татарам, заходнія і паўночна-заходнія землі Русі (Полацкае і Турава-Пінскае княствы), злучыўшыся з гістарычнай Літвой, утварылі новую дзяржаву - Вялікае княства Літоўскае і Рускае. У сваю чаргу, заходняя частка былога Галіцка-Валынскага княства стала ўласнасцю польскай кароны. Што ж тычыцца Ноўгарада Вялікага і Пскова, то яны адолелі адстаяць сваю незалежнасць у складзе другіх дзяржаўных утварэнняў.

Вялікая роля ў міжнародных адносінах у рэгіёне належала Вялікаму княству Літоўскаму і Залатой Ардзе. Больш стагоддзя працягвалася іх ваенна-палітычнае супрацьстаянне ва Усходняй Еўропе. Але са стратай Залатой Ардой Паўднёвай і Паўднёва-Заходняй Русі раўнавага пачала схіляцца на карысць Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага. Раздзіраемая глыбокімі ўнутранымі супярэчнасцямі і канфліктамі, Залатая Арда хутка слабее і страчвае сваю ролю вялікай дзяржавы. Пачынаючы з Вітаўта, да Літвы пераходзіць роля гегемона ва Усходняй Еўропе. Склаўшаеся ваенна-палітычнае становішча ў рэгіёне было надзвычай карысным для Вялікага княства Літоўскага. Таму асноўнай задачай дыпламатыі Вялікага княства Літоўскага было захаванне status quo у гэтай частцы Еўропы. Той жа мэце служылі дагаворы вялікага княства Літоўскага з Масковіяй, Ноўгарадам Вялікім, Псковам, Цверам, якія замацавалі вядучую ролю Літвы ў рэгіёне. Асаблівую ўвагу дыпламатыі Вялікага княства Літоўскага надавала адносінам з Залатой Ардой, бачачы ў ёй фактар стабільнасці ва Усходняй Еўропе. Арда трапляла ва ўсё большую залежнасць ад Вялікага княства Літоўскага. Існаванне паслабленай, але ж адначасова адзінай Залатой Арды дазваляла Вялікаму княству Літоўскаму адыгрываць ролю гегемона і служыць гарантам стабільнасці.

Гэты парадак, заснаваны, з аднаго боку, на аутарытэце і сіле Вялікага княства Літоўскага, а з другога боку, на слабасці і аднасці Залатой Арды праіснаваў да канца XV ст., а дакладней да 70 - 80 гг. Але, як паказалі далейшыя падзеі, гэты парадак быў хісткі. Варта было толькі адбыцца зменам унутры адной з дзяржаў рэгіёна, як раўнавага ў рэгіёне адразу парушылася. З

распадам Залатої Арды на шэраг неважных дзяржаў (Казанскае, Астраханскае, Крымскае ханствы, Нагайскай Арда, Маскоўскае вялікае княства) вывваліліся разбуральныя сілы, якія ўрэшце рэшт знішчылі існаваўшы ва Ўсходняй Еўропе парадак. Залатая Арда фармальна працягвала сваё існаванне, але ролю фактара стабільнасці ў гэтай частцы Еўропы яна ўжо была няздольна выконваць. Паўстаўшыя на абломках Залатої Арды дзяржавы імкнуліся разбурыць стары парадак і ўсталяваць замест яго новы парадак, дзе ім належалі б вядучыя ролі.

Заняты дынастычнымі праблемамі на захадзе, кароль польскі, вялікі князь літоўскі Казімір прагледзеў змены ў геапалітычным становішчы на ўсходзе кантынента. Калі ўсе ж такі вярнуўся да падзей на Ўсходзе, то яму давялося мець справу з самастойнай, узмацніўшайся за кошт заваёвы Ноўгарада Вялікага і Цверы, Маскоўскай дзяржавай. Гэта была ўжо не тая слабая, залежная ад зала-таардынскіх ханаў, дзяржава, якой ён навязаў дагавор 1449 г. Дыпламатыя Казіміра дапусціла і іншы сур'ёзны пралік, які ў будучыні каштаваў шмат крыві і жыццяў падданым Вялікага княства Літоўскага. Асцерагаючыся далейшага ўзмацнення Масковіі, Казімір заключыў пагадненне са слабеючай Залатою Ардою супраць Івана III. Гэты дагавор, у сваю чаргу, кінуў лютага ворага Залатої Арды крымскага хана Менглі-Гірэя ў абдымку Івана III. Заключаны паміж імі двухбаковы саюз быў накіраваны супраць княства Літоўскага, Рускага, Жамойцкага.

Такім чынам, у 80-я гг. XV ст. стары парадак ва Ўсходняй Еўропе быў канчаткова зруйнаваны. Новы ж у гэтым рэгіёне парадак грунтаваўся на супрацьстаянні Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы пры актыўным умяшанні Крымскага ханства і іншых дзяржаў у іх справы. Ад ранейшай гегемоніі Літвы ў рэгіёне, такім чынам, не засталася і следу. Замест адной моцнай дзяржавы цяпер ва Ўсходняй Еўропе з'явіліся тры моцныя дзяржавы, кожная з якіх імкнулася да гегемоніі. Відавочна, што гэта не магло не па-рушыць раўнавагу і стабільнасць у гэтай частцы Еўропы. Адносна мірны перыяд у гісторыі Ўсходняй Еўропы прайшоў, надышоў час працяглых і крываваых змаганняў дзяржаў рэгіёна, тым больш, што асобныя краіны па-за яго межамі спрабавалі умешвацца ў падзеі гэтай часткі Еўропы.

Л. П. Сушкевич
(Минск)

*Из истории польской общественно-политической
мысли XVI в. (Анджей Фрыч Моджевский)*

В истории польской общественно-политической мысли XVI в. одно из видных мест по праву занимает Анджей Фрыч Моджевский. Его перу принадлежит целый ряд публицистических работ, в которых он выступает не только с критикой существующих порядков, но и выдвигает целый ряд реформ, которые, по его мнению, должны поддержать идущий к упадку общественно-политический строй Польши. Он требовал укрепления светского государства, выступал против подчинения государства интересам привилегированных сословий, предлагал допускать крестьян и горожан к участию в выборах короля, замены в будущем сословного деления по происхождению делением всех граждан по их заслугам и способностям.

Одним из важных средств "исправления" государства Моджевский считал установление справедливого, основанного на нормах высокой морали, единого для всех сословий законодательства. Залогом гармоничного развития государства и благоденствия его граждан, по мысли Моджевского, должны были стать укрепление королевской власти, уничтожение самоуправства шляхты, равенство сословий.

Среди работ Моджевского особое место принадлежит труду "Об исправлении государства", который до сих пор является одним из замечательных памятников общественной мысли Польского Возрождения. Этот труд стал "манифестом прогресса" в условиях XVI в. и вместе с тем явился как бы обобщением всех общественно-политических взглядов мыслителя.

В трактате Моджевский затрагивает очень много вопросов. Но о каких бы проблемах он ни говорил (об образовании, о воспитании детей, о неучастии женщин в политических делах государства, о мещанах, крестьянах, законодательстве), неуклонно подводит читателя к вопросу о состоянии польского общества, выдвигая в то же время меры по его "исправлению". Трактат Моджевского "Об исправ-

лении государства" - это произведение, опередившее своё время, наметившее пути буржуазного развития польского государства.

Заслуга мыслителя не только в том, что он сумел в своих работах зеркально точно воспроизвести современную ему действительность, но прежде всего в том, что он прозорливо и решительно выступил против тех болезненных явлений, которые ещё в середине XVI в. не приобрели размаха, но которые в дальнейшем проявят себя самым трагическим образом.

В. М. Н о в и к
(Йошкар-Ола)

Положение плебейских масс города в польской публицистике XVI в.

При характеристике состояния польского города XVI в. в качестве одного из источников достаточно широко привлекалась публицистика. В то же время новейшая урбанистика главный упор делает на документальный материал, судебные акты и т.п. Представляется, что назрела необходимость сопоставить данные публицистики с информацией, которая получена наукой в результате обработки т.н. массовых источников середины XVI в.

В сообщении эта попытка сделана на примере данных, содержащихся в трудах великого польского гуманиста А.Ф. Моджевского.

А.Ф. Моджевский происходил из семьи, стоявшей на пограничье шляхетского и крестьянского сословий, смело выступал в защиту последнего. Вместе с тем ему были близки интересы плебейских масс города. Отец Моджевского, а после его смерти и сам писатель, был войтом небольшого Вольбожа. В подобного рода городах и даже в значительных торгово-ремесленных центрах Польши весомая часть обывателей добывала себе пропитание сельским хозяйством. Исследователи полагают, что для половины - двух третей польских горожан оно оставалось главным занятием. И хотя городское земледельческое население в своей массе не слилось с крепостным крестьянством, во многих городах мещан заставляли нести барщину. Хватало и иных притеснений.

Впервые А.Ф. Моджевский выступил в защиту плебейских масс в

"Речах о наказании за человекоубийство" по поводу уголовного законодательства, предусматривающего смертную казнь за убийство шляхтича плебеем, в то время как за убийство человека нешляхетского происхождения шляхтич-убийца платил лишь 10 гривен. Писатель страстно и последовательно разоблачал этот несправедливый закон и настаивал на замене денежного выкупа смертной казнью независимо от сословной принадлежности убийцы.

В "Речи правду гласящего Перипатетика" Моджевский выступил против принудительной продажи дворянам земских владений, которые находились в руках мещан, и предписания Конституции 1538 г., запрещавшей мещанам и плебеем в будущем покупать наследственные земские имущества.

В знаменитом трактате "Об исправлении государства" идея равной ответственности за убийство и защита права мещан на владение земскими имениями являются стержневыми вопросами. Вместе с тем, в трактате мыслитель бескомпромиссно отвергает непременную зависимость достоинства от родовитости и настойчиво убеждает читателя в том, что плебеи наряду со шляхтой обладают мужеством и добродетелью. Он осуждает шляхту, которая с презрением относится к ремеслу как плебейскому занятию и доказывает равенство труда для всех сословий.

Публицист обеспокоен и торговой политикой государства, которая ведет к ухудшению положения плебеев и считает, что его величие и процветание зависит от благосостояния всех сословий общества.

Следует однако отметить, что в своих проектах Моджевский не посягал на основы существующих порядков. Публицист далек от мысли о социальном равенстве. Его аргументы зачастую тенденциозны и не являлись зеркальным отражением польской действительности. В своих трудах Моджевский концентрирует внимание на правовых проблемах польского общества первой половины XVI в. Это время, когда наряду с господством феодальной аристократии и шляхетского законодательства усиливается борьба городских общин за превращение городов в субъекты политики и права. Эта борьба приводит к проникновению в широкие слои городского населения идеи личной свободы, полноценной правосубъектности. Страстно и последовательно выступая в защиту плебеев, Моджевский, тем самым, защищает личность перед законом, а через нее и все плебейское сословие, ко-

торое было наименее защищенным в тогдашней социальной структуре. Обеспокоенный социальным и правовым положением простонародья Моджевский вносит коррективы в шляхетское законодательство, приспособлявая его к концепции равенства всех сословий перед законом, всесторонней защиты личности как основы цивилизованного общества. В этом плане Моджевский выходит за рамки господствовавшего феодального менталитета. Поэтому его попытки найти понимание предлагаемых реформ у правящих сил не находили поддержки.

Т. Т. К р у ч к о в с к и й
(Гродно)

*Люблинская уния в оценке русской
дооктябрьской историографии*

Проблеме соединения Польши и Великого Княжества Литовского (ВКЛ), завершением которого являлась Люблинская уния 1569 г. в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв. уделяется достаточно много внимания. В русской историографии, посвященной истории Польши и земель входящих в ВКЛ, это одна из важнейших проблем.

При рассмотрении данной проблемы, русской историографией не выделяются история белорусского и украинского этносов. Эти народы как в либеральной (В. О. Ключевский, С. М. Соловьёв, Н. И. Кареев, А. С. Трачевский и др.), так и в консервативной историографии (М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский и др.), рассматриваются как ветви русского народа. Не подвергается сомнению их желание жить в одном государстве с Москвой. Вопрос о культурно-политическом, цивилизованном взаимовлиянии народов, входящих в ВКЛ, а затем в федеративную Речь Посполитую не ставится.

Русская консервативная историография в романтической концепции борьбы двух стихий, двух враждебных начал объясняет принципиальную, по её мнению, невозможность существования совместно польско-литовско-русского государства. Характерным является положение М. О. Кояловича, отмечающего, что уния погибла от соединений двух элементов - русского и польского.

Русская либеральная историография в силу живучести славянофильских традиций в русском обществе, понимания государственных интересов России только как "великой России" и в значительной степени политизации полонистики в русской исторической науке, также не допускала мысли о возможности сохранения в составе федеративной Речи Посполитой белорусских и украинских земель.

Данный подход к истории Речи Посполитой был усвоен и советской историографией. В силу ряда известных причин она также считала невозможным существование такой федерации, считая единственно правомерным и необходимым соединением в одно государство трёх восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского.

Исходя из тезиса о насильственном присоединении ВКЛ к Польше, не ставился и вопрос о предпосылках унии. Исключением здесь являются позиции Ф. М. Уманца и М. К. Любавского. Ф. М. Уманец первым в русской историографии рассматривал Люблинскую унию, как определённый шаг в процессе интеграции польско-литовско-русских земель в федеративную Речь Посполитую. М. К. Любавский рассматривал её как итог культурно-политического влияния, преимущественно в сфере общественно-государственного строительства.

Большинство русских историков считало, что Люблинская уния произошла по польскому сценарию (С. М. Соловьёв, М. О. Коялович, А. С. Трачевский, Д. И. Иловайский и др.). М. К. Любавский первым в русской историографии выдвинул положение о компромиссном характере Люблинской унии, Речь Посполитую он рассматривал как федеративное государство.

Ф. М. Уманец впервые поднял и другую сторону данной проблемы: историк считает, что осуществление Люблинской унии пошло вопреки первоначально задуманному плану интеграции земель Речи Посполитой. Вообще взгляды Ф. М. Уманца на Люблинскую унию отличаются от общепринятых в русской историографии. Так, он считал поляков виновными не за заключение унии и попытку ассимиляции русских земель, а за то что они не смогли осуществить первоначальные намерения, считая, что это дало бы выигрыш славянской политике в Европе.

В русской историографии как консервативного, так и либерального направления преобладает осуждение Люблинской унии как попытки осуществления полонизации русских земель. Вопрос же о

взаимовыгодах этой федерации был поднят Ф. М. Уманцем, В. А. Мякотиним, М. К. Любавским.

По мнению В. А. Мякотина, Люблинская уния представляла собой такие большие выгоды для обеих сторон, что она не только удержалась, но и становилась со временем всё прочнее.

В своём большинстве русские консервативные историки, а также часть либеральных (С. М. Соловьёв, А. С. Трачевский) полагали, что Люблинская уния была прикрытием настоящей цели польской политики - церковной унии. В либеральной же историографии Брестская церковная уния рассматривается как следствие победы контрреформации.

В освещении данной проблемы в 70-80-е гг. XIX в. преобладал консервативно-публицистический подход, с 80-90-ых гг. усиливается либеральная тенденция.

Г. В. Васюк
(Минск)

*Православная церковь в Речи Посполитой во время
правления Владислава IV (1632 - 1648 гг.)*

Время правления Владислава IV принесло значительные изменения в конфессиональную ситуацию в Речи Посполитой. В истории государства - это были последние годы, когда предпринимались шаги, направленные на возрождение политики толерантности.

Данный поворот вызван целым рядом объективных и субъективных причин. Прежде всего в этот период усилились активные действия антикатолического лагеря, основу которого составляли протестанты и православные. Кроме того, угроза войны с Москвой и попытки организации широкомасштабного похода против Османской империи требовали обеспечения гражданского мира внутри страны. Немаловажное значение имел толерантный образ мыслей Владислава IV, а также группы высокопоставленных деятелей Речи Посполитой. В некоторые моменты только аргументированная позиция короля позволяла найти выход из сложных переплетений интересов различных конфессий.

Конфессиональная политика Владислава IV способствовала положительным сдвигам в отношении государства к церкви. Именно в этот период, особенно в 1632 - 1635 годах принят целый ряд постановлений сеймов и королевских привилеев, определивших ее статус в государстве. Впервые после Брестской церковной унии произошло официальное восстановление высшей православной иерархии, намечен раздел епископий, церквей, монастырей и церковного имущества между православными и униатами. Кроме того, были созданы королевские комиссии для Польши и ВКЛ, в компетенцию которых входило проведение данного раздела.

Однако, правительство не смогло должным образом организовать их деятельность. Комиссия для ВКЛ фактически не начала свою работу, на землях, принадлежащих Польше, деятельность королевских комиссаров вызвала многочисленные столкновения на религиозной почве. Униаты оказали сильное сопротивление и в ряде случаев блокировали постановления центральных властей.

Кроме того, сам Владислав IV не желал чрезмерного усиления православной церкви в ущерб униатской. Известны его привилеи, которые отдавали в руки униатов церкви, предназначенные до этого православным. В наставлениях своим комиссарам Владислав IV предлагал оказывать большую поддержку униатской церкви, вплоть до того, чтобы отдавать ее представителям лучшие храмы.

Владислав IV был вынужден считаться с политикой римской курии по данному вопросу, которая строилась на безусловной поддержке унии. И хотя отношения с Римом в рассматриваемый нами период порой были непростыми, однако не учитывать его интересы правящие круги Речи Посполитой не могли.

Противоречивость политики Владислава IV по отношению к православной церкви проявилась и в попытках организации "новой" церковной унии. Эта идея на самом деле не являлась столь новой. Как известно, еще в 20-е гг. XVII в. были предприняты шаги по организации совместных соборов православных и униатов. Но тогда не удалось реализовать попытки создания патриархата в Речи Посполитой, который бы подчинялся Риму. Главной причиной неудачи этого дела было то, что против него выступила консервативная часть православного духовенства, влияние которого в среде православного духовенства тогда было сильным.

В рассматриваемый же нами период в православной церкви ре-

шающим было влияние той части духовенства, которое лояльно относилось к государству и желало интегрироваться в его структуры. Это обстоятельство должно было облегчить введение "новой" унии. Встав на подобный путь, Владислав IV и его окружение желали таким образом добиться преодоления раскола "Руси", который мешал консолидации общества.

В Речи Посполитой выдвигались различные проекты "новой" унии. Среди них большой интерес представляет проект П. Могилы. Его положения в плане организационных начал "новой" церкви отличались от положений Брестской церковной унии. Предлагалась форма "союза" церквей, а не их "единства". Такая формулировка давала возможность избрания митрополита без согласия папы. Кроме того, митрополит имел бы право самостоятельного назначения епископов. Однако, в вопросах догматики православные должны были признать *filioque* и чистилище. Что касается обрядности, то она оставалась православной. Реализация проекта П. Могилы вела бы к более постепенному переходу православных в унию.

В то же время римская курия хотела осуществить данный переход немедленно, твердо отстаивая условия Флорентийской унии. Неуступчивость Рима компрометировала ту часть православных, которая проявляла склонность к компромиссу и усиливала напряженность в религиозных отношениях Речи Посполитой.

И. И. Синчук
(Минск)

К атрибуции тынфов Яна Казимира (1663 - 1666 гг.)

В 1663-1666 гг. в Речи Посполитой появились неполноценные серебряные монеты номинальной стоимостью в 30 грошей (злотый, в документах того времени - флорин, тынф). Новые монеты должны были эмиссироваться в биллоне VIII-лотовой пробы (500 пробы в метрической системе) в 6,73 лигатурной массы. Реальная стоимость серебряного содержания этой монеты составляла лишь 40% номинальной, с издержками производства - 55%. Три монетных двора королевства Польского в течение четырех лет выпустили 7495047

экземпляров тынфов:

Львов	3. 4. 1663	- 19. 9. 1663 гг.	-- 1357180 вл.	(18,11%)
Быдгощ	1. 10. 1663	- 1. 7. 1666 гг.	-- 2638561 вл.	(35,20%)
Краков	3. 10. 1663	- 20. 9. 1666 гг.	-- 3499306 вл.	(46,69%)

В нумизматической среде прочно утвердилось представление, что тынфы львовского монетного двора отличаются от остальных большим размером буквы R в монограмме ICR на аверсе. В таком случае следует ожидать, что каждый пятый тынф будет иметь отмеченную особенность. Однако, такие тынфы встречаются очень редко: например, в собрании Государственного исторического музея (Москва, далее ГИМ) среди 147 экземпляров (№ 97558 - 97704) лишь четыре (2,7%) имеют большое R монограммы, в кладе из деревни Гладково Чаусского р-на Могилевской обл. среди 57 тынфов один (1,8%) с большой буквой R в монограмме, в кладе из д. Полочаны Молодечненского р-на Минской обл. среди 51 экземпляра нет ни одного с большой буквой R.

Палеографические особенности тынфов Яна Казимира (1649-1666) позволяют по ряду коррелированных признаков разделить монеты на две основные группы. Первая группа содержит тынфы со знаками интерпункции в виде круглых "точек", а вторая - в виде ромбиков.

Поскольку не встречаются сочетания аверса с точками - реверса с ромбиками (и наоборот), допустимо предположить, что палеографические особенности в данном случае являются признаками монетных дворов. Наличие двух, а не трех групп монет может объясняться перемещением резчика штемпелей вместе с остальным персоналом и рабочим инструментом из ликвидированного во Львове монетного двора в один из двух вновь открытых монетных дворов. Это предположение позволяет сделать попытку атрибуции тынфов несмотря на отсутствие данных о годовом их производстве на монетных дворах.

Если львовские мастера переехали на краковский монетный двор, то одна из двух выделенных групп монет должна составить две трети общего числа монет (18,11% + 46,69% = 64,80%), если же они работали на монетном дворе в Быдгоще, то обе группы должны иметь приблизительно одинаковые частоты (18,11% + 35,20% =

53,31%). Географическая близость Львова и Кракова и отдаленность Выдгоща заставляет предполагать наиболее рациональное перемещение персонала в Краков. Процентный анализ использованного для исследования материала говорит в пользу этого допущения. Тынфы группы со знаками интерпункции в виде ромбиков встречаются чаще (например, 62% в собрании ГИМ, 77% в кладе из д. Гладково, 75% из д. Полочаны), что позволяет эту особенность предполагать отличительной чертой тынфов Львова (1663 г.) и Кракова (1663-1666 гг.), тынфы же с разделительными знаками в виде круглых "точек" относить к монетному двору Выдгоща (1663-1666 гг.). Предлагаемую атрибуцию подтверждает в привлеченном материале и значительное преобладание среди тынфов 1663 г. монет с ромбиками в качестве знаков интерпункции.

ТАБЛИЦА 1. Распределение тынфов Яна Казимира 1663-1666 гг. по знакам интерпункции

комплекс	Гладково	ГИМ	Полочаны			
год\знак	точка	ромбик	точка	ромбик	точка	ромбик
1663	6	9	8	24	2	11
1664	4	5	18	33	5	3
1665	1	10	22	20	4	8
1666	-	3	5	9	-	5
?	2	17	5	4	2	10
Итого	13	44	56	90	13	37
Всего	57	146	50			
%	23	77	38	62	25	75

Количество выпущенных тынфов 1663 г. с большой буквой R в монограмме лицевой стороны можно определить ориентировочно в 100-200 тыс. экземпляров. Бросается в глаза сходство монограммы тынфов с большим R и монограмм на ливонских и рижских солидах

шведского короля Карла XI (1669-1697), на которых в подобном сочетании букв использовано большое R. На солидах королевства Польского ещё в 1650 г. помещалась монограмма с малым R. Эти наблюдения побуждают усомниться в законном происхождении тынфов 1663 г. с большой буквой R в монограмме. Огромная прибыль (45%) от производства тынфов делает вполне правомерным предположение о развёртывании незаконного массового их производства. К сожалению, малое количество доступных для изучения монет не позволяет однозначно решить вопрос о подлинности тынфов с большой буквой R в монограмме.

Я. К. А н і ш ч а н к а
(Мінск)

Звычайны гандаль (аб дзейнасці пагранічных камісій паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай імперыяй у першай палове XVIII ст.)

Розныя школы гісторыкаў у варунках палітычнай кан'юнктуры ўжо даўно вырашаюць складанае пытанне: якая улада больш талерантна клалацілася аб прыгнечаным і падуладным насельніцтве Беларусі - выбарна-каралеўская Рэчч Паспалітай альбо цэнтралізавана-самаўладная Расійскай імперыі. Пры непазбежнай прадузятасці, абмежаванай крыніцамі пэўнага ідэалагічна-канфесіянальнага паходжання, многія гісторыкі фактычна паўтараюць і аднаўляюць узajemныя абвінавачванні абедзвух дзяржаў у веранецярпімасці, нехрысціянскім абыходжанні з прыгоннымі, парушэннях натуральных правоў асобы, дыпламатычных пагадненняў і г. д.

Справа уладкавання міжнародных адносін на глебе і ў мэтах абгрунтавання выключна сваіх спрадвечных правоў на беларускія землі набыла практычнае значэнне на рыштаваннях асветніцкіх ідэй XVIII ст., пры ўмацаванні пануючых рэлігій за кошт падпарадкавання іншавернікаў (дысydэнтаў у Рэчч Паспалітай, старавераў - у Расійскай імперыі). Над наступам пераважна пагранічных уладальнікаў і дзеля дэманстрацыі дыпламатычнага міралюбства, суседнія ўлады ў 1723 г. дамовіліся стварыць сумесныя пагранічныя

камісіі ў складзе трох членаў з кожнага боку. Камісары мелі задачу рэгістраваць і рэгуляваць узаемныя крыўды з нагоды наездаў, захопаў зямлі, маёмасці, дакументаў, падданых. Расійскі бок пры гэтым адкрыта праследваў мэты кампенсацыі матэрыяльных страт ад ўцекаў падаткаплацельшчыкаў і рэкрутаў.

Адваротны бок паслядоўна аздабляў свае карыслівыя разлікі на рабочыя рукі гнаных чужынцаў уласнай верацярпімасцю і гасціннасцю. Магнаты заахвочвалі ўцекачоў падаткавымі ільготамі для каланізацыі ўладанняў, вывозілі находнікаў углыб тэрыторыі, комплектавалі ўцекачамі прыватныя войскі, прадавалі іх назад як рэкрутаў і патуралі кантрабандзе бежанцаў. Разбой на межах не стрымалі ні ўтворанні ў 1730 г. узброеныя кардоны, ні увядзенне з 1739 г. санітарна-пашпартнага рэжыму. Шляхта Вялікага княства Літоўскага, прыхільная да рэгіянальнага самакіравання, ігнаравала пагрозлівыя каралеўскія ўніверсалы аб нетрымання і вяртанні ўцекачоў.

Асаблівы росквіт тэрытарыяльных спрэчак прыпадае на 30-50 гг. XVIII ст., на час адзяржаўлення царквы ў Расійскай імперыі (ганенняў старавераў), барацьбы магнацкіх партый ВКЛ за шляхецкія галасы пры дынастычных крызісах. Жаўнеры Навагрудскага ваяводы гетмана Радзівіла высочвалі патокі бежанцаў і гвалтоўна вывозілі апошніх з уладанняў сапернікаў, што задавальняла каралеўскую і расійскую адміністрацыю. Вайсковыя наезды суправаджаліся крывавымі бойкамі і стваралі тую анархію, якую царызм выкарыстоўваў для стварэння ўласнай шпіёнскай сеткі сярод незадаволенай малаёмаснай шляхты.

Толькі Аўгуст III ўніверсалам ад 4.01.1755 г. распарадзіўся выбраць на надыходзячых сейміках спецыяльных пагранічных камісараў. Усе прэтэнзіі расійскага боку прадугледжвалася разбіраць праз земскія і гарадскія суды. Аднак судовы шлях рэгулявання спрэчак сарвалі ўласніцкі эгаізм магнатаў, пастаянныя зрывы сеймікаў, бяссілле каралёў, выканаўчая валакіта, распаўсюджанасць хабарніцтва, царскія грошы на падтрыманне стану безуладдзя. Дзвінская камісія, створаная ў 1744 г., зафіксавала, што з 1710 г. кошт правозу тавараў по Заходняй Дзвіне вырас у пяць разоў. Звышстатутавыя пошліны на мытнях практычна пераўтварыліся ў хабар.

Рускі бок у метах гандлёвага балансу ўтрымліваў вываз звон-

кая манеты за мяжу. Адміністратары буйных уладанняў, асабліва князя Чартарыжскага, карысталіся транзітным становішчам, канфіскоувалі тавары расійскіх купцоў у кошт доуга, нявольлі гандляроў. Тое выклікала хранічную ўзаемную запазычанасць паміж шкоўскімі яўрэямі і расійскімі купцамі. На працягу 1745-1747 гг. сумесная камісія ў Татарску ацаніла доўг шкоўскіх яўрэяў у 65347 руб., а іх кантрагентаў - у 62447 руб. Чартарыжскі адмовіўся адказваць за пазыкі яўрэяў, як людзей вольных, хуценька змяніў упраўляючых. Руская ж улада жорстка спяганяла запазычанасць сваіх падданных з дапамогай кругавой адказнасці з усіх мяшчан пэўных гарадоў. Меркантильна-сквапны Чартарыжскі паяднаўся з палітычнымі відамі царызму: яму выплацілі з казны 2 тыс. руб. ды адарылі каштоўным футрам, якое выпусцілі за мяжу пад ахоўнай граматай.

Канчатковае абагульненне сваіх тэрытарыяльных прэтэнзій царскі ўрад зрабіў пасля ўзвядзення на трон паслухмянага С. Паянтоўскага.

И. В. П а н т ю к
(Мивск)

Санитарно-эпидемиологическое состояние войск русской и польской армий в связи с эпидемией холеры в период польского восстания 1830 - 1831 годов

В литературе по истории польского восстания 1830 - 1831 годов достаточно исследований, отражающих это событие в политическом, военном и социальном аспектах. В медико-исторических публикациях, посвященных истории революционных движений XIX в., освещены вопросы общественно-политической деятельности медицинских работников в 1825 - 1895 годы. Целью настоящего сообщения является изучение санитарно-эпидемиологического состояния войск русской и польской армий в связи с эпидемией холеры в период польского восстания 1830 - 1831 годов.

Эпидемия холеры, которая проникла весной 1830 г. из Индии в южные районы России, к апрелю 1831 г. распространилась до Врес-

та, позднее в Западную Европу, Африку, Америку. Это была первая в истории Европы эпидемия страшной болезни, которая раньше не выходила за пределы своего природного очага - дельты р. Ганг.

Заболевание холерой появилось одновременно в русской и польской армиях. Холера поражала все слои войск, вызывая массовую смертность. За время военных сражений в кампанию 1830-1831 гг. умерших от холеры было значительно больше, чем от "неприятельского оружия". Точное число жертв этой болезни трудно определить, т.к. "показатели главных докторов варьируют от 3000 до 10000 человек (в среднем - от 4000 до 6000 человек). В польской армии в самый разгар болезни число умерших от холеры не превышало 4 000 человек". Это объясняется тем, что сражения шли на территории Польши, где были стационарные изоляторы, что облегчало "попечение" о больных. В войсках русской армии не было специальных помещений для изоляции заразных. Так, в м. Боремель, где прошло незначительное сражение, "замок был заполнен ранеными. В селении свирепствовала холера, и непрерывно из лагеря приносили солдат, пораженных ею... не было верного убежища для больных".

Опасаясь распространения холеры в польской армии, русских в плен не брали. Тогда как раненые пленные польские мятежники на основании Высочайшего Положения, утвержденного 21 мая 1831 г., получали врачебную помощь в госпиталях и больницах наравне с прочими войсковыми чинами за счет государственного казначейства.

Значительному распространению болезни способствовало отсутствие медицинских знаний, этиологии и эффективных средств лечения этого тяжелого недуга. Противохолерные мероприятия ограничивались карантинными кордонами, где люди окуривались серой; а при лечении использовались кровопускания, пиявки, согревающие ванны, растирания тела мазями. Эти средства применены при лечении главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала Дибича Забалканского лейб-медиком Шлегелем и 4 другими докторами, находившимися при главной квартире, в числе которых был доктор Штюмер и специально изучавший холеру прусский батальонный лекарь Кох. Фельдмаршал Дибич умер от холеры 10 июня 1831 г. в Клешеве около Пултуска. 15 июня 1831 г. в Витебске также от холеры скончался цесаревич Константин Павлович. При нем в момент смерти присутствовал инспектор Витебской Врачебной Управы, доктор меди-

чины К. И. Гибенталь, который впервые во время этой эпидемии отказался от лечения холеры опиумом и кровопусканием, предложил применять водные и спиртовые растворы кофе, поскольку, это заболевание сопровождается обезвоживанием организма и сердечно-сосудистой недостаточностью.

Кроме холеры в русской армии, вследствие размещения бивуаков на болотистых местах, распространялись изнурительные и нервные лихорадки. "Число больных возросло в апреле месяце (1831 г.). Госпитали, учрежденные в Седльце, Медржеце, Биале, Вресте и др. городах были переполнены, и если верить свидетельству лиц, заведывавших госпитальной отчетностью, то целая треть армии лежала в госпиталях".

Таким образом, изнурительные болезни: лихорадка и холера, свирепствовавшие в русской и польской армиях, увеличили число жертв. Эпидемия холеры влияла на ход военных действий вплоть до прекращения сражений. Значительному распространению холеры способствовало отсутствие медицинских знаний и средств по борьбе с этим заболеванием. Военные события 1830 - 1831 гг. ускорили распространение этой болезни в страны Западной Европы.

С. В. П а з н я к
(Мінск)

Заходняе земства і польскае пытанне

Праблема перабудовы мясцовых гаспадарчых органаў у заходніх губерніях Расіі пасля 1863 г. урадам доўгі час нават не ставілася ў сувязі з бояззю "польскай небяспекі". Толькі пры І. М. Дурнаво Міністэрства ўнутраных спраў пачало збор матэрыялаў аб магчымасці увядзення мясцовага самакіравання ў няземскіх губерніях. Прынцыповым прыхільнікам заходняга земства выступаў сябе ўжо І. Л. Гарэмыкін, аднак падрыхтаваны ім законапраект рэформы быў правалены.

У далейшым на палітыку царызма ў адносінах да мясцовага кіравання на выбарчых пачатках аказалі канкрэтныя ўнутрыпалітычныя ўмовы і падзеі (ажыўленне ліберальнага руху, "урадавая вяс-

на" П. Д. Святаполк-Мірскага, рэвалюцыйная атмасфера 1905 г., трэцячэрвеньскі выбарчы закон, з'езд "істинно-рускіх" дзеячоў у Кіеве ў кастрычніку 1909 г. і інш.), а таксама міжнародныя абставіны ў Еўропе (англа-расійскае пагадненне 1907 г., Пажскі з'езд неаславістаў, Баснійскі крызіс і г. д.). Механізм прыняцця рашэнняў залежыў, безумоўна, і ад асобы Мікалая II (была шырока вядома яго рэвалюцыя на ўсепадданейшай справаздачы гродзенскага губернатара за 1897 г.), і ад такіх царскіх бюракратаў як С. Ю. Вітэ, Д. С. Сіпягін, В. К. Плеве, П. А. Стальпін.

Палажэнне 2 красавіка 1903 г. толькі злёгка падфарбавала фасад ранейшага апарату кіравання ў шасці губерніях. Таму ў хуткім часе аб пажаданым увядзенні земскіх устаноў на аснове палажэнняў 12 ліпеня 1890 г. загаварылі нават кансерватыўныя прадстаўнікі бюракраты і грамадскія заходніх губерняў. Сярод шматлікіх хадайніцтваў было нават пажаданне Падольскага камітэта па справах земскай гаспадаркі пра ўвядзенне земскіх устаноў па палажэнню 1864 г.

Праект МУС, унесены ў Савет міністраў у лістападзе 1906 г., негледзячы на яго відавочны антыпольскі змест, быў правалены. Характэрна, што гэтаму ў нейкай меры пасадзейнічала хадайніцтва прадстаўнікоў буйнога польскага землеўладання пачакаць правядзення намечанай агульнарасійскай рэформы мясцовага кіравання.

Між тым нацыянал - дэмакратыя "Прывісленскага края" сфармулявала канцэпцыю польска - рускага збліжэння на антыгерманскай аснове. У пошуках падтрымкі і новых саюзнікаў яна нават урэзала сваю праграму і адмовілася ад прэтэнзій на беларускія губерні, якія заўжды разглядала як "усходнія крэсы". Што ж тычыцца самадзяржаў, то "славянская карта" была па-майстэрску ім выкарыстана ва ўмовах Баснійскага крызісу. У пачатку 1909 г. МУС інспіравала абмеркаванне ў друку кнігі Р. Дмоўскага "Германская палітыка, Расія і польскае пытанне".

У гэтых умовах зачэпкай да нараджэння новага сталыніскага законапраекта стала прапанова шэрагу членаў Дзяржаўнага савета перайначыць палажэнне аб выбарах сваіх калег ад дзевяці заходніх губерняў з мэтай скарачэння ліку асоб польскай нацыянальнасці. У аснову праекта лягла ідэя умелага бюракрата-майстра С. Я. Кржыжановскага аб нацыянальных курнях.

Пры абмеркаванні ў Думе вясной 1910 г. усе фракцыі, якія

стаялі лявей за акцыбрыстаў, выступілі супраць законапраекта. Аднадушную падтрымку дадзены вялікадзяржаўны акт атрымаў у думскай партыі нацыяналістаў, якія толькі з-за амбіцыйных меркаванняў перэчылі супраць шэрагу акцыбрысцкіх паправак. Лозунг "Россия для русских" як раз і жывіў гэтае, бадай-што, самае згуртаванае і сталае аб'яднанне кансерватыўнага толку. Дэпутаты ад беларускіх і украінскіх сялян, у сваёй большасці памяркоўна правыя, былі прасякнуты невыкараняльным антыпамешчыцкім дэмакратызмам і выступалі за павелічэнне ліку сялянскіх гласных.

Законапраект быў прыняты Думай 29 мая 1910 г. На Віленскую, Гродзенскую і Ковенскую губерні ён не распаўсюджваўся ў сувязі са слабасцю тут рускага памешчыцкага землеўладання. У перспектыве Сталыпін меў намер засяліць гэтыя землі дастатковай колькасцю рускіх сялян з унутраных губерніяў імперыі.

Правыя крыло Дзяржаўнага савета адхіліла праект таму, што ён адштурхоўваў ад земскай працы "культурный и консервативный" слой буйных польскіх землеўладальнікаў. Сталыпін вымушаны быў правесці яго ў парадку указа па артыкулу 87 "Асноўных законаў" 14 сакавіка 1911 г.

Е. Д. Смирнова
(Минск)

*История южных и западных славян в трудах
белорусских историков в XIX-нач. XX в.*

Научное исследование в России истории зарубежных славян относится ко второй половине XIX в. Главными центрами изучения истории южных и западных славян были университеты, на славистических кафедрах которых вели преподавание и научную работу выходцы из Белоруссии М. К. Вобровский (1784-1848), Е. Е. Замысловский (1841-1896), В. В. Качановский (1853-1901), В. В. Макушев (1837-1883), В. В. Новодворский (1861-1923), А. Л. Югодин (1872-1947), С. Г. Рункевич (1867-).

С Петербургским, Киевским и Виленским университетами была связана деятельность уроженца Минской губернии приват-доцента В.

В. Новодворского, специалиста по истории Польши и польско-русским отношениям XVI в. [1]. В Петербургском, а затем Варшавском университетах преподавал известный историк, филолог-славист, уроженец Витебска А. Л. Погодин. Особый интерес представляли его труды по польской истории, освещавшие малоработанные вопросы политического развития Польши [2]. Наряду с узкоспециальными трудами, Погодин писал и сочинения обзорного характера: "История Сербии" (СПб., 1909), "История Болгарии" (СПб., 1910), "Славянский мир" (СПб., 1915).

В 1901-1908 гг. в Петербургском университете работал сын протоиерея Минской епархии приват-доцент С. Г. Рункевич, в ряде публикаций которого рассматривались вопросы истории Польши накануне её раздела [3]. С 1884 г. в Петербургском университете читал лекции по истории России XVII в., историографии и исторической географии уроженец Гродно профессор Е. Е. Замысловский. В 1880-1889 гг. он преподавал всеобщую историю будущему царю Николаю II. Замысловский подробно исследовал русско-польские отношения в первой половине XVII в., опубликовал несколько работ об отношениях России с Речью Посполитой.

В Виленском университете со славистической проблематикой была связана деятельность уроженца Гродненской губернии, учёного-богослова, занимавшегося разысканиями в области славянских древностей - М. К. Бобровского. Ему принадлежит описание славянских рукописей и старопечатных книг Ватиканской библиотеки.

В открытом в 1869 г. Варшавском университете славистические дисциплины преподавали В. В. Макушев и его ученик В. В. Качановский. Оба - выходцы из Гродненской губернии, специалисты по истории южных славян. После окончания в 1860 г. Петербургского университета, В. В. Макушев подготовил магистерскую диссертацию "Исследование об исторических памятниках и бытописателях Дубровника" (1867) и докторскую диссертацию "Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века" (1871). Его главные работы посвящены Дубровнику, Далмации, славянам Албании и Италии, средневековой Болгарии. Среди научных работ Качановского определённый интерес представляет его книга "История Сербии с половины XIV до конца XV в." (Т. I. Киев, 1899), в которой автор объединил свои ранние работы и попытался раскрыть возможности сербских, хорватских и византийских средневековых памятников в

качестве исторических источников.

1. Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582). СПб., 1904.
2. Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли. СПб., 1907.
3. Рункевич С. Г. Описание документов архива западно-русских униатских митрополитов (1470-1843). СПб., 1897-1907. Т. 1-2.

П. В. Б о я н к о в
православный священник
(Минск)

*Скорбященская церковь при минском училище
слепых - пример народной стройки*

Не каждому православному храму можно придать respectable статус охраняемого законом памятника истории и архитектуры. Тем не менее, помимо своего главного назначения ("дом Мой домом молитвы наречется" - Мф. 21. 13) всякий храм является еще и своеобразным памятником народному труду, ревности прихожан и доброй воле благотворителей.

Традиция постройки храмов на народные пожертвования до 1917 г. в нашей стране была повсеместной. Поучительным примером такой стройки является сооружение в 1907 г. церкви в честь иконы Божьей Матери "Всех скорбящих Радосте" при минском училище слепых.

Постройка собственного храма всегда была мечтой училища, но для этого не хватало денег. "Однако невозможное у людей оказалось возможным у Бога. Мысль устроить храм при училище слепых была вложена и в душу одной благочестивой женщины, которая из небольших своих средств доверила директору училища И. У. Здановичу на устройство храма 3000 руб" [1]. Тотчас же было получено официальное разрешение на постройку деревянного здания церкви и

начата заготовка леса по льготным ценам. 9 мая (ст. стиль) 1906 г. была совершена торжественная закладка храма, а к сентябрю 1907 г. все основные работы были закончены. Интересно, что вся художественная резьба (иконостас, царские врата, розетки над паникадиллом, карниз, наличники) была изготовлена по рисункам Ивана Устиновича Здановича и вырезана им собственноручно. Этот деятельный человек неоднократно ездил в Москву и Петербург за сбором пожертвований. Он был удостоен благословения самого Иоанна Кронштадского, который сказал ему: "Благославляю, не теряй энергии, смело доводи дело до конца; знай, что много на Руси возникло церквей без копейки готовых денег. Деньги сами к тебе придут" [2].

Вся постройка с утварью и колоколами обошлась около 13000 руб. И вот 25 ноября 1907 г. совершилось освящение новосозданной церкви Епископом Минским и Туровским Михаилом [3]. В дальнейшем, к великому сожалению, она разделила судьбу многих минских церквей. По сообщению сотрудника Белгосмузея Л. Д. Клока ее разрушили около 1929-30 гг. при постройке Дома Правительства.

Ныне церковь в честь иконы "Всех скорбящих Радосте" возрождается в новом качестве (как памятник жертвам Чернобыля) и на новом месте (ул. Притыцкого) [4]. Хочется верить, что по примеру своих дедов минчане не останутся безучастными к этому доброму делу.

1. Минские епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 322-325.
2. Минское слово. 1912. 8 апреля.
3. Минские епархиальные ведомости. 1907. № 23. С. 463-464.
4. Веснік беларускага экзархата. 1992. № 8/1. С. 21-23.

Н. Н. М е з г а
(Гомель)

*Проблема белорусского национального меньшинства в Польше
в советско-польских отношениях (1921-1926 гг.)*

В основе изучения советскими историками международных отношений и внешней политики СССР долгие годы лежал тезис о непогрешимости советской дипломатии. Это вело зачастую к одностороннему и необъективному освещению советской внешней политики, замалчиванию отдельных фактов.

Изучение советско-польских отношений также несет на себе печать названных выше негативных факторов, влиявших на развитие советской историографии международных отношений. Одним из аспектов в отношениях между СССР и Польшей, которому в советской историографии уделялось мало внимания, является проблема Западной Беларуси в советско-польских отношениях.

18 марта 1921 г. в Риге между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и УССР, с другой, был заключен мирный договор. Делегация БССР в Риге не присутствовала. Правительство БССР передало свои полномочия на подписание мирного договора правительству Советской России. По мирному договору Западная Беларусь отошла к Польше. На этой территории, по данным, приводимым в советской литературе, проживало 2,6 млн. белорусов. Рижский договор содержал ст. 7, в которой национальным меньшинствам на территории Польши, с одной стороны, и РСФСР, УССР, БССР, с другой, гарантировалось право на свободное развитие культуры, языка, а также свобода религиозных культов.

Однако, в отношении населения Западной Беларуси эта статья не выполнялась польскими властями с момента заключения договора. Правительство БССР уже 21 августа 1921 г. было вынуждено обратиться к польскому правительству с нотой протеста в связи с нарушением прав белорусского населения на территории Польши. В ноте прослеживалось явное стремление не обострять отношения с Польшей.

Правительство РСФСР, а затем СССР также стремилось избежать обострения отношений с Польшей из-за вопроса о национальных

меньшинствах. Эта проблема не являлась первостепенной в советско-польских отношениях. Во время визитов в Варшаву Чичерина осенью 1922 г. и осенью 1925 г., Коппа в октябре 1923 г. основное внимание на переговорах с польскими представителями концентрировалось на других вопросах: торговый договор, транзит, выполнение материальных обязательств по Рижскому договору. Вопрос о выполнении ст. 7 Рижского договора ни советской, ни польской стороной не поднимался.

В то же время было бы неправильно утверждать, что проблема украинского и белорусского национальных меньшинств в Польше полностью игнорировалась советской дипломатией. В мае - июне 1924 г. по инициативе советской стороны между правительствами СССР и Польши состоялся обмен несколькими нотами в связи с положением украинцев и белорусов в Польше. Переписка показала, что стороны различно толкуют положения ст. 7 Рижского договора. Правительство СССР считало, что эта статья дает ему право охраны прав национальных меньшинств в Польше путем требования от польского правительства её точного соблюдения. Польское правительство рассматривало эти устремления советской стороны как вмешательство во внутренние дела Польши. Хотя в советской ноте от 10 мая 1924 г. и говорилось, что соблюдение ст. 7 Рижского договора является необходимым условием добрососедских отношений, обе стороны пошли на быстрое прекращение дискуссии, так и не придя к какому-либо сближению своих позиций. Ни СССР, ни Польша не желали ухудшать свои двусторонние отношения из-за проблемы национальных меньшинств.

Советскую позицию по проблеме украинского и белорусского национальных меньшинств в Польше концептуально изложил в своей речи на 3-ем Всесоюзном съезде Советов 14 мая 1925 г. народный комиссар иностранных дел Чичерин. Он признал, что ст. 7 Рижского договора Польшей не выполняется. Добиться ее выполнения от Польши, по мнению Чичерина, путем оказания на нее давления нельзя. Чичерин считал, что решение проблемы национальных меньшинств возможно лишь при условии общего улучшения советско-польских отношений. Такой позицией руководства советской внешней политики и объясняется, видимо, то, что вопрос о соблюдении прав украинцев и белорусов в Польше крайне редко поднимался советской стороной. Однако эта проблема, не являясь первостепенной в советскополь-

ских отношениях в 20-е годы, оказывала определенное отрицательное влияние на развитие этих отношений.

Ю. В. К и т у р к а
(Гродна)

Погляды Ю. Пілсудскага на палітыку русіфікацыі

Пачынаючы з 60-х гг. XIX ст. на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай палітыка русіфікацыі становіцца адлюстраваннем нацыянальнага прыгнёту з боку расійскага самадзяржаў'я. Ніякія іншыя абмежаванні не выклікалі такога абурэння ў асяроддзі польскіх рэвалюцыянераў не толькі ў Польшчы, але і ў Літве (пад гэтай назвай у той час разумелі землі былога Вялікага княства Літоўскага). Адзін з лідераў Польскай сацыялістычнай партыі (ППС) Юзеф Пілсудскі лічыў варажасць да палітыкі русіфікацыі галоўнай рысай кожнага свядомага барацьбіта. Але калі іншыя прыносілі ў няспынае супраціўленне абрусенню шмат асабістых пачуццяў, а не зямнай развагі, то Юзеф Пілсудскі імкнуўся да больш-менш аб'ектыўнага разгледжання каранёў гэтай палітыкі і шляхоў яе правядзення [1].

Зараджэнне русіфікацыі Пілсудскі бачыў у рэформах 60-70-х гг. мінулага стагоддзя, знаходзячы пры гэтым нечаканыя аргументы і падыходзячы да парадоксальных вывадаў. Не толькі ў яго час, але і ў нашыя дні, шмат хто лічыць русіфікацыю вынікам падаўлення нацыянальна-вызваленчага паўстання 1863-64 гг. Але тады ўзнікае заканамернае пытанне - чаму ж пасля шматлікіх выступленняў польскага і значнай часткі літоўска-беларускага грамадства і ў канцы XVIII ст., і ў гады войн з Наполеонам, і ў 1830 г. палітыка адкрытай русіфікацыі не праводзілася, а пачалася толькі з пачаткам рэформ у Расійскай імперыі?

Ю. Пілсудскі лічыў, што да пачатку рэформ у Расіі не было сілы на, якую магло бы абалерціся самадзяржаў'е ў правядзенні русіфікацыі, бо ўсё расійскае грамадства было вельмі цяжкім на пад'ём і доўга жыло ў стане стагнацыі. Толькі ў час рэформ з'явіўся слой, які актыўна шукаў прымянення сваім сілам. Гэта была разначынная інтэлігенцыя. Пілсудскі не раглядаў расійскую

інтэлігенцыю як нешта аднароднае. Ён падыходзіў да яе не з культурнымі і маральна-этычнымі крытэрыямі, але ў залежнасці ад яе адносін да царэзму і яго палітыкі. З яго пункту гледжання расійская інтэлігенцыя маглі быць падзелена на дзве асноўныя часткі: тыя, хто пайшоў у барацьбу з царскай уладай, а іх вельмі мала і яны вельмі слабыя (напомнім, што Пілсудскі добра пазнаёміўся з рускім рэвалюцыйным рухам за гады сібірскай ссылкі) [2], і ўсе астатнія, нявольныя да барацьбы з самаўладствам. Яны і сталі апорай царэзму ў палітыцы русіфікацыі, а ён гарантаваў ім уладу і багацце пры ўмове ператварэння іх у чыноўніцтва. "Палітыка русіфікацыі, якая праводзіцца на ўсіх акраінах царскай дзяржавы, ёсць амаль што непазбежны вынік існуючых у ім грамадскіх адносін. Яна з'яўляецца рычагом у руках абанкротіўшагася царэзму і мае непасрэднае дачыненне да ўзмацнення рэакцыі ў Расіі, а таксама ўяўляе сабой у некаторай ступені клапан бяспекі для выдалення дадатковага націску з боку інтэлігенцыі, якая жадае хлеба і ўлады," - пісаў Пілсудскі на пачатку 1900-х гг. [3].

У сваіх артыкулах Ю. Пілсудскі часта звяртаў увагу на тое, што хоць палітыка русіфікацыі мела розныя праяўленні, але перш за ўсё гэта была спроба стварыць на захопленых землях новы прывілеяваны клас - праваслаўных расіян. Выхадцы з буржуазіі, дваранства і духавенства хутка перайшлі ў слой чыноўнікаў. Інтэрэсы прадпрымальнікаў захоўваліся палітыкай пратэక్షынізму, нават працоўныя масы былі ўцягнуты ў русіфікацыю - перасяліўшыся рускія рабочыя і сяляне мелі прывілеі перад мясцовымі жыхарамі [4]. Царскі ўрад знаходзіў шмат спосабаў, як абмежаваць справы адукацыі на захопленых тэрыторыях Рэчы Паспалітай [5]. Асабліва балючым для палякаў і беларусаў-католікаў было ўзмацненне рэлігійнага прыгнёту, і кожнае яго праяўленне знаходзіла сваё адлюстраванне ў публіцыстыцы Пілсудскага. Але больш за ўсё яго абурала расійская бюракратыя, якую ён лічыў "нявольнай да жывой справы, сапсаванай да шпіку касці... Яна заўсёды і ўсюды з'яўляецца перашкодай у кожнай грамадскай справе, нават самай легальнай" [6].

Такім чынам Ю. Пілсудскі ў яго барацьбе з русіфікацыяй, нягледзячы на часам завялікі палемічны запал, выкаваў сябе здольным

аналітыкам, які можа правідлова ацэніваць сацыяльныя асновы ўнутранай палітыкі, што так дасканала спраўдзілася ў будучым.

1. Pilsudski J. Jak stalem sie socialista // Pilsudski J. Pisma-mowiroskazy. T.2, - Warszawa, - 1930, - S.3.
2. Там жа, - С.12.
3. Pilsudski J. Rusifikacja // Pilsudski J. Pisma-mowiroskazy. T.2. - 1930. - S.23
4. Pilsudski J. Rusifikacja // Robotnik, - 1895. - Nr.8.
5. Pilsudski J. Korespondencia z "Przedswitu" z marca 1893 r. // Pisma zbiorowe. T.1 - Warszawa, - 1937. - S.22-25.
6. Там жа, - С.33-36.

А. А. Т и т о в а
(Гомель)

*Проблема аграрной реформы в Польше
как фактор переворота Пилсудского*

К 1926 г. Польша оказалась перед выбором - сохранять прежнюю парламентскую форму правления или модифицировать ее, усилив роль президента и исполнительной власти. Первый вариант предполагал достижение компромисса с более широким спектром сил, чем правые и центр, и неизбежно требовал согласования взглядов и подходов к решению важнейших проблем тогдашнего польского общества - аграрной и национальной, тесно между собой переплетавшихся. Если бы политические партии сейма нашли в себе силы и решимость для такого шага, сползание к диктатуре можно было бы преодолеть. Этого, однако, не произошло.

Разработка и принятие сеймом 28 декабря 1925 г. закона о парцелляции и осадничестве углубило неприязнь помещиков, особенно аристократии к сейму и парламентаризму вообще. Депутаты правых партий (ННС - эндения, Христианско-национальная партия) и центристского ПСЛ - "Пяст" полагали, что принятием закона об аг-

рарной реформе вопрос в целом решен. ППС стремилась спасти парламентаризм, в частности, с помощью компромисса в аграрном вопросе. Однако, фактически возрожденный в конце 1925 г. "Хиено-Пяст" исходил из чисто арифметических подсчетов: если у него большинство голосов в сейме, то с политическими противниками можно не считаться и на серьезные компромиссы не идти. Тем самым он оттолкнул от парламентаризма не только ППС, но и левый крестьянский блок.

Левые крестьянские партии (ПСЛ - "Выволенне", Строничтво Хлопске, Радикальная крестьянская партия) в конце 1925 - начале 1926 гг. не отрицали возможности "революционного" решения аграрной проблемы путем отстранения сейма с его право-центристским большинством. Рост антипарламентских настроений в этих партиях способствовал их сближению с пилсудчиками. Депутаты Украинского и Белорусского сеймовых клубов придавали большое значение решению аграрного вопроса, тесно увязывая его с национальной проблемой. Они считали важнейшим фактором стабилизации демократии признание левыми силами права наций на самоопределение.

Позиция революционного блока сейма (Коммунистическая депутатская фракция - КПД, Независимая крестьянская партия, Белорусская Рабоче-Крестьянская Громада) была продиктована заинтересованностью в сохранении не парламентаризма, как это было в определенной степени характерно для левых партий, а идеи о скорой и неизбежной социалистической революции, успеху которой должна было способствовать радикальная постановка вопроса о земле. Пренебрежение парламентскими способами осуществления социальных преобразований обусловило неадекватную оценку коммунистами лагеря Пилсудского как одного из демократических направлений.

Лагерь Пилсудского, представлявший собой не партию, а фактически неформальную группу, не имел четко разработанной аграрной программы. Ее содержание было обусловлено политическими комбинациями пилсудчиков и предоставляло им значительную свободу обещаний. Накануне государственного переворота, стремясь использовать в качестве его двигателя наряду с армией широкие демократические силы, Пилсудский прибегал к критике правоцентристского блока и парламентаризма, заигрывал с левыми партиями, вступил в переговоры с КПД. В то же время, рассматривая в на-

честве опоры своей власти консервативные круги, он обещал им изменение принципов непопулярной среди помещиков аграрной реформы.

Таким образом, раскол общества и сейма, несогласованность позиций основных политических сил, в том числе и по аграрному вопросу, нарастание ощущения неослабевающего ухудшения положения в стране укрепляло убеждение в необходимости серьезных политических перемен, создавало Пилсудскому возможность играть на противоречиях парламентских сил, подготавливало почву для отхода от парламентаризма как формы осуществления власти в Польше.

А. Ю. Васько
(Мазыр)

*Да пытання узнікнення і дзейнасці Арміі Краёвай
у заходніх абласцях Беларусі ў перыяд нямецка-
фашысцкай акупацыі*

У гады Вялікай Айчыннай вайны амаль адначасова з узнікненнем савецкага партызанскага руху і патрыятычнага падполля ў Беларусі на тэрыторыі яе заходніх абласцей узнікаюць польскі партызанскі рух і шырока разгалінаваная сістэма падпольных арганізацый, якія ў сваёй дзейнасці абапіраліся на Лонданскі польскі эмігранцкі ўрад. Іх дзейнасцю кіравала дэлегататура ЗВЗ (Саюз узброенай барацьбы - Звэнзэк валькі збройнай), а з ліпеня 1942 г. рэарганізаваная з ЗВЗ у Армію Краёву (АК). Галоўнае камандаванне АК знаходзілася ў Варшаве. Сацыяльнай базай Арміі Краёвай і яе падпольных арганізацый было насельніцтва польскай нацыянальнасці гарадоў і сёл

І ў польскай, і ў савецкай гістарыяграфіі дзейнасць АК, адначасова антыфашысцкай і антысавецкай арганізацыі, добра ўзброенай і меўшай выдатную разведвальную службу, практычна замоўчвалася, каб не азмрочваць атмасферу дружбы дзвух сацыялістычных краін. Але, на наш погляд, будучыя пакаленні павінны мець аб'ектыўнае ўяўленне аб тых складаных гістарычных працэсах, існаваўшых ва ўзаемаадносінах паміж беларусамі і палякамі ў перыяд нямецка-фашысцкай акупацыі на тэрыторыі заходніх абласцей рэспублікі Бе-

ларусь.

Даволі магутныя ўзброеныя фарміраванні АК былі створаны і дзейнічалі на тэрыторыі акругі Навагрудак. Яна адпавядала тэрыторыі Навагрудскага ваяводства даваеннай Польшчы да 17 верасня 1939 г., што складала большую частку тэрыторыі былой Баранавіцкай вобласці.

У пачатковы перыяд сваёй дзейнасці кіраўніцтва АК займалася вырашэннем праблемы глыбокай канспірацыі сваіх падпольных арганізацый і невялікіх узброеных груп, вызвалення з нямецкіх турмаў членаў АК і яе агентуры. З уступленнем нямецкіх войск у Беларусь, на тэрыторыю яе заходніх абласцей сталі прыбываць дзеячы розных польскіх палітычных партый правага характэру, а таксама ваенных арганізацый, якія ўзніклі на акупіраванай польскай зямлі яшчэ ў 1939-1941 гг., у тым ліку ЗВЗ.

З лютага 1942 г. сюды сталі наведвацца і эмісары Галоўнага камандавання АК. Прыбыўшыя з-за Буга яе афіцэры ужо мелі за плячыма значны вопыт падпольнай работы, а некаторыя з іх прайшлі спецыяльную падрыхтоўку ў Лондане і былі закінуты ў Польшчу на самалётах. Сярод прайшоўшых навучанне ў Англіі былі будучы камандуючы АК акругі Навагрудак падпалкоўнік Януш Праўдзіц-Шляўскі, начальнік штаба акругі падпалкоўнік Станіслаў Сэндзяк і іншыя афіцэры [1]. Многія з эмісараў АК добра ведалі мясцовыя ўмовы яшчэ з даваеннай службы, і таму ім было лягчэй разабрацца ў складаных абставінах перыяду акупацыі і добра заканспіравацца. Галоўнае камандаванне АК паставіла перад імі задачу: стварыць на тэрыторыі акругі разгалінаваную і добра заканспіраваную сетку падпольных арганізацый і груп. Прадстаўнікі акаўскага цэнтравялі актыўную прапагандысцкую работу сярод палякаў, змест якой быў накіраваны супраць немцаў і "саветаў", вырашалі розныя арганізацыйныя пытанні, уладкоўвалі сваіх людзей у нямецкія органы акупацыйнай улады, вялі разведку [2].

Летам 1942 г. гітлераўцы прыступілі да масавых арыштаў польскіх афіцэраў, таму многія з іх пайшлі ў лясы. Ваенная арганізацыя АК будавалася наступным чынам: акруга - ваяводства, абвод - павет, плутон - гміна, некалькі вёсак, або адна вялікая - дружина, секцыя - 3 чалавекі [3]. Паступова яна ўдасканальвалася па меры неабходнасці.

Першыя значныя па колькасці салдат узброеныя фарміраванні

Арміі Краёвай узніклі вясной 1943 г. Армія Краёва і яе камандаванне выступалі пад лозунгам аднаўлення даваеннай Польшчы (ад мора да мора). Да 1943 г. актыўных баявых дзеянняў на тэрыторыі рэспублікі яна не вяла. Ні супраць немцаў, ні супраць савецкіх партызан. Гэта не азначае, што іх не было наогул. Многае залежала ад канкрэтных абставін і пазіцыі таго ці іншага камандзіра. Зусім іншы характар набылі сувязі АК і беларускіх партызан пасля разрыву дыпламатычных адносін паміж савецкім і польскім (лонданскім) урадамі. Пасля гэтага і тыя і другія атрымалі адпаведныя інструкцыі ад свайго кіраўніцтва. Пачаліся узброеныя сутыкненні, рэзка абастрылася ідэалагічнае процістаянне.

У выніку няўдалай аперацыі "Вострая брама" па вызваленню Вільні сіламі АК, большая частка яе фарміраванняў была інтэрніравана савецкімі войскамі ў ліпені 1944 г. Пасля вызвалення Беларусі ў тыле Савецкай Арміі пачалі дзейнічаць дробныя фарміраванні АК, якія хаваліся ў лясах амаль да 1953 г. На жаль, не толькі хаваліся. І гэта была самая чорная старонка у біяграфіі АК. Нельга забыць таго жорстага тэрору акаўцаў і смерці невінаватых людзей.

1. З успамінаў салдат АК акругі Навагрудак. Варшава. 1988. С. 12. (на польскай мове).
2. Там жа. С. 13.
3. Нац. архіў РБ. Ф. 4, воп. 33-а, сп. 472, л. 134.

С е к ц и я
РАСИЯСКАЯ ГІСТОРЫЯ

В. И. Г а л к о
(Гомель)

*Историко-текстологическое исследование Пролога
первой редакции мартовской половины
(по спискам XIII - XVII вв.)*

Среди исторических источников Древней Руси особое место принадлежит Прологам - сборникам кратких житий святых, сказаний об освящении церквей, патериковых легенд, поучений и назидательных рассказов. Древнерусские памятники, находившиеся в составе Пролога, содержат уникальные известия. Но Пролог, который имеет многовековую рукописную традицию и представлен в архивах и рукописных собраниях всего мира сотнями списков, еще научно не исследован и не издан.

Первая редакция Пролога была выделена архимандритом Сергием (Спасским), который считал, что греческий Синаксарь конца X - начала XI вв., известный под названием Месяцеслова императора Василия, послужил основой для перевода и создания первой редакции, составленной греком Ильей во второй половине XI в. В конце XI - начале XII вв. редакция Ильи была дополнена митрополитом Константином. В XII в. эта редакция была переведена на славянский язык.

Первая редакция имела на Руси многовековую и сложную историю. Изучение состава Пролога первой редакции показывает, что архетип редакции состоял из двух книг, содержащих сентябрьскую и мартовскую половины года. Следовательно, корректным будет проведение текстологического изучения каждой половины года отдельно.

Изучение более 40 списков первой редакции Пролога позволило

нам выделить 9 списков XIV-XVI вв., которые лучше всего сохранили черты раннего архетипа первой редакции Пролога мартовской половины. Они и легли в основу изучения создания первой редакции.

Рассмотрение состава, дошедших до нас списков Пролога нестишного первой редакции мартовской половины позволило установить, что в результате переписки на раннем этапе в конце XII-XIV вв. образовалось три протографа групп. Так в протограф первой группы в отличие от архетипа первой редакции было добавлено под 15 апреля "Житие Мстислава Владимировича". Здесь также пропущена, стоящая в архетипе под 26 марта на шестом месте, память без сказания Аврааму в Латре, а 17 апреля опущена, находившаяся в архетипе на втором месте, память Симеону.

Список, близко отстоящий от протографа первой группы, лег в основу создания годового Пролога нестишного южнославянской редакции. Причем необходимо заметить, что южнославянская редакция Пролога составлялась на основе нескольких списков первой и второй редакций. В южнославянских странах "Житие Мстислава Владимировича" переписывалось в составе годового Пролога южнославянской редакции в конце XIII-XIV вв. В связи с распространением у южных славян в XIV в. стишного Пролога переписка Пролога нестишного южнославянской редакции прекращается.

В Древней Руси праздник в честь Мстислава Владимировича не получает распространения, во-первых, в связи с утратой влияния Федоровского монастыря в Киеве, созданного Мстиславом Владимировичем и в котором он был погребен, во-вторых, с потерей политического веса и, следовательно, возможности участвовать в борьбе за великокняжескую власть потомков Мстислава Владимировича и, в-третьих, можно констатировать, что на Руси списки Пролога, содержащие "Житие Мстислава Владимировича" были распространены в небольшом количестве только в Киевской и Новгородской землях.

Наибольшее распространение среди Прологов первой редакции мартовской половины получили списки третьей группы. В протографе третьей группы, по сравнению с архетипом первой редакции, во-первых, "Сказание о Ферапонте Сардийском" находится 26 мая, а не 25 мая, во-вторых, "Сказание о перенесении мощей Феодосия Печерского" перенесено с 30 на 31 мая и, в-третьих, "Сказание о Борисе и Глебе" под июлем располагается на первом месте под данным числом, а не на пятом месте, как в архетипе первой редакции.

Таким образом, проведенное историко-текстологическое исследование Пролога первой редакции мартовской половины на основе изучения состава сохранившихся списков, позволяет решить вопрос о ранней истории Пролога. Конечной целью нашей работы являлось выяснение следующих вопросов: необходимо было определить, когда древнерусские сказания XI-XII вв. попали в состав Пролога, на основании текстологического изучения установить списки, сохранившие наиболее близкий к архетипу состав и на основе этого провести источниковедческое исследование древнерусских проложных памятников XI-XIII вв.

В. В. Пупа
(Мінск)

М. М. Карамзін аб адносінах паміж Маскоўскім і Вялікім княствам Літоўскім у XIV ст.

У барацьбу за вялікакняжацкі прастол першым з Маскоўскіх князёў, як піша М. М. Карамзін у сваёй працы "История государства Российского", уступіў Юрый Данілавіч (1303-1325), які атрымаў адпаведны ярлык ад Залатой Арды ў 1317 г. Пospех замацаваў пасля смерці брата Іван Данілавіч, вядомы ў гісторыі пад прозвішчам Іван Каліта (1328-1340). Па яго ініцыятыве з Уладзіміра ў Маскву ў 1326 г. пераехаў мітрапаліт, што пераўтварыла яе ў агульнарускі цэнтр. Ён дамогся ад Арды права на збор даніны, атрымаўшы такім чынам новы сродак узбагачэння і ўмацавання ўплыву.

Разглядаючы падзеі XIII ст., М. М. Карамзін не ўдзяляе значнай увагі справам літоўскім. Але пачынаючы з Гедыміна (1316-1341) яго інтарэс да Літвы ўзрастае, становіцца больш стабільным. Карамзін піша, што Гедымін імянаваў сябе Вялікім Князем Літоўскім і Расійскім, быў чалавекам розума і мужнасці невычайных. Удачлівы ў войнах, ён не цураўся і другіх спосабаў пашырэння межаў сваёй дзяржавы. Гедымін здолеў аб'яднаць пад сваім кіраўніцтвам усю Беларусь і Украіну, частку велікарускіх земляў. Кіраваў ён новымі падданымі разумна, шануючы іх звычкі, па-

шыраў гандаль і рамяство, адукацыю, практыкаваў верацярпімасць.

Пры Іване Каліце і Гедыміне, падкрэсліваў Карамзін, абодва княствы набіралі моц, пашыралі свае межы, але да ваеннага сутыкнення справа не дайшла. Праўда, яно амаль не адбылося ў 1341 г., пад час надыходу на Ноўгарад сына Івана I - Сімяона Гордага. У гэты час сын Гедыміна Альгерд асадаў Мажайск. Бітва не адбылася, лічыць Карамзін, па дзвух прычынах, гэта мужнасць абаронцаў і моц самаго горада, а таксама смерць Вялікага князя Літоўскага. Альгерд спыніў асаду і адышоў назад.

Высока ацэньвае Карамзін і Альгерда (1345-1377). Ён пераўзыходзіў братоў розумам і славалюбствам, веў жыццё цвярозае і дзейснае. У 1345 г., уступіўшы ў змову са сваім братам Кейстутам, ён выганяе трох другіх братоў і захоплівае ўсю ўладу. Але пачыналася яго адзінаўладдзе ў складаных умовах, таму ён выказаў жаданне Вялікаму князю Маскоўскаму зрабіцца яго сябрам. Маскоўскі князь прымае прапанову і хітры Альгерд стаў карыстацца дружбай Сімяона (1340-1353). Яна была падмацавана жаніцьбай Альгерда і яго брата Любарта з дачкой князя Цвярскага і пляменніцай Сімяона.

Пасля смерці Сімяона дынастычныя шлюбныя прадоўжыліся, але палітыка Альгерда змянілася. У часы кіравання Івана II (1353-1359) і Дзмітрыя Іванавіча Данскога (1363-1389) Вялікае княства Літоўскае прымае на ўзбраенне наступальную тактыку. У 1356 г. пад яго ўладу перайшоў Бранск. Пасля некалькіх сутычак каля Ржэва, Мсціслаўля, Смаленска ў 1368 г. Альгерд і Кейстут, сабраўшы вялікую армію, з саюзнікамі, князямі Смаленскім і Цверскім, рушылі ў паход на Расію. Палкі маскоўскія, многія князі і баяры былі знішчаны, астатнія абаронцы схаваліся за моцнымі сцянамі Крамля. Моцныя маразы мяшалі асадзе і, прастаяўшы пад Масквой, з вялікай здабычай і палонам Альгерд адышоў. Падобнага спусташэння Вялікае княства Маскоўскае не бачыла ўжо сорока гадоў. У кароткі час, да лета 1372 г., Альгерд і Кейстут зрабілі яшчэ тры паходы на Маскву, але значных поспехаў ні ваенных, ні палітычных не дасягнулі.

У 1377 г. слаўны Альгерд, як піша Карамзін, памёр. Любімы сын яго і пераемнік Ягайла (1377-1437), па-владзейску забіўшы свайго дзядзьку Кейстута, прымусіў уцякаць у Прусію яго сына Вітаўта. Браты Ягайлы Андрей і Дзмітрый перайшлі на бок Масквы.

Пагроза з боку Вялікага княства Літоўскага на нейкі час знікла, што дазволіла Дзімтрыю Іванавічу кінуць усе сілы супроць татар. Гэтую магчымасць ён выкарыстаў выдатна, атрымаўшы славетную перамогу ў 1380 г. на Куліковым полі. М. М. Карамзін адзначае, што сыны Альгердавы, Андрэй Полацкі і Дзімтрый Бранскі, прывялі да Дзімтрыя свае моцныя дружыны, а Ягайла, насупраць, быў у саюзе з Мамаем, але апошняга падвёў.

У 1386 г. Ягайла са згоды вяльмож польскіх ажаніўся з Ядвігай, адзінай спадчынніцай памёршана караля. Умовай дынастычнага шлюбу было прыняцце князем і яго прыбліжоннымі веры лацінскай, як яе называе Карамзін. Хрысціў свой народ Ягайла воляй і няволяй, а прыхільнікаў веры грэчаскай пачаў праследаваць. Усё гэта, натуральна, вызывалі незадавальненне Дзімтрыя Іванавіча, але ён меў патрэбу ў прыязні Ягайлавай, бо яшчэ больш, чым яго, асцярагаўся татара-манголаў.

Памёр князь Дзімтрый у 1389 г. Вялікім князем стаў яго сын Васіль I (1389-1425), які ажаніўся з Соф'яй, дачкой Вялікага князя Літоўскага Вітаўта (1392-1430). Нягледзячы на сваяцтва, а магчыма і карыстаючыся ім, Вітаут пашырае свае ўладанні. Карамзін характэрызуе яго як чалавека хітрага і вераломнага. Вітаўта асцярагаюцца і Ягайла, і Васіль I, хутка ён захапіў усю Падолію, Вяцкую, Чарнігаўскую землі, а потым Смаленск і іншыя гарады. У рэшце рэшт наступіў рашучы момант. У 1406 г. Васіль I пачаў рыхтавацца да адпору, войскі нават сышліся, але зноў было падпісана перамір'е, а ў 1408 г. - і мір, па якому рака Угра стала мяжой паміж дзвюма дзяржавамі. Усё было яшчэ наперадзе.

Разглядаючы гісторыю адносін дзвух мацнейшых усходнеславянскіх дзяржаў XIV ст., іх нарастаючага саперніцтва, М. М. Карамзін часта з сімпатіяй апісвае не толькі князёў і другіх выдатных людзей княства Маскоўскага, але і Літоўскага. Ён не бачыць паміж імі неперадольных перашкод для саюза пад кіраўніцтвам Маскоўскай дзяржавы.

М. Т. А в с и е в и ч
Н. Ф. Б е л о у с
Е. А. Б о р и с о в
(Минск)

Г. Р. Державин и Белоруссия

Известный русский поэт и сенатор Г. Р. Державин был в Белоруссии дважды на рубеже XVIII-XIX веков. Кроме того, он имел поместье на территории бывшей Витебской губернии около г. Себежа.

В первую поездку Г. Р. Державин посетил Шклов и Горки, а также близлежащие деревни, где он разбирал жалобы евреев на притеснения со стороны графа Зорича и сопротивление крестьян деревни Березятня местным властям. Воспоминаниями об этой поездке остались стихотворения "Горки", "Горы" и "Виша" [1].

Вторая поездка Державина была связана с поручением императора Павла I провести расследования причин голода в Белорусской губернии. С июня до октября 1800 г. он находился в Белорусской губернии, которая в то время включала Полоцкую и Могилевскую губернии. Центром был Витебск. Имея большие полномочия, Державин опечатал винокуренный завод в местечке Лёзно, взял под опеку имение князя Огинского; скупленный хлеб, который был предназначен к отправке в Лифляндию для перегонки в вино, приказал передать крестьянам [2]. Разъезжая по всей губернии, он собрал большой материал и написал в Витебске записку под названием "Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев".

По мнению Державина, причины голода заключались в следующем: 1) белорусские крестьяне, в отличие от русских, не занимаются подсобным промыслом; 2) владельцы, особенно "богачейшие польские господа", управляют имениями не сами, а через арендаторов (в основном, евреев), которые берут крестьян на короткий срок и, чтобы поскорее иметь прибыль, "изнурительными работами и налогами приводят их в беднейшее состояние и превращают из хлебопашцев в бобылей, для извлечения своей корысти повергают в совершенный упадок" [3].; 3) "превосходнейшие прибитки" получают здесь от винокурения; 4) некоторые помещики, отдав деревню в аренду, запрещают крестьянам покупать что-либо на стороне, а

только у своего арендатора; 5) в губернии, в каждой деревне, а кое-где и по несколько, построены корчмы. В них крестьяне развращают свои нравы, делаются гуляками и нерадетельными к работе" [4]. При этом вино продается и ночью.

Это главные причины, но Державин насчитывает их тринадцать, не упуская ничего, как, например: "Недостаток в скоте, - пишет он, - отнимает способ удобрения полей" [5].

Для того, чтобы избавить крестьян Белоруссии от голода, Державин предлагает пятнадцать мероприятий. Вот некоторые из них:

Первое. Чтобы поднять сельское домостроительство, необходимо государственное поощрение радивых помещиков и развивать подсобные промыслы.

Второе. Запретить аренду имений менее, чем на 9-12 лет.

Третье. Разрешить винокурение только крупным помещикам, остальные заводы закрыть. Корчмы оставить только возле крупных дорог и там, где бывает скопление народа, "остальные тотчас уничтожить" [6], а также запретить продажу вина до богослужения и по ночам. Для отвращения вывоза из губерний хлеба печатать цены на хлеб и запретить вывоз его в Лифляндию для перегонки на вино, а ввозимое оттуда вино проверять на качество.

Четвертое. Организовать государственную продажу соли и содержать сельские магазины в исправности.

Пятое. Падеш скота связан с прогоном зараженного скота и его продажей крестьянам. Полиции вменялось в обязанность строго контролировать эти вопросы.

Нельзя, на наш взгляд, критическое отношение Державина к евреям рассматривать как бытовой антисемитизм. Это результат отношения к ним основной массы населения, ибо их посредническая деятельность приводила к добавочной эксплуатации. При этом, в другой части этого сочинения Державин очень подробно рассматривает пути организации нормальной жизни всего населения Белоруссии.

1. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 2. СПб, 1879. С. 256-261.
2. Там же. Т. 8. С. 731.

3. Там же. Т. 7. С. 232.
4. Там же. С. 233.
5. Там же. С. 244.
6. Там же. С. 239.

В. А. Т е п л о в а
(Минск)

М. Н. Баккаревич - деятель русской культуры

Среди уроженцев Белоруссии, оставивших заметный след в русской культуре конца XVIII-первой четверти XIX в., имя Михаила Никитича Баккаревича (1775-1820 гг.) принадлежит к числу забытых, известных лишь узкому кругу специалистов.

Он родился в Могилёве в семье священника. В 1790-х гг. учился в Московском университете, а по окончании его был оставлен преподавателем русской словесности и грамматики в Московском благородном пансионе, где одновременно исполнял обязанности главного инспектора классов. В 1802 г., по приглашению Н. С. Мордвинова, переехал в Петербург, где был зачислен на службу экспедитором департамента Военно-морских сил. В январе 1803 г. Баккаревич переходит в Министерство внутренних дел, а с 1810 г. служит помощником статс-секретаря в Департаменте государственной экономии Государственного совета. В 1812 г. он переведён в Министерство полиции, незадолго до этого созданное, с генеральским чином: действительного статского советника.

Литературные воззрения Баккаревича сформировались под воздействием М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина. Он - автор апологетической статьи "Нечто о Ломоносове" (Приятное и полезное, 1794, ч. 3), вызвавшей оживлённую полемику. Вместе с тем Баккаревич не был чужд новому литературному направлению - сентиментализму. Перевод романа Л.-Э. Бийардона де Совиньи "Торжество Розы. Праздник в Саланси" (1793) - дань поклонения Н. М. Карамзину. Это влияние отразилось и в его эллегии "Надгробный памятник" (Приятное и полезное, 1798, ч. 13), примыкающей к традиции переводов из Т. Грея, Э. Юнга, Ф. Маттисона. Баккаревич явился инициатором

создания литературного Собрания воспитанников Московского благородного пансиона, написав устав общества - "Законы Собрания". Как преподаватель, он оказал большое воздействие на В. А. Жуковского, Андрея Ивановича Тургенева, С. Е. Родзянко. Для воспитанников Баккаревич издал "Краткую русскую просодию, или Правила, как писать русские стихи" (1798) - своеобразный учебник по стихосложению. В предисловии он подчёркивал гражданственность и патриотизм поэзии Ломоносова и Карамзина. Вопросам нравственного воспитания посвящены "Разговоры о физических и нравственных предметах" (1800), написанные в форме диалога. Они содержат новую постановку вопроса о сущности "истинного просвещения", которое Баккаревич понимает как осознание обязанности служить своему отечеству. Для оценки политических взглядов Баккаревича большое значение имеет его перевод с французского "Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах" (1793). Своё внимание к малоизвестному сочинению Баккаревич объясняет как "беспристрастным прояснением всех причин бедственных замешательств, совершенно разоряющих ныне французское государство, так и справедливыми рассуждениями о безумстве французских бунтовщиков". Не возражая против разумных нововведений, ломающих устаревшие нормы жизни Франции, он не может согласиться с передачей законодательных прав третьему сословию, считая, что оно не выражает волю всей нации, и высказывает опасения, что революция может превратиться в разгулявшуюся стихию, которую трудно остановить. Политический идеал Баккаревича - "истинная монархия" по классификации Монтескье. Эта мысль ещё отчётливее выражена в "Речи о любви к Отечеству" (Утренняя заря, 1800, кн. 1) и в "Песне патриота" (1801; опубликована: Русская старина, 1877, № 12). В 1802 г. Баккаревич предложил проект издания "Правительственного журнала", замысел которого не осуществился.

Особенно ярко реформаторские настроения Баккаревича проявились в "Санкт-Петербургском журнале", издаваемом в 1804-1809 гг. при Министерстве внутренних дел. В нём публиковались материалы по вопросам, поставленным Великой французской революцией: законность и реформы, наилучшая форма государственного устройства, свобода книгопечатания и просвещения. Особое место в журнале занимали публикации статей И. Ветмана, пропаганда идей которого была связана с правительственным планом законодательных преобра-

зований. Активное участие в журнале В. П. Кочубея, Н. М. Сперанского и самого Александра I свидетельствуют о влиянии на характер этого издания членов Негласного комитета, пытавшихся проводить через журнал свои замыслы. В сентябре 1809 г. "Санкт-Петербургский журнал" прекратил своё существование (Причина не выяснена).

Со службой Баккаревича в Министерстве внутренних дел и Государственном совете связано анонимное издание "Статистического обозрения Сибири" (1810), составленного по официальным источникам, а также перевод работы французского экономиста Ж.-Б. Сея. "О торговом балансе" (1816). Баккаревич - автор пространного некролога "Мысли Россиянина при гробе фельдмаршала кн. Голенищева-Кутузова" (1813).

И. В. Каменская
(Минск)

*Организация центрального управления министерства
народного просвещения России в нач. XIX в.*

Манифест императора Александра I от 8 сентября 1802 г., преобразовавший систему высшей администрации России, впервые сосредоточил управление народным просвещением в особом самостоятельном ведомстве - Министерстве народного просвещения. Организационные основы нового ведомства были определены в п. 7 этого манифеста: "Министр народного просвещения для воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное училищное правление со всеми принадлежащими ему частями, Академию наук, Российскую академию, университеты и все другие училища, кроме предоставленных особому попечению любезнейшей родительницы нашей императрицы Марии Федоровны и находящихся по особому повелению нашему в управлении других особ или мест; типографии частные и казенные, исключая из сих последних состоящие также под непосредственным чьим-то ведомством; цензуру, издание ведомостей и всяких периодических сочинений, народные библиотеки, собрание крепостей, натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук быть

могут". Министром народного просвещения был назначен граф П. В. Завадовский, а его товарищем М. Н. Муравьев.

Первоочередной задачей вновь организованного министерства было создание рабочих органов для непосредственного руководства в империи всем делом народного просвещения.

24 января 1803 г. императором были утверждены "Предварительные правила народного просвещения", - законодательный акт, излагавший основы новой учебной системы и соответствовавший, по своему значению, уставу. В соответствии с этим документом, при Министерстве Народного просвещения создавалось Главное управление училищ - его высший совещательный орган. "Народное просвещение в Российской империи, - отмечали "Предварительные правила" - составляет особую государственную часть, вверенную министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным Училищ Правлением". Далее указывалось, что "Главное Училищ Правление состоит из попечителей университетов и их округов с другими членами, определенными от Императорского величества". Одновременно с учреждением "Предварительных правил" последовало назначение попечителей учебных округов: Московского округа - М. Н. Муравьева, товарища министра, некогда преподававшего императору русский язык и словесность, одного из просвещеннейших людей своего времени, видевшего в свободе и образовании "главный фундамент, на котором создается благосостояние народа"; С.-Петербургского - Н. Н. Новосильцева - Президента Академии наук, председателя комиссии составления законов, докладчика царя по самым разнообразным вопросам государственного управления, старшего и самого осторожного из членов Негласного кабинета; Виленского - князя А. Чарторийского, товарища министра иностранных дел, "очутившегося, - по его словам, - в положении воина, брошенного дружественною рукою и случаем в чужие ряды", Дерптского - генерала Ф. И. Клингера, известного немецкого романиста, человека твердого и независимого характера; Харьковского - графа О. Потоцкого, широко образованного вельможу, искренне преданного интересам своего университета и много для него сделавшего; Казанского - графа Мантейфеля. Кроме попечителей в состав Главного Правления вошли Ф. И. Янкович-де-Мириево и П. С. Свистунов (члены существовавшей ещё при Екатерине II Комиссии об учреждении училищ), а также академики Н. И. Фус и Н. Я. Оверецковский. Правителем дел Главного

Правления был назначен В. Н. Каразин. В последующие годы членами Правления были назначены: в 1804 г. - товарищ министра внутренних дел граф П. А. Строганов, временно исполнявший обязанности попечителя С.-Петербургского округа; в 1805 г. - граф Платер, в 1806 г. - лейб-медик Франк, в 1807 г. - граф А. К. Разумовский, новый попечитель Московского округа, в 1809 г. - товарищ министра юстиции М. М. Сперанский и некоторые другие.

Деятельность Главного Правления Училищ, открытого 25 января 1803 г., в главных её чертах сводилась к осуществлению плана учебной системы, начертанной в "Предварительных правилах народного просвещения". Главное Правление работало над составлением уставов и учебных планов университетов, средних и низших учебных заведений, ведало назначением и перемещением педагогического персонала, снабжало училища книгами и учебными пособиями, управляло хозяйственной частью учебных заведений, разрешало все вопросы учебного дела, выдвигаемые практикой, наконец, контролировало цензурные учреждения. Такое разнообразие функций Главного Правления привело к выделению некоторых специальных учреждений, его исполнительных органов: в марте 1803 г. были образованы Канцелярия правления, разделявшаяся на две экспедиции, ученую и экономическую, и Контора, управлявшая доходами Правления.

В начале 1803 г. в составе Министерства был организован и Департамент Народного Просвещения. По утвержденному 7 января штату состав его был определен в 12 чиновников. Первым директором департамента был назначен И. И. Мартынов, известный переводчик греческих классиков, пользовавшийся большим расположением министра Завадовского.

Ю. А. Б л а ш к о в
(Минск)

*Организация первых военных поселений в России
(аспект выбора территории)*

В начале XIX в. в России углублялся процесс разложения феодально-крепостнической системы. Правящие круги используют раз-

личные средства для вывода страны из тяжёлого положения. Среди этих мер определённое место отводилось организации военных поселений. Размещение накануне Отечественной войны 1812 г. на территории Бобылецкого староства Климовичского уезда Могилёвской губернии Елецкого пехотного полка стало практической попыткой устройства поселений.

Выбор территории Беларуси для создания первых военных поселений был не случаен. Он обуславливался, впрочем, как и само устройство поселений, сложной внутривосточной и внешнеполитической обстановкой в конце XVIII-начале XIX в. Документы свидетельствуют, что при поисках удобной для размещения опытного поселения местности особое внимание обращалось не только на качество почвы и размеры земельных площадей, но и на их расположение относительно городов, а также мест дислокации частей русской армии. Так, было признано нецелесообразным использовать земли сёл Стайки и Оболь Городокского уезда Витебской губернии в виду значительного удаления "от военных пунктов" [1].

Подготовка к войне с Францией требовала расквартирования армии вблизи западных границ, в основном на территории Беларуси и Литвы. Поэтому центром организации военных поселений и должны были стать северо-западные губернии. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что поиски подходящей для поселений местности ограничивались территорией Витебской и Могилёвской губерний. Вероятно, во многом это можно объяснить обострением в рассматриваемый период польского вопроса. Известно, что в борьбе с коалициями европейских монархов Наполеон стремился заручиться поддержкой населения, вошедшего в состав Австрии, Пруссии и России в результате разделов Речи Посполитой. По образному выражению Адама Чарторыйского, "Польша - это оружие, которым Бонапарт издали пугал державы, участвовавшие в её дележе" [2]. Русское правительство было серьёзно обеспокоено возможностью провозглашения Францией восстановления Польши и, в свою очередь, предпринимало соответствующие действия. Об этом, в частности, свидетельствует тайная переписка Александра I с Адамом Чарторыйским. Русский император в конце 1810 г. сообщал о наступлении времени "доказать полякам, ... что несмотря на то, что их заставляют считать Россию единственным препятствием к восстановлению Польши, совсем не невозможно, что именно Россия и осуществит их меч-

ты" [3]. Несколько позднее он же заявлял об объединении "всего, что некогда было Польшей, ... считая границами Двину, Березину и Днепр" [4]. По признанию гр. А. А. Аракеева, который осуществлял общее руководство военными поселениями, создание первых из них предполагало обязательное переселение местного населения на свободные земли юга России [5]. (Действительно, в начале 1812 г. 667 семей бобылецких крестьян в принудительном порядке были переселены в Новороссийский край). Подобная мера легко могла быть истолкована как стремление властей избавиться от части коренных польских жителей, чтобы насадить в северо-западных губерниях русских солдат. Естественно, это противоречило бы многообещающим заверениям правительства в отношении восстановления польского государства. Поэтому в создавшейся обстановке территория восточной части Беларуси была наиболее подходящей для организации военных поселений.

1. ЦГВИА РФ, Ф. 405, оп. 1, д. 1, л. 34-35, 45-46 об.
2. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. 2. С. 139.
3. Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским. М., 1912. С. 149.
4. Там же. С. 177.
5. ЦГВИА РФ, Ф. 405, оп. 1, д. 10, л. 592 об. - 593.

И. А. Г р у ц о
(Минск)

*Судьба наполеоновских "орлов"
(эпизод из истории Отечественной
войны 1812 года на Беларуси)*

В прошлом нашего Отечества есть немало событий, интерес к которым постоянно высок. Одним из них является Отечественная война 1812 года. В целом ее история достаточно хорошо изучена, однако отдельные эпизоды нуждаются в уточнении. К их числу отно-

сится и эпизод с сожжением на территории Беларуси в м. Бобр по приказу Наполеона знамен всех корпусов французской армии. Из мемуаров адъютанта Наполеона графа Сегюра он был заимствован русскими историками как доказательство безнадежности положения французской армии ещё до переправы через р. Березину в ноябре 1812 года.

Действительно, положение французских войск в Беларуси, где им готовилось стратегическое окружение, было тяжелым, но отнюдь не безнадежным. Сами французы свидетельствовали, что "съестные припасы сделались не такими редкими и вообще армия находилась в большем довольствии на этом пространстве до Березины; она построилась от лучшего продовольствия и часто располагалась в теплых квартирах". Продовольственные запасы пополнялись из созданных заблаговременно в Дубровне, Орше, Толочине, Молодечно, Ошмянах, Сморгони провиантских складов. Местное население, преимущественно шляхта, относилось к французам достаточно лояльно, видя в Наполеоне гаранта восстановления независимости Речи Посполитой. Кроме того, в Беларуси к остаткам "Великой армии" присоединились боеспособные корпуса маршалов Удино и Виктора. Таким образом, французская армия представляла из себя еще грозную силу и Наполеону незачем было прибегать к такой крайней мере как сожжение знамен, подразумевающей неизбежность гибели либо капитуляции.

Но может быть граф Сегюр допустил в мемуарах неточность и в м. Бобр имело место уничтожение знамен не всех корпусов, а отдельных воинских частей? Хорошо известно, что в ходе отступления из Москвы наибольший урон понесла французская кавалерия. Лошади погибали от бескормицы, ломали ноги на обледенелых дорогах из-за отсутствия зимних подков. Уже после Смоленска очевидец отмечал: "не найдется даже ста конных на каждый полк", а Наполеон после битвы под Красным признал гибель за несколько дней более 30 тыс. лошадей. Следовательно, уже на подходе к Беларуси французская кавалерия прекратила своё существование как род войск. В Орше Наполеон приказал передать безлошадных кавалеристов в пехотные части. Из уцелевших к тому времени верховых лошадей едва удалось сформировать "священный эскадрон" для охраны императора.

Знамена расформированных кавалерийских частей были переданы в обоз под охрану гвардии.

Подготовка к прорыву за р. Березину требовала усиление мо-

бильности войск. Ее добились за счет сокращения обозов, в том числе и тех, где хранились знамена кавалерии. Об этом прямо писал один из участников отступления: "Император прибыл в Бобр. Орлы кавалерийских полков сожжены; мы уверены, что таким образом у нас их не отнимут". Следовательно граф Сегюр допустил в мемуарах неточность, говоря об уничтожении в м. Бобр всех знамен французских корпусов. Речь могла идти только о сожжении "орлов" расформированных кавалерийских частей. Такие действия Наполеона могут свидетельствовать только о его расчетливости и предусмотрительности, а не о слабости или растерянности в сложной ситуации.

После Орши реформированная французская армия отступала под своими знаменами. Часть из них была отбита в боях русскими войсками, какую-то часть французы спрятали на территории Беларуси. Только в районе переправы "Великой армии" через р. Березину после окончания военных действий было найдено 4 навершия от знамен в форме орлов.

Дальнейшее отступление французов к Вильно превратилось в бегство, в ходе которого уцелевшие знамена могли легко попасть к неприятелю. Стремясь избежать такого позора, Наполеон на последнем переходе к Молодечно издал приказ о том, что в каждом комплектном полку должно находиться не более одного знамени, все остальные передавались на хранение в обоз. Такими мерами удалось спасти уцелевших "орлов", однако 75 знамен навсегда остались в России в качестве почетных трофеев.

По установленному Александром I порядку, трофейные знамена немедленно отправлялись в Санкт-Петербург и ставились перед его кабинетом в Зимнем дворце. Там же их приводили в порядок, так как часто удавалось захватить либо только полотнище знамени, либо его навершие бронзового орла. В таких случаях мастера петербургского арсенала, но имевшимся у них оригиналам, отливали недостающие навершия, изготовляли древки и т. д. Перед большими религиозными праздниками французские "орлы" в сопровождении эскадрона кавалергардов и конногвардейцев торжественно перевозились в Казанский собор, где оставались на хранении. Всего в соборе насчитывалось 107 трофейных знамен, захваченных на протяжении 1812-1814 годов.

І. Л. Качалаў
(Мінск)

*Уплыў рамантызму на ідэйны змест тэорыі
афіцыйнай народнасці*

У гістарычнай літаратуры тэорыя афіцыйнай народнасці разглядаецца перш за ўсё як складаная частка палітыкі цэнтралізацыі і рэгламентацыі ўсіх бакоў жыцця грамадства, якая праводзілася Мікалаем I з першых дзён яго праўлення. У сувязі з гэтым, яна ўяўляецца менавіта той "пракруставай ложай", у якую самадзяржаўе спрабавала ўціснуць ідэйнае жыццё краіны. Сувязь афіцыйнай ідэалогіі з філасофскімі плынямі эпохі вывучана недасканала. Руская дарэвалюцыйная і замежная гістарыяграфія: толькі праводзілі некаторыя паралелі паміж тэорыяй афіцыйнай народнасці і рамантычным светапоглядам. А савецкія гісторыкі да нядаўняга часу гэты факт зусім не ўлічвалі. Між тым, калі прыняць пад увагу, што тэорыя С. С. Уварава сапраўды сфарміравалася пад уплывам рамантызму, то месца яе ў гісторыі рускай грамадскай думкі выглядае некалькі іначай.

У традыцыйным, канкрэтна-гістарычным значэнні гэтага слова, рамантызм з'явіўся як бы найвышэйшым пунктам антыасветніцкага руху, які пракаціўся па ўсіх еўрапейскіх краінах. Расія не стала тут выключэннем. І калі пакаленне дзекабрыстаў выходзілася пераважна на асветніцкай філасофіі французскіх матэрыялістаў XVIII ст., то новае пакаленне знаходзілася ўжо пад уплывам рамантызму, філасофскім абгрунтаваннем якога была нямецкая ідэалістычная філасофія, галоўным чынам, філасофія Шэлінга.

Яшчэ у першай палове 20-х гг. XIX ст. маладыя рускія паслядоўнікі Шэлінга аб'ядналіся ў "таварыства любамудрыя". З сярэдзіны 20-х гг. інтарэсы любамудраў канцэнтруюцца на тэорыі грамадства і чалавека. Незадоўга да выступлення дзекабрыстаў у 1824 - пачатку 1825 г. яны выдалі чатыры часткі альманаха "Мнемазіна", дзе публічна заявілі аб сваіх поглядах. Любамудры былі ідэйнымі праціўнікамі французскай асветніцкай філасофіі. Яны крытыкавалі рускае грамадства за перайманне Захаду, адзначалі празмернае захапленне рускіх французскімі ідэямі, заўважалі, што

у Расіі няма сваёй нацыянальнай культуры, што ўся руская літаратура прасякнута французскім уплывам. Галоўным патрабаваннем любамудраў было самабытнае нацыянальнае развіццё Расіі, дасягнуць якога на іх думку, магчыма было праз асвету і выхаванне грамадства.

"Данясенне Следчай камісіі" і царскі маніфест ад 13 ліпеня 1826 г., якія залажылі асновы ўрадавай ідэалогіі часоў Мікалая I, пры ацэнцы руху дэкабрыстаў зыходзілі з такіх жа пасылак. У іх з'асаблівай стараннасцю прасочвалася ўздзеянне на дэкабрыстаў заходнееўрапейскай думкі, дэкабрысты абвінавачваліся ў пераймальнасці. Характэрна, што сама першапрычына дэкабрыстскага руху прыпісвалася не адукацыі, а "недахопу цвердых пазнанняў". Выхад жа з гэтага становішча бачыўся ва ўдасканалванні "айчынага", прыроднага, нечужаэмнага выхавання".

У 1827 - 1830 гг. органам рускага рамантызму стаў часопіс "Маскоўскі веснік". Ён працягваў адстойваць курс любамудраў на самабытнае нацыянальнае развіццё Расіі. Адмаўляючыся ад рэвалюцыйнага шляху, рамантыкі выступалі за паступовы прагрэс і ўдасканалванне грамадства. Уяўленне аб развіцці ў рамантыкаў мела шэраг асаблівасцей. Так, усеагульнай заканамернасцю развіцця з'яўлялася трыядчынасць. Прычым, у шэлінгіянскую трыяду павінны былі ўключацца дзве "палярныя" рэчы, якія стваралі жыццёвы працэс "як трэцяе".

Формула С. С. Уварава "праваслаўе, самадзяржаўе, народнасць", якая завяршала афармленне афіцыйнай ідэалогіі расійскага самадзяржаўя, была складзена цалкам у адпаведнасці з законамi шэлінгіянства. Дзве палярныя асновы - "праваслаўе" як аснова духоўная і "самадзяржаўе" як аснова матэрыяльная стваралі жыццёвы працэс - самастойнае, самабытнае развіццё Расіі, перададзенае паняццем "народнасць" у тагачасным разуменні гэтага слова.

Прынцып трыяды выкарыстоўваўся рамантыкамі і пры характарыстыцы гістарычных эпох. Тут была такая заканамернасць: пераход ад адной эпохі да другой павінен быць паступовым, і ў апошняй эпасе павінны адлюстроўвацца дзве папярэднія. Тэорыя афіцыйнай народнасці дакладна з такіх пазіцый падыходзіла да перыядызацыі гісторыі Расіі. Першы перыяд, да Пятра I, называлі рускім, другі - еўрапейскім, трэці, які пачынаўся з усталявання Мікалая I -

еўрапейска-рускім.

І нарэшце, у афіцыйную ідэалогію было ўключана паняцце "народнасць". Гэтае паняцце з'яўлялася ключавым у шэлінгіянскай філасофіі гісторыі. Рускае слова "народность" было неалагізмам 20-х гг. XIX ст. і хутка ўвайшло ва ўсеагульнае ўжыванне якраз дзякуючы распаўсюджванню ў Расіі шэлінгіянства.

Такім чынам, ва ўмовах калі апазіцыйныя самадзяржаўныя сілы яшчэ не аформіліся, а шэлінгіянства было пануючай ідэйнай плыню рускай грамадскай думкі, у царызму з'явілася магчымасць выкарыстаць светапогляд эпохі ў сваіх інтарэсах, што было рэалізавана ў тэорыі афіцыйнай народнасці. Менавіта дзякуючы рамантычнай аснове зместу праграма С. С. Уварава спачатку змагла атрымаць прызнанне і падтрымку сярод найбольш прагрэсіўнай часткі рускага грамадства.

В. С. К а с м ы л ё ў
(Мінск)

І. Ю. Сянкоўскі

Абставіны склаліся так, што шмат асоб, якія з'яўляюцца беларусамі па паходжанню да гэтаў застаюцца невядомымі на сваёй Айчыне.

Такой асобай з'яўляецца і Іосіф (Юзэф)-Кюліан Сянкоўскі (1800-1858, пол. I. I. Sekowski, рус. О. И. Сенковский). Біяграфія і практычная дзейнасць гэтага чалавека здаўна прыцягвала ўвагу шматлікіх даследчыкаў, але амаль ніхто з іх не злучаў яго з Беларуссю, практычна адсутнічае аналіз і адэнака яго шматграннай дзейнасці як гісторыка (за выключеннем яго даследаванняў у галіне арыенталістыкі).

Паспрабую нейкім чынам запоўніць гэтыя лакуны.

Месцам нараджэння І.-Ю. Сянкоўскага большасць даследчыкаў называе Антакалон (Антакалон), часам з удакладненнем, што гэты населены пункт знаходзіцца за 50 верст ад Вільні. Населеных пунктаў з такімі назвамі шмат. Але калі верыць сведчанням жонкі Сянкоўскага, нарадзіўся Сянкоўскі ў наваколлі Вількаміра, гэта

значыць па-за межамі Беларусі. Разам з тым пашчасціла знайсці крыніцы, дз. Сянкоўскі збліжаецца з Беларуссю. Найбольш грунтоўным доказам з'яўляецца тое, што маці паходзіць са старажытнага беларускага роду Буйкоў. Бацька Сянкоўскага паходзіць з польскага роду Сарбеўскіх, але відаць той лініі, якая пражывала на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага, бо яго дзед займаў пасаду Ваўкавыскага старасты. На жаль, дакладнага радавода Сянкоўскага знайсці не ўдалося. У карысць беларускага паходжання сведчыць і тое, што першай навучальнай установай Сянкоўскага быў Мінскі езуцкі калегіум, у які ён паступіў у 1814 г. Такія навучальныя ўстановы былі пашыраны на тэрыторыі ВКЛ і, верагодней за ўсё, для навучання абралі бліжэйшую.

Вельмі хутка Сянкоўскі перавёўся ў Віленскі ўніверсітэт, які скончыў у 1819 г. Навуковай і літаратурнай дзейнасцю Сянкоўскі пачаў займацца яшчэ ва ўніверсітэце.

Дзейнасць Сянкоўскага-арыенталіста даволі добра вядома і атрымала станоўчую адзнаку як даследчыка і выкладчыка-прафесара Пецярбургскага ўніверсітэта.

Побач з гэтым Сянкоўскі цікавіўся гісторыяй Вялікага княства Літоўскага, Польшчы і Расіі, іх узаемаадносінамі. Яго гістарычная спадчына раскідана па шматлікім перыядычным выданням і звычайна ўяўляе палемічна заостраныя творы. Большасць іх уражвае парадаксальнасцю высноў; напісаны яны так, быццам бы іх аўтар жадаў выклікаць у чытачоў пачуцце пратэсту, незадавальнення і нават абурэння. Чаго варта заява Сянкоўскага, што польская шляхта мае іншае паходжанне, чым польскі народ.

Лічу мэтазгодным прывесці вытрымкі з прац Сянкоўскага. Першая з іх адносіцца да 1834 г. "Тот, кто собирается писать какую-нибудь историю должен сперва посвятить многие годы совокуплению вокруг себя всего, что только может просветить ум его в рассуждении избранного предмета; должен сличить все тексты, сблизить все отголоски одного и того же известия, изведать все сопряженные с ним нравственные и физические обстоятельства; должен преследовать его не только на родной земле, но и за ее пределами, до последней точки эха, произведенного им в бытописаниях рода человеческого; должен проникнуть во все доступные источники, не пропустить ни строчки, не увидя ее собственными глазами, и не взвесив собственным беспристрастием. Первая обязанность в

таком случае - знать где искать, вторая - уметь искать и находить. Для этого нужна бесконечная начитанность. Нет такого мелкого исторического вопроса, который бы не требовал соединения множества книг, бумаг и выписок, и долговременного обзора его со всех сторон. Если к чему-либо в литературе впрямь применяется прекрасное изречение Петра Великого - "Не отговариваться незнанием однажды обнародованного закона", так это к историческим трудам нашего времени: писатель, который не знает того, что уже раз сказано было по его предмету, и что раз внесено в общий архив человеческих знаний, ничем не извинителен. Для того, кто пишет о человеке, даже различие языков не есть отговорка: он обязан знать все, что в его время известно людям об его вопросе. Через себя или через других, он должен сорвать с постороннего свидетельства завесу незнакомых ему звуков, и исчерпать весь свет, сокрытый в недрах его. Настоящий историк в XIX веке знает все языки, на которых есть что-нибудь полезное для его дела".

У наступной вытрымцы Сянкоўскі дае вельмі цікавую характэрыстыку пралетарыята (1856 г.): "Конечно, еще более чем всякую фабричность, я обожаю Россию, и, по истинной, нелицемерной любви к ней, терпеть не могу пролетариев: а они-то и составляют основной камень, великий элемент фабричности в других странах. Фабричные там... это пролетарии; это люди, которых единственную собственность составляют их дети. Крестьянин не пролетарий: у него есть дом, свой или наемный, все равно; он у себя хозяин; он фермер. Ремесленник, мастеровой - тоже не пролетарий: он надеется и может быть хозяином, может нажить не только собственность, но даже и богатство. Но фабричный существует насущно, по-настоящему, ничего не надеется в будущем и никогда ничем не владеет в настоящем. Это и есть пролетарий. Признаюсь, я не вижу никакой особенной нужды искусственно создавать пролетариев там, где сама природа не создала этого бича общества, и я вовсе не желаю такого опасного класса людей России".

С. А. Кузнецова

Фадзей Булгарын і заходнерусізм

У гісторыі расійскай культуры няма, бадай, больш адвёзнай постаці, чым Ф. В. Булгарын (1789-1859), наш зямляк, імя якога стала хадзячай назвай, сінонімам рэцэпльнасці, прадажнасці і данасіцельства. Рэпутацыю сваю Фадзей Венядаіктавіч заслужыў сумленна і менавіта яна вызначыла месца Булгарына, які быў і аўтарам тагачасных бестселераў, адным з піянераў рускай прэсы, у гісторыі. Здавалася б, прысуд вынесены канчатковы, аднак было заўчасным сцвярдждаць, што Феномен Булгарына як з'ява русага жыцця асэнсаваны канчаткова. Беларускія даследчыкі, пераважна, грэбавалі Булгарыным, але і для іх яго асоба можа быць цікавая, у прыватнасці з пункту гледжання гісторыі фарміравання канцэпцыі заходнерусізма.

Жыццё і творчасць Булгарына былі цесна звязаны з Беларуссю, дзе ён нарадзіўся ў маёнтку Пырашава Мінскай губерні, правёў дзяцінства, меў радавыя ўладанні. Гістарычныя абставіны прапаноўвалі Яну Тадэвушу Крыстофу Булгарыну, нашчадку старажытных радоў ВКЛ, сыну ўдзельніка паўстання 1794 г., некалькі варыянтаў жыцця вага шляху. Закінуты лёсам у Расію, ён не б ваганняў, бо Айчынную для рускіх вайну 1812 г. скончыў у чыне капітана французскай арміі, абраў служэнне новай радзіме - Расійскай імперыі. Дзейнасць сваю ў рускай літаратуры і журналістыцы ён усведамляў менавіта як службу, за стараннасць у якой меў ад вышэйшага начальства ўзнагароды - маёнтак, брыльянтавыя персцены і давер: яму адзінаму з усёй пішучай браціі Расіі ўрад Мікалая I дазваляў друкаваць палітычныя навіны. З "польскага" паходжання Булгарына кпіла руская арыстакратыя, у тым ліку і літаратурная, аднак той знайшоў у рускай славеснасці экалагічную, не дасягальную для іх крытыкі. Ён стаў прапаведнікам маральнасці - па разліку і рускім патрыётам - па прафесіі. Вярхі імперыі не бянтэжыла вулгарнасць і казённасць патрыятызму Булгарына, бо пісьменнік заўжды гаварыў толькі тое, што яны жадалі ад яго пачуць, у тым ліку і па пытаннях нацыянальнай палітыкі.

Беларусі прысвечаны многія старонкі "ідэалагічна вытрыманых" твораў Булгарына, яго раманаў - знакамітага ў свой час "Івана Выжыгіна" (1829) і "Пётр Іванавіч Выжыгін" (1831), частка "Успамінаў" (1846), "Падарожныя запіскі ў паездку з Дзверпта на Беларусь і назад вясной 1833 года" (1835). Трэба згадаць і гістарычную белетрыстыку пісьменніка, якую ён, добра знаёмы з польскай гістарычнай літаратурай, аздабляў каларытнымі дэталімі жыцця і побыту ВКЛ і Рэчы Паспалітай, а таксама публікацыі гістарычнага і публіцыстычнага характараў у яго перыядычных выданнях і, перш за ўсё, у "Севернай пчэле". Усе гэтыя булгарынскія працы стваралі вобраз Беларусі, які цалкам адпавядаў імперскаму пункту гледжання і кацэпцыі заходнерусізма, што пачала складацца ў час царавання Мікалая I. Булгарын адзін з першых недвухсэнсова сфармуляваў асноўныя яе палажэнні і першы распачаў актыўную іх прапаганду.

Булгарын не ўжываў тэрмін "Заходняя Русь", тады яшчэ не пашыраны. У кола яго ўвагі ўваходзілі Беларусь (Віцебшчына і Магілёўшчына, па тагачаснаму ўяўленню) і Літва (Віленшчына, Міншчына, Гродзеншчына). Беларусь і Літва, сцвярджаў Булгарын, - спрадвечна рускія землі, дзе жыве рускі народ, мова якога, такая ж руская, як мова жыхароў Разанскай ці Калужскай губерніі, была у ВКЛ прыдворнай і пісьмовай. Падзелы Рэчы Паспалітай ён прадстаўляў в'явай гістарычна апраўданай і-неабходнай. Толькі ў рускай дзяржаве Беларусь і Літва знайшлі спакой і дабрабыт, упэўніваў пісьменнік і вітаў умацненне каланізатарскай эканамічнай і культурнай экспансіі Расіі на беларускія землі. Аднак, паколькі дабрабыт у рэальнасці ўсё ж адсутнічаў, Булгарын "смела" паставіў пытанне аб прычынах жахлівай беднасці беларускага сялянства і, адказваючы на яго, усю віну усклаў на польскі і яўрэйскі бакі як сілы, па яго сцвярджэнню, варожыя праваслаўю і рускай дзяржаве. Непарушны ў антысемітызме, у антыпольскасці сваёй Булгарын прайшоў пэўную эвалюцыю: ад абвінавачвання толькі касцёла і пракламацый на тэму "палякі - браты-славяне" да адназначнага абвяшчэння, у час паўстання 1830-31 гг. і пасля яго, Польшчы і палякаў ворагамі Расіі, а значыцца Беларусі і Літвы, што адштурхнула ад пісьменніка ўсіх яго польскіх знаёмых, сярод якіх былі і А. Міцкевіч, і І. Лялефель.

Свядома адлюстроўваючы ў сваіх разважаннях пра Беларусь

імперскую палітыку, Булгарын падсвядома зжываў свой "комплекс чужынца" ў рускай культуры, і гэтая яго асабістая справа, калі мець на ўвазе значную папулярнасць пісьменніка ў масавага чытача тагачаснай Расіі, ператваралася ў справу грамадскую. Рускі чытач верыў пісьменніку, які нярэдка в замілаваннем пісаў пра сваю радзіму і меў рэпутацыю знаўцы "літоўскай гісторыі" і "беларускай філасофіі" (фальклору). Вобраз беларускага краю ў трактоўцы Булгарына ўкараняўся ў рускую свядомасць і станавіўся трывалым падмуркам для дзейнасці будучых заходнерусістаў.

Д. И. Л а з а р е в а
(Минск)

Проблемы национальной культуры в идеологии общественных движений России первой половины XIX века

Вторая половина XVIII в. - время формирования в русской общественно-политической мысли широкого спектра течений - от консервативно-официальных до революционных. Соответственно, первая половина XIX в. - это период дальнейшего развития, а также идеологического и, отчасти, организационного их оформления.

Для общественных движений России как этого, так и последующего периода, характерны теснейшая органическая связь различных аспектов общественно-политической мысли - политики, философии, литературы. В силу такого "комплексного" подхода одно из центральных мест в идеологической борьбе этого периода заняла историко-философская, а точнее - культурологическая, проблема самобытности русской национальной культуры.

Каждый историк, философ, литератор или общественный деятель, пытавшийся осмыслить русский историко-культурный процесс, выработать его концепцию, неизбежно сталкивался с проблемой переломного периода русской истории рубежа XVII-XVIII вв. и вынужден был давать оценку как Петровским реформам, так и дилеммы "Россия-Европа" в целом.

Остановимся на оценке этой проблемы в рамках четырех наиболее значительных течений русской общественно-политической мысли

этого периода таких, как "декабризм", "официальная народность", "славянофильство" и "западничество".

Для декабризма, одного из наиболее влиятельного и рано оформившегося течения, характерен поиск "истинного прошлого России", отказ от принципа "необходимости самовластия", провозглашенного Н. М. Карамзиным, убеждение, что "для русского больно не имѣть нации и все заключать в одном государе" (П. Г. Каховский). Признавая "младенческий" возраст русской культуры, декабристы, тем не менее, находили в ней опору для оптимистического взгляда на историю России. Республиканский опыт Новгорода и Пскова, при всей его исключительности, служил многим декабристам отправной точкой для их оценок прошлого и будущего России и ее культуры. Для официальной народности, принципиальную установку которой можно выразить словами А. Х. Бенкендорфа: "Прошедшее России было удивительно, ее настоящее - более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана" - характерна скрытая полемика с идеями декабризма и интерпретации прошлого России в духе идеалов самодержавия. Точно так же прошлое, настоящее, равно как и дальнейший процесс развития русской культуры, представлялись идеологами официальной народности как синтез провозглашаемых ими умозрительных принципов "народности" и "православия".

Для декабризма и официальной народности характерен синкретизм в оценке Петровских реформ - и те, и другие, признавая как заслуги Петра I, так и его просчеты, придерживались в оценке конкретных фактов практически противоположных мнений. И у тех, и у других вопросы истории национальной культуры играют скорее подчиненную, вторичную роль и используются как орудие в политической борьбе.

Поражение декабризма и торжество идеологии официальной народности привело к тому, что последняя выродилась в чисто охранительную, мертвозастывшую идеологическую систему. В конечном счете эта система в своем последовательном проявлении, особенно во второй половине XIX в., подрывала устой того, что предназначена была охранять.

Западничество, логически продолжая идеологию декабризма,

восприняло, однако, лишь часть этого идейного наследия. Эта преемственность обусловила, с одной стороны, активную борьбу западничества с идеологией официальной народности. С другой стороны "половинчатость" этого наследия породило внутреннюю бесплодность идеологии западничества.

Западники пошли по пути отрицания русской национальной культуры и явились отчасти идейными предшественниками нигилизма, отрицавшего культуру вообще, а тем более национальную.

Славянофильство, в плане его основных идей, возникает практически одновременно с декабризмом и тесно переплетается с последним. В дальнейшем борьба славянофилов с идеями западников сочеталась с четким дистанцированием их от идеологии официальной народности.

Западников и славянофилов сближает как однозначная полярность в оценке Петровских реформ и культуры до-Петровской Руси, так и принципиальный интерес не только к вопросам национальной культуры, но и к прошлому дилеммы "Россия-Европа".

В конечном счете единственным позитивным идеологическим течением, оформившимся в первой половине XIX века, оставалось славянофильство, которое и дало мощный импульс развития той блестящей плеяде представителей русской культуры конца прошлого - начала нынешнего столетия, время деятельности которых обозначается собирательным термином "серебряный век".

С. Б. Ж а р к о
(Минск)

*Гражданская война в США и российская
демократическая печать*

Время борьбы между Севером и Югом является важным этапом в развитии российско-американских отношений. Позиция нейтралитета, занятая Россией в этой войне, благоприятно сказалась на отношениях двух стран как во время войны, так и в последующий период. События 1861-1865 гг., происходившие в Америке, вызвали неизменный интерес русской общественности.

На всем протяжении гражданской войны российская печать уделяла этим событиям значительное внимание. Не осталась в стороне и демократическая пресса. Так, "Современник", "Русское слово", "Очерки", "Народная летопись" достаточно часто и подробно освещали события войны между Севером и Югом.

Демократы на страницах периодики давали обстоятельный анализ причин и характера войны. Так, Н. Г. Чернышевский предвосхищал неизбежность "серьезной войны" за искоренение невольничества. Такую же точку зрения разделяли и публицисты из журнала "Русское слово". Так, незадолго до начала войны, в 1861 г. Г. Е. Благовестлов писал, что причиной раздора между Севером и Югом является, прежде всего, рабство негров. Ряд интересных обзоров, посвященных описанию причин и хода войны, можно найти в демократических газетах "Очерки" и "Народная летопись".

Следует отметить, что большая часть российской прессы, независимо от политической ориентации, с первых же дней вооруженного конфликта выступила на стороне Севера. Так, американский посол Клей летом 1861 г. отмечал, что русские журналы занимают дружественную позицию по отношению к правительству А. Линкольна.

Значительное внимание уделялось рассмотрению перспектив гражданской войны. Так, в "Русском слове" сообщалось о массовом вступлении в федеральную армию фермеров, об организации в деревнях комитетов, встававших на защиту рабов и др. материалы.

Демократическая печать довольно широко освещала участие негров в гражданской войне. Отмечая возросшую роль цветных солдат после принятия Прокламации об эмансипации невольников 1862 г., "Русское слово" подчеркивало, что неграм предоставлена возможность нанести удар "рабовладельческой империи плантаторов". Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что призыв в армию негров приведет к "быстрой гибели инсургентов".

В целом, на всем протяжении гражданской войны в США, представители российской демократической прессы последовательно выступали как сторонники решительной борьбы с рабством, против компромиссов правительства Севера с плантаторами Юга. Они подвергали критике умеренных республиканцев за их медлительность и нерешительность в ведении войны, за уступчивость рабовладельцам пограничных штатов.

Демократическая печать уделяла значительное внимание также

и вопросам международного положения США. Российская общественность активно выступала против вмешательства в гражданскую войну Англии и Франции. В частности, летом 1862 г. демократическая и либеральная пресса осудила планы английского и французского правительств признать южную Конфедерацию. Несколько позже "Современник", "Русское слово", "Народная летопись" выступили против попытки Франции организовать коллективное посредничество в пользу Юга. Так, Н. В. Шелгунов в 1863 г. на страницах "Русского слова" подверг острой критике Англию за попытку опорочить правительство А. Линкольна и оказать экономическую и политическую поддержку южным штатам.

Анализ демократической периодики 1861 - 65 гг. показывает, что в целом взгляды, высказанные на страницах демократической прессы, совпадали с правительственным курсом России по отношению к гражданской войне в США.

И. В. Ор ж е х о в с к и й
(Минск)

Правительственная политика и земская реформа

Одним из центральных вопросов внутренней политики пореформенной России является правительственная политика по отношению к земским учреждениям и их деятельности. Земская реформа была естественным продолжением буржуазных преобразований, последовавших вслед за отменой крепостного права.

Положением 1 января 1864 г. о создании земств, они не были включены в общую систему государственных учреждений, а поставлены возле них: земство с первых же дней своего существования не имело никаких органических связей с системой государственного управления. Сфера деятельности земств сразу же была ограничена лишь решением местных вопросов, носивших сугубо хозяйственный характер. Земство не имело непосредственной исполнительной власти, и любое своё постановление должно было приводить в действие исключительно через администрацию. С самого начала правительство с недоверием отнеслось к им же самим созданным земским учрежде-

ниям, и поэтому всеми силами старалось обособить их, изолировать друг от друга, не допустить сколько-нибудь тесного их соприкосновения с местной администрацией, а с другой стороны, предпринимало постоянные усилия, чтобы поставить земство и его деятельность под полный контроль административных властей. Эти устремления и определяли в целом правительственную политику к земству на протяжении второй половины 60-х - 70-е гг. XIX в.

Покушение на Александра II 4 апреля 1866 г. окончательно определило охранительный курс правительственной политики вообще, в том числе и в отношении земства. По отношению к земским учреждениям правительственная реакция особенно ярко проявилась в ограничении предоставленных им прав обложения земскими сборами недвижимой собственности. 17 мая 1866 г. циркуляром министра внутренних дел разъяснялось, что земства не имеют права "облагать сборами самые изделия и продукты, выделяемые или продаваемые на фабриках и заводах, а равно и других промышленных и торговых заведениях, оплачиваемых акцизом в пользу казны". Вместе с тем, в глубокой тайне готовился закон об установлении предельности земского обложения для торгово-промышленных заведений. Закон этот, от 21 ноября 1866 г., значительно сокращал финансовые средства земств и тем самым был направлен на ограничение их деятельности. Поскольку в земском бюджете преобладали так называемые "обязательные расходы" (содержание судебного-мировых учреждений, местной полиции, выполнение квартирной, дорожной и др. повинностей), то финансовые возможности земств оказались весьма ограниченными. Появление этого закона было встречено как земствами, так и прессой сугубо отрицательно.

Несмотря на это, министром внутренних дел П. А. Валуевым, по поручению Александра II, была составлена и в начале 1867 г. передана на обсуждение Совета министров специальная записка, явившаяся принципиально новым документом: она не только выражала взгляды наиболее консервативной части высшей бюрократии на земство, которые встречали сочувствие и со стороны царя, но являлась по существу первым конкретным планом земской контрреформы. Однако боязнь широкого общественного недовольства, которое неизбежно возникло бы при известии о предстоящем пересмотре Земского положения, одержала верх над желанием немедленно подавить земскую оппозицию. Поэтому вместо пересмотра Положения 1864 г., как это

предлагал Валуев, было рекомендовано вносить в него изменения отдельными частными законодательными актами. Этот принцип частных мер и был положен в основу всей последующей правительственной политики по отношению к земству.

Большое значение в дальнейшем сужении деятельности земских учреждений имел закон 13 июня 1867 г., в соответствии с которым, усиливалась и ответственность председателей земских собраний, запрещались какие-либо сношения между земствами разных губерний, а также устанавливалась предварительная цензура для всех видов земских изданий.

В сентябре 1869 г. был принят закон об ограничении права бесплатной пересылки корреспонденции, который значительно стеснил земскую деятельность. Циркулярами министра внутренних дел 1866-1878 гг. все земские служащие были поставлены в полную зависимость от правительственных учреждений и местной административной власти. В 1874 г. земства по существу были полностью отстранены от участия в народном образовании.

Правительство и правительственные учреждения свысока глядели на земства. Представители высшей администрации и в 70-х гг. никак не могли примериться с тем, что формально земства являются учреждениями всеобщими. С самого начала администрация с недоверием и предвзятостью относилась к земским учреждениям, что нашло выражение в систематическом отклонении земских ходатайств даже самых лояльных по своему содержанию. Так, за 1874-1879 гг. из 235 ходатайств, поступивших на окончательное разрешение Комитета министров, 208, или более 88,5%, были отклонены и лишь 27 ходатайств были удовлетворены или отклонены "небезусловно". Несомненно, что судьба этих ходатайств в известной мере показывает правительственное отношение к земским учреждениям.

В. В. Сергеевкова
(Минск)

*Начальное образование и Устав
о воинской повинности 1874 г.
в России*

Закон о всеобщей воинской повинности, утвержденный 1 января 1874 г., предоставлял некоторые льготы для несения воинской службы. Льготы определялись и уровнем полученного образования. Так, для лиц, имевших свидетельства об окончании курса начальных народных училищ, срок действительной службы в сухопутных войсках сокращался с 6 до 4 лет, а при назначении во флот - с 7 до 6 лет. Порядок выдачи свидетельств о знании курса учебных заведений четвертого разряда должны были определить специальные правила, составленные Министерством народного просвещения после согласования с Военным министерством и IV Отделением собственной е. и. в. канцелярии.

"Правила для выдачи свидетельства о знании курса начальных училищ лицам, желающим при отбывании воинской повинности воспользоваться льготой, определенной п. 4 ст. 56 Устава о воинской повинности", были утверждены министром народного просвещения Д. А. Толстым 15 октября 1874 г. [1]. Согласно "Правилам", свидетельства могли выдаваться уездными училищными советами, а если их не было в данной местности, то педагогическими советами местных учебных заведений (уездных и городских училищ, учительских семинарий, мужских гимназий и прогимназий, реальных училищ). Уездные училищные или педагогические советы должны были проводить в начальных училищах специальные экзамены перед окончанием учащимися в них курса. Однако в "Правилах" ставилось условие, что свидетельства о начальном образовании могут выдаваться лишь тем, кто окончил училища с не менее, чем двумя преподавателями: законоучителем и учителем. Эта ограничительная статья значительно сокращала круг лиц, которые могли бы воспользоваться льготой при отбывании воинской повинности. Кроме того, в Варшавском учебном округе экзаменоваться могли лишь подростки не моложе 16 лет. Начальные училища в основном оканчивали юноши в возрасте 12

-14 лет. Это также являлось серьезной преградой для получения свидетельства о начальном образовании.

"Правила" вводились первоначально в виде опыта на 2 года. Периодическая печать тех лет негативно отнеслась к их изданию. Она подчёркивала ограничительный характер "Правил" и выражала надежду, что правительство внесет в них какие-либо изменения [2]. Однако изменений или дополнений со стороны правительства не последовало ни через два года, ни позже, а "Правила" продолжали действовать.

На основе данных статистического исследования 20 марта 1880 г. подсчитано, что из 22767 начальных училищ в Европейской России, включая и Варшавский учебный округ, училищ только с одним законоучителем было 963, или 4,2 %, только с одним учителем - 19624, или 86,1 % . Училищ с двумя и более преподавателями насчитывалось лишь 2180, или 9,7 % [3]. Таким образом, большинство будущих солдат не могло воспользоваться льготой по образованию при отбывании действительной воинской службы. Ограничительная статья "Правил" подчеркивала возможность получения льготы, предусматривавшейся Уставом о воинской повинности 1874 г. В этом еще раз прослеживается сословный характер политики царского правительства.

1. См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1874. №12. С. 37-44.
2. Русские ведомости. 1875. №107. 21 мая; Санкт-Петербургские ведомости. 1874. №349. 19 декабря; Странник. 1878, №9. Текущая хроника. С. 383-393.
3. Статистический временник Российской империи. Серия III. Выпуск I. СПб., 1884. С. 72.

О. В. Голикова
(Минск)

*Источники для изучения общественного мнения
по проблемам внешней политики России
70-90-х годов XIX в.*

1. Общественное мнение является одним из факторов, воздействующим на внешнюю политику страны. Сила его влияния зависит от уровня развития демократических учреждений и свобод, от степени организованности общественных сил (политические партии, союзы, движения и т. п.).

В самодержавной России 70-90-х годов XIX в. при отсутствии каких-либо демократических институтов и свобод возможности воздействия общественности на правительственную политику были весьма ограничены. Тем не менее правительство, принимая внешнеполитические решения, в ряде случаев учитывало не только позицию влиятельных общественных кругов, но и настроения низов, грозящие опасными социальными осложнениями. Этим определяется важность изучения общественного мнения при исследовании внешней политики России. Независимо от степени влияния общественного мнения на политику, его изучение позволяет исследователю глубже понять, в какой степени внешняя политика правительства соответствовала интересам отдельных социальных слоев и общества в целом. Для корректировки выводов важно при этом выяснить, какими возможностями располагало правительство для формирования общественного мнения и как оно эти возможности использовало.

2. В последней трети XIX в. в России наблюдался подъем демократического движения, возникали первые рабочие союзы, что естественно, влекло за собой более определенную дифференциацию общественного мнения. Главным источником для изучения общественного мнения в России этого времени является пресса, бывшая единственным каналом его публичного выражения в условиях отсутствия представительных учреждений. Наибольший интерес для исследователя общественного мнения представляют газеты - своеобразный дневник эпохи. Статьи в журналах, выходявших значительно реже, не позволяют в такой степени, как материалы газет, проследить процесс формирования общественного мнения, но в свою очередь, они

чаще содержат более обобщенные и взвешенные оценки, позволяющие исследователю глубже представить себе позицию автора и ее мотивы.

Русская пресса этого времени была представлена значительным количеством изданий разных направлений. Среди правительственных, консервативно-монархических печатных органов следует назвать "Московские ведомости", "Сын отечества", "Новое время" и др. Основными печатными органами русской буржуазии были "Вестник Европы", "Русский вестник", "Русское слово", "Русские ведомости", "Русская мысль". В этих изданиях регулярно освещались вопросы внешней политики и международных отношений. Отношение мелкобуржуазных демократов, народнических организаций, революционно-демократических кругов к внешней политике царизма в указанный период времени характеризуют такие известные газеты, как "Неделя", "Новое время", журналы "Дело", "Русское богатство". Но надо учитывать, что периодическая печать представляет не все общественное мнение. Материалы прессы дополняются публицистическими сочинениями, брошюрами, листовками.

Важнейшей группой источников являются материалы Архива внешней политики России, а также сборники документов, содержащие донесения иностранных дипломатов из России, в которых можно встретить сведения о внутр политическая ситуация в России, о позиции различных партийных групп, их отдельных представителей по тем или иным вопросам политики правительства, об их реакции на события международной жизни.

Последняя группа источников - мемуарная литература, дневники и переписка общественных и политических деятелей. В частности вызывают интерес мемуары В. Н. Ламздорфа, А. Н. Феоктистова, М. Н. Каткова, А. Суворина и др. Особенно ценным источником для изучения истории общественной мысли является опубликованная и хранящаяся в архивах переписка и дневники современников.

В. А. М и х е д ь к о
(Минск)

*М. Вебер и проблемы изучения русского либерализма
конца XIX-начала XX века*

Политическая социология М. Вебера рассматривает Россию конца XIX-начала XX века как общество переходное. Происходила замена "патриархального" типа легитимного господства на "рационально-правовой" тип. "Рационально-правовое" господство, т.е. основанное на рациональных формальных нормах, отвечало потребностям построения политической системы капиталистического общества. Одним из основных препятствий на пути развития капитализма русские либералы считали нерациональное устройство государственного аппарата, засилие в нем некомпетентной "высшей бюрократии". Либералы были уверены, что император, в частности, Николай II заботится о достижении наибольшей государственной пользы. Поэтому нежелание царя идти на реформы, сулившие очевидные государственные выгоды, воспринимались ими как результат его неосведомленности или слабохарактерности.

В свою очередь, Николай II видел в прожектах либералов прежде всего не заботу о государственной пользе, а стремление их ограничить его "священную" власть. Любая политическая реформа являлась для Николая II оскорблением его статуса носителя божественной власти на земле, "помазанника Божия".

Подобное взаимное непонимание объяснялось тем, что либералы и Николай II находились в разных культурно-исторических измерениях. В условиях патриархального господства наиболее важным для монарха являлись не столько деловые качества его приближенных, сколько готовность их к беспрекословному исполнению монаршей воли, готовность быть лишь послушным инструментом осуществления его "отеческой" власти над народом. Проявление "излишней" самостоятельности резонно рассматривалось им как посягательство на прерогативы монарха. Таким образом, "высшая бюрократия" представляла собой не чиновников, пусть и некомпетентных с точки зрения либералов, а свиту, целиком зависевшую от "милости" царя. Появившиеся в составе "высшей бюрократии" - свиты люди, выде-

лявшиеся своими деловыми качествами и инициативой, - оставались чужаками и быстро изгонялись. Этим и были предрешены судьбы Витте и Столыпина.

Реакцией царского режима на усиливавшиеся тенденции рационализации российского общества стала эволюция патриархального типа власти Николая II в сословный тип правления.

Эта трансформация способствовала эмоциональному отчуждению полупатриархальных масс от самодержца. Распространявшиеся революционные течения принимали характер харизматических движений. И царизм, и революционное движение приобрели ряд общих черт: иррациональное обоснование своей легитимности, аффективный и ценностно-рациональный способ социального действия, авторитаризм, опору на личные отношения. И царь, и революционеры не скрывали своего презрительно-враждебного отношения к закону и готовности его преступить. В условиях патримониально-сословного государства закон был лишь бутафорией. Единственными, кто не воспринимал его таковым, были либералы в силу возведенного ими в принцип уважения к закону, приверженности идее рационально-правового регулирования общественной жизни.

По существу, либералы оказались единственной общественной силой в России, стремившейся следовать легальным, ненасильственным методам переустройства общества. Русский либерализм, по Веберу, оказался чисто идеологической конструкцией, основанной на приоритете рациональных ценностей. В условиях кризиса "традиционного" общества это обусловило его изоляцию в узких рамках высшего слоя "образованного" класса, предрешив его политическое поражение в 1917 году.

И. М. М е д в е д е в
(Минск)

*Формирование белорусской национальной
интеллигенции на рубеже веков*

Развитие капитализма в пореформенной Беларуси создавало предпосылки формирования интеллигенции как обособленной социаль-

ной группы: складывался рынок квалифицированного умственного труда и постепенно происходил распад традиционно-сословных связей. Возрастающий спрос на интеллектуальный труд вынуждал правительство создавать условия для подготовки специалистов. Образование становилось важным средством обретения нового социального статуса для представителей различных слоев населения.

Процесс складывания национальной белорусской интеллигенции изначально отягощался значительным количеством некоренных и ассимилированных элементов в составе основных источников ее формирования. Так, среди потомственного дворянства белорусов было 43%, среди личных дворян и чиновников - 19,4%, лиц духовного звания (христианского исповедания) - 32,1%, среди почетных граждан и купцов - 14%, мещан и цеховых - 17,5%, среди крестьян - 79,9%.

Ситуация усугублялась также и тем, что школы рассматривались властями как важнейший инструмент обрусения края, где, как признавал в секретном отчете гр. Муравьев "сами русские не считают себя русскими". Историкографическая концепция учебников и пособий (Г. Киприановича, А. Турцевича и пр.) изображала белорусов ветвью триединого русского народа, "русским племенем", завоеванным сначала Литвой, затем Польшей и, наконец, спасенным в "гибельном море полонизма и латинства мессианской рукой православного царя". Причем, вопреки распространенным в нашей исторической литературе мнениям, вытравлять название "белорус" власти вовсе не собирались. Название это в качестве синонима "западно-русса" циркулирует и в учебных изданиях, и в явно черносотенных публикациях. Напротив, задача была в том, чтобы опираясь на корнесловие этнонимов, формировать белорусское самосознание как местную конкретизацию самосознания русского. Белорусскому языку при этом места в школе не было. Официальный журнал Виленского учебного округа в 1907 г. отмечал, что учить белорусов по-белорусски невозможно, ибо "белорусской грамотности почти не существует".

Однако и при данном характере образования сеть средних школ в Беларуси пополнялась очень медленно. Умножения частных школ царизм не допускал, ибо не хотел "выпускать из рук воспитание высших сословий", а на казенные не хватало средств. Заметно увеличилось число гимназий и реальных училищ после 1905-07 гг., но

и тогда в учебных заведениях, дающих образовательный ценз для поступления в вузы, занималось только 6% всех учащихся в Беларуси. Это почти в 2 раза ниже среднего показателя по Европейской России.

Не лучшим образом обстояли дела с учительскими семинариями и институтами, готовившими педагогические кадры для начальной школы. Достаточно сказать, что в 1911 г. из 10965 учителей начальной школы Виленского учебного округа только 2190 (20,7%) окончили учительские семинарии и институты, 1141 (10,8%) - гимназии, 1154 (10,9%) - духовные семинарии, а 6134, т.е. 57% имели низшее и домашнее образование.

Власти опасались раскрепощения Беларуси, ее национально-культурного возрастания как фактора, отрицающего Империю. Прогноз И. Корнилова, написавшего еще в конце 60-х гг., что Беларусь никогда не будет настолько сильна, чтобы ей пришлось в голову помогать самостоятельности, сделав для правительства своеобразным политическим заданием. Царизм не желал видеть в Беларуси никаких форм общественного развития в противовес государственному, никаких ослаблений этактизма, ничего, что ускользало бы из-под его контроля: ни земств, ни университетской "вольницы". Виленский учебный округ в начале нынешнего века оставался единственным из учебных округов Европейской России, в котором не было вуза. Поэтому выпускники средней школы для продолжения образования вынуждены были уезжать из Беларуси. Ежегодно из края убывало примерно 70% выпускников гимназий и реальных училищ. Возвращались ли они, став специалистами? Можно только предположить, что ввиду отсутствия в Беларуси крупных культурных центров, земств, высшей школы, емкого рынка квалифицированного инженерного труда, значительная часть образованной белорусской молодежи оседала в столицах, передовых индустриальных регионах.

В общем итоге, на рубеже веков среди интеллигенции массовых профессий белорусов было приблизительно 17-18%.

Важным фактором становления национального сознания интеллигенции стали результаты исследований в области истории, этнографии и лингвистики (А. Киркора, М. Довнар-Запольского, Е. Карского и др.), которые свидетельствовали о том, что белорусы являются самостоятельным славянским этносом. Тем самым опровергались утверждения российских и польских великодержавников о

бесперспективности развития белорусского языка и культуры и подготавливалась почва для идей национального возрождения, ставшим знаменем "Нашей Нивы".

"Нашенивство" представляло собой важнейший момент саморазвития в процессе формирования национальной белорусской интеллигенции, о котором, перефразируя И. Миллера, можно сказать: интеллигенция формируется и формирует себя.

К. М. Б о н д а р е н к о
(Могилёв)

*Буржуазные и помещичьи партии России
на территории Беларуси в 1905-1917 гг.*

Революционные события 1905-1907 гг. ускорили политическую дифференциацию российского общества и ознаменовались возникновением крупнейших политических партий буржуазии и помещиков.

История национальных общественно-политических движений того времени, в том числе и белорусских, в определённой мере нашла своё отражение в трудах национальных русских и, отчасти, западных исследователей. В исторической литературе получили освещение и проблемы, связанные с деятельностью на территории западных губерний партий социалистической ориентации - социал-демократов и эсеров. Меньше внимания в советской историографии уделялось деятельности в Беларуси крупнейших российских буржуазных и помещичьих партий. Это объяснялось низкой конъюнктурностью данных вопросов, а также отсутствием, по известным причинам, достаточного количества архивных материалов. Поэтому имеющиеся сведения о деятельности этих партий на территории Белоруссии носят фрагментарный характер, что не позволяет исследователям воссоздать целостную картину сложнейших политических процессов, происходивших в годы трёх российских революций.

Вместе с тем, анализ имеющейся научной литературы и доступных источников позволяет сделать вывод, что в рассматриваемый период российские буржуазные и помещичьи партии вели активную политическую работу среди различных социальных слоёв белорусско-

го населения городов и сельской местности. Так, например, наиболее крупная буржуазно-консервативная партия "Союз 17 октября" в 1905-1906 гг. имела значительные организации в Минской и Гродненской губерниях, в которых насчитывалось соответственно 100 и 158 членов. Сторонники октябристов были в Витебской и Могилёвской губерниях. Эта партия была представлена в основном предпринимателями и дворянами-помещиками, причём, в большинстве своём, польского происхождения. Среди средних и низших слоёв населения октябристы серьёзным влиянием не пользовались. К 1917 году "Союз 17 октября" фактически свернул свою деятельность, а бывшие его члены пополнили Партию народной свободы или вошли во вновь образованную Либерально-демократическую партию.

Главная либеральная партия российской буржуазии - кадеты пользовалась более широким влиянием. Её организации были созданы во всех губерниях тогдашнего Западного края, к которому относились и белорусские земли. В Минске и Могилёве действовали губернские, в Витебске, Пинске и Белостоке - городские, в Гродно, Малятичах и Снержнополе - уездные комитеты конституционно-демократической партии. К 1917 г. кадетские организации активизировали свою работу на территории Белоруссии в связи с тем, что её восточная часть оказалась в прифронтовой полосе. Довольно крупные ответвления кадетской партии появляются и в сельской местности. В частности, на территории нынешнего Городокского района Витебской области весной 1917 г. насчитывалось более 200 членов партии, в Горечком районе Могилёвской области - более 150 и т. д. Кадеты издавали ряд губернских газет. Среди них особенно выделялись "Голос провинции" (Минск), "Могилёвский голос", а с 1917 г. "Эхо" (Могилёв), повсеместно распространялась газета "Речь", орган ЦК Партии народной свободы. ЦК Партии народной свободы.

Социальный состав кадетских организаций в Белоруссии отличался крайней неоднородностью, включая в себя не только дворян и крупных буржуа, но и крестьян. Однако следует отметить, что программные положения кадетов по национальному и аграрному вопросам, остававшиеся без изменений на протяжении всего рассматриваемого периода, отрицательно сказывались на их авторитете среди широких слоёв белорусского населения. На выборах в Учредительное собрание по всем четырём избирательным округам Белоруссии и За-

падного фронта кадеты набрали всего около 3% голосов.

Особое внимание белорусским губерниям уделяли монархические партии. Это объяснялось, с одной стороны, преобладанием в данном регионе крестьянского населения, а с другой тем, что белорусские земли входили в черту еврейской оседлости и являлись объектом исключительной "заботы" черносотенцев. Не случайно наиболее крупные отделы и подотделы монархических партий возникли в Витебской, Минской губерниях, при этом их деятельность распространялась и на сельскую местность. Количество сельских подотделов доходило в одной губернии до 10 и более. Численность монархических организаций в Минской и других губерниях нередко составляла несколько тысяч человек. С 1907 г. политическая активность помещичьих партий заметно падает, и к 1917 г. они практически прекращают свою деятельность. Исключением, пожалуй, является Всероссийский союз земельных собственников, за который на выборах в Учредительное собрание голосовали члены Витебской монархической организации "Земельные собственники и старообрядцы", Минской - "Землевладельцы" и Могилёвского "Союза земельных собственников".

В заключение необходимо подчеркнуть, что великодержавная и монархическая направленность помещичье-буржуазных партий России сдерживала рост национального самосознания и политической активности белорусского народа, ослабляла его борьбу за национальные интересы и социальный прогресс.

М. М. Забаўскі
(Мінск)

Дзяржаўная Дума ў палітычным жыцці Беларусі

Дзяржаўная дума ў Расіі (1906-1917гг.) - прадстаўнічая заканадаўчая ўстанова з абмежаванымі правамі, створаная царызмам пад націскам рэвалюцыі 1905-1907 гг. Пры дапамозе Думы ўрад разлічваў папярэдзіць новы магчымы выбух рэвалюцыі і вырашыць галоўныя пытанні грамадска-палітычнага жыцця краіны: аграрнае, нацыянальнае, рабочае і інш., захоўваючы непакісным памешчыцкае землеўладанне і дапускаючы да ўлады вярхі гандлёва-прамысловай

буржуазіі.

Палажэнне аб выбарах было надрукавана 11 снежня 1905 г. На выбарах поўная перавага была забяспечана памешчыкам і буйной буржуазіі. Адзінай легальнай партыяй, якая выступала на выбарах з апазіцыйнымі заявамі ў адносінах да ўрада і так як левыя партыі ў гэты час знаходзіліся ў падполлі, то ўсе незадаволеныя царызмам галасавалі за кадэтаў, супраць правых. У выніку, з 36 дэпутатаў ад Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай і Магілёўскай губерній (5 заходніх губерняў) 10 належалі партыі кадэтаў. З агульнага ліку дэпутатаў памешчыкаў было 10 (28%), ксяндзоў 2 (5,4%), чыноўнікаў 11 (30,5%), сялян 13 (36,1%).

Дзяржаўная Дума пачала сваю работу 27 красавіка 1906 г. Цэнтральным пытаннем у Думе было аграрнае. Кадэты вынеслі свой аграрны законапраэкт землекарыстання за лік казённых і царкоўных зямель, частковага адчужэння памешчыцкіх зямель з узагароджаннем уладальнікаў "по справедливой оценке". Ва ўмовах абвастрэння пазадумскай барацьбы класаў царскі ўрад палічыў неабходным распусціць Думу, лічачы, што думскія дэбаты, асабліва па аграрнаму пытанню аказваюць рэвалюцыянізуючае ўздзеянне, асабліва на сялян. Указам ад 8 ліпеня 1906 г. Урад выступіў з заявай, у якой катэгарычна выказаўся за недатыкальнасць памешчыцкай уласнасці на зямлю.

II Дзяржаўная Дума (20 лютага - 24 чэрвеня 1907 г.; адна сесія). Новыя выбары, як і ў I Думу павінны былі праводзіцца на аснове антыдэмакратычнага закона 11 снежня 1905 г., пазбаўляўшага выбарчых правоў больш паловы насельніцтва краіны. У выніку актыўнай дапамогі царквы і паліцыі перамога ў выбарчай кампаніі дасталася правым і акцыябрыстам. Усяго ў II Думе ад 5 зах губ. былі выбраны 13 памешчыкаў, 3 прадстаўнікі духавенства, 4 інтэлігенты і 16 сялян. Памешчыкі і буржуазія атрымалі 56% дэпутацкіх месц, сяляне - 44%. У Думе кадэты павярнулі управа.

Трудавікі і сяляне займалі тую ж пазіцыю, што і ў I Думе. У сваіх палымяных прамовах яны заяўлялі аб адданасці "цару-бацюшкі", але калі паўставала пытанне аб зямлі, патрабавалі адчужэння яе ў памешчыкаў і перадачы у рукі сялян. II Дума была асуджана.

III Дзяржаўная Дума (1 лістапада 1907 - 9 чэрвеня 1912; 5 сесій). З чэрвеня ўрад надрукаваў маніфест аб роспуску II Думы і змяненні палажэння аб выбарах. Царызм, такім чынам, здзейсніў

дзяржаўны пераварот, які адзначаў паражэнне рэвалюцыі 1905-1907 гг. У другой палове 1907 г. адносіны да выбарчай кампаніі ў III Думу былі ў цэнтры ўвагі ўсіх палітычных сіл і партый. Урадавым партыям, выкарыстоўваючы папраўкі да новага выбарчага закону ў дачыненні да заходніх губерняў, розныя махінацыі мясцовай адміністрацыі, удалося правесці ў Думу 80,5% сваіх дэпутатаў, у той час як па Расіі ў цэлым 61,1%. Гэты факт дазваляе зрабіць выснову, што палітыка царызму ў заходніх губернях адрознівалася крайняй рэакцыйнасцю, а уплыў крайніх правых партый на палітычнае жыццё быў больш значным, чым у цэлым па Расіі. Галоўнымі пытаннямі ў III Думе былі аграрнае і нацыянальнае. 14 чэрвеня 1910 г. стаў законам прыняты Думай Указ 9 лістапада 1906 г. (аб пераходзе абшчыннага сялянскага землекарыстання да ўласнага). Па сутнасці гэта была самая буйная рэформа, якую ажыццявіла III Дума. У III Думе яскрава праявілася шавіністычная палітыка царызма. 7 кастрычніка 1910 г. дэпутаты прыступілі да разгляду "Палажэння аб пачатковых вучылішчах". Прымяненне рускай мовы ў школах імперыі, задачы пачатковага навучання былі галоўнымі пунктамі пры яго абмеркаванні.

IV Дзяржаўная Дума (15 лістапада 1912 - 6(19) кастрычніка 1917 г., 5 сесій). У Думе 21 дэпутат ад заходніх губерняў далучыўся да фракцыі цэнтра, 1 - да акцыябрыстаў. Польскія памешчыкі і прадстаўнікі каталіцкага духавенства ад Віленскай губ., як і ў III Думе стварылі Беларуска-Літоўска-Польскую групу. Правыя патрабавалі ад урада ўзмацнення курса рэпрэсій. У гэтым яны бачылі выхад з тупіка, магчымаць пакончыць з адсталасцю і галечай "рускага племя". Далей, як і ў трэцячэрвеньскі перыяд, ішлі патрабаванні утаймаваць "іншародцаў" і "інаверцаў".

З пачаткам 1-й сусветнай вайны сесіі склікаліся нерэгулярна, заканадаўства ажыццяўлялася ўрадам. IV Дума была распущана 16 снежня 1916 г., канчаткова ліквідавана ў лістападзе 1917 г.

И. В. Шардыко
(Минск)

Политика кадетов в Белоруссии в 1917 году

К изучению деятельности кадетской партии в послефевральский период 1917 г. всё чаще обращаются историки, политики, публицисты. Опыт кадетов, стремившихся к мирному ненасильственному преобразованию общества, несомненно, привлекает внимание исследователей. Поиск политического компромисса, присущий кадетской партии в 1917 г., сегодня уже не трактуется как "иллюзорный и контрреволюционный", направленный на сдерживание революции. Признается, что кадетская программа эволюционного развития общества не только имела право на существование, но и являлась альтернативой революции.

Между тем в исторической литературе, посвящённой кадетской партии, до сих пор не всегда верно оцениваются её политические возможности. Ссылки на то, что партия кадетов "не представляла собой активной политической силы", её отличали "склонность к фразе и политическое бессилие", что и после Февральской революции у кадетов "не хватало решимости идти в своей политической игре до конца", не соответствуют действительности. Партия кадетов, защищая политику Временного правительства, опиралась на достаточно мощные социальные силы российского общества -- буржуазные слои населения. Однако это не означало, что она не искала социальной опоры у интеллигенции, зажиточной части крестьян, чиновников, офицеров. Её политика поиска соглашений и компромиссов, утверждения классового мира во имя прогресса и быстрого буржуазного развития России находила поддержку и сочувствие среди этих социальных слоёв. Они поддерживали избранный кадетами реформистский мирный путь общественного преобразования России. Это и дало ей возможность после победы Февральской революции организационно и идейно сплотить свои ряды на платформе либерализма, расширить состав своих организаций на местах, в том числе и в национальных регионах страны. К лету 1917 г. партия кадетов объединяла до 100 тыс. членов.

По мере развития революции стремительно росла численность

кадетских организаций и в Белоруссии. Как сообщал "Вестник партии народной свободы", их насчитывалось: на 25 мая 1917 г. -- 7, на 22 июня -- 10, на 20 июля -- 13, на 31 августа -- 18. К концу осени 1917 г. в Белоруссии существовало уже более 30 кадетских организаций. Они активно действовали в Минске, Витебске, Могилёве, а также в 18 уездных городах и населённых пунктах. (При подсчёте использован материал "Вестника партии Народной свободы за 1917 год, а также подготовленные ЦК партии кадетов "Примерные маршруты для командировок в провинции" -- ЦГАОР России. Ф. 579. Оп. 1. Д. 809а. Л. 1, 2).

Наиболее крупные кадетские организации в Белоруссии возникли в провинции. Так, Горецкий уездный отдел партии Народной свободы насчитывал свыше 150 человек. Городокский и Невельский партийные отделы объединяли в своих рядах соответственно 200 и 600 членов партии.

Возникновение разветвлённой сети кадетских организаций в Белоруссии обусловлено многими причинами. В частности, на процесс быстрого роста кадетских рядов повлияло то обстоятельство, что белорусские губернии оказались театром военных действий: в Минске, Могилёве, Гомеле, Орше, Бобруйске и др. городах были размещены крупные военные и полувойсковые учреждения (Ставка, Штаб Западного фронта, союзы земств и городов, армейские штабы и пр.). Многие члены этих организаций разделяли идеи кадетов. Естественно, руководство кадетской партии стремилось организовать их и повести за собой. В августе 1917 г. в Белоруссии и на Западном фронте кадеты были объединены в единую организацию, деятельность которой направлял кадетский краевой центр.

Важным фактором было то, что кадеты, фактически превратившись с марта 1917 г. в правящую партию, стали притяжением всех реформистски настроенных сил, которые стремились закрепить в обществе правовые либерально-демократические основы, рождённые революцией.

Главной тенденцией развития кадетских организаций в Белоруссии в 1917 г. было то, что чем дальше шла революция, тем быстрее часть из них эволюционировала в сторону белорусского либерализма. Происходила своего рода перекачка кадетских сил в национальные партии либеральной ориентации. Свообразным национальным филиалом кадетов являлась Белорусская партия народных

социалистов (ВННС). Её политические и социально-экономические программные установки мало чем отличались от кадетских. Под флагом конституционно-демократической партии в Белоруссии выступали и многие сионистские организации. В белорусских губерниях кадеты стремились выступать как самостоятельная политическая сила. Они перенесли свою деятельность в национальные группы белорусских, польских и еврейских организаций либеральной направленности. Эти организации придерживались принципиальных положений программы кадетской партии. В аграрном вопросе, например, выступали за сохранение частной собственности помещиков на землю. Одновременно они допускали возможность расширения крестьянского землепользования за счёт отчуждения монастырских, церковных, кабинетских, государственных и части частновладельческих земель. В национальном вопросе организации кадетской ориентации, за исключением ВННС, которая отстаивала идею национальной автономии, требовали предоставления Западной области территориально-административной самостоятельности в границах Российской демократической республики. Они не отрицали идею культурно-национальной автономии. Программные установки белорусских политических организаций кадетской ориентации не выходили за рамки общедемократических преобразований.

Всё это существенно повлияло на расширение социальной базы белорусских политических организаций кадетской ориентации. Здесь кадетские ряды пополнились не только из привычных для них социальных слоёв (либеральной буржуазии, обуржуазившихся помещиков, буржуазной интеллигенции, городского чиновничества и мещанства), но и из других демократических слоёв населения, прежде всего крестьян. Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшую поддержку имели кадеты в областях, где широкое развитие получила и хуторская система землепользования.

Выступая за решение Всероссийским Учредительным собранием всех социально-политических вопросов, выдвинутых революцией, кадеты не смогли выдержать конкуренции с радикальными революционными партиями -- большевиками и левыми эсерами. Ломпенизация широких слоёв трудового населения не способствовала реализации их реформистской политики. Она и привела кадетов к изоляции. Поражение кадетской партии было предопределено радикализмом народных масс, которые не приняли демократическую программу кадетов по

переустройству общества. После победы Октябрьской революции деятельность партии кадетов была запрещена органами Советской власти. 28 ноября 1917 г. СНК РСФСР объявил кадетов партией врагов народа и постановил арестовать её лидеров. Такие же меры были приняты против кадетов и в Белоруссии. В результате силового давления большевиков кадетские организации прекратили своё существование.

Т. Л. Пухова
(Минск)

Новые подходы в освещении истории Февраля 1917 года

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 положила конец многовековой истории русской и российской монархии и открыла для России путь демократического развития. История Февраля сложна, уникальна и противоречива. Также неоднозначны и оценки этого великого события. Актуальность исследования истории второй русской революции не утрачивается, а, наоборот, возрастает. Возрастает хотя бы потому, что наше общество снова переживает переходный период, закономерности которого так или иначе сходны с событиями 1917г. Сходство происходящего состоит в неустойчивости состояния общества, в противостоянии политических сил, в расслоении социальных интересов. Это требует нового концептуального подхода к истории Февраля.

Канонизированный, вульгарно-марксистский взгляд на Февральскую революцию 1917г., долгие годы преобладавший в исторической науке, не отражает подлинности происходящих событий. "Краткокурсные" стереотипы, согласно которым абсолютизировалась роль партии большевиков в подготовке свержения царизма, преувеличивались элементы сознательности и организованности народных масс, деформировали оценку Февраля 1917г. как революции народной. По мнению д. и. н. Г. З. Иоффе, это - мифологизированная история, т. к. все эти концепции пронизаны политическими интересами лагерей и партий. Авангардная роль пролетариата в революционных боях не означает такую же роль большевистской партии. Решающего значения

в исходе Февральской революции, в решении вопроса о власти, руководство партии не сыграло.

Чтобы определить подлинные исторические события, необходимо отказаться от методологического подхода, как своего рода идеологической отмычки, некоего универсального ключа, а руководствоваться только анализом конкретных фактов. Этому способствует создание новой источниковой и историографической базы (доступность ранее закрытых архивных фондов, опубликование на русском языке работ С. Козна, А. Рабиновича, Карра и др., переиздание воспоминаний очевидцев событий Ф. Раскольников, Шляпникова и других).

Нужны новые нетрадиционные подходы и оценки расстановки политических сил в этот период, стратегии и тактики различных партий и их программ (недооценка большевиками парламентской (советской) деятельности, "левого блока", складывавшейся в Советах многопартийности; неумение большевиков в должной степени использовать Советы, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, кооперативы для консолидации сил демократии; необъективный анализ меньшевиками и эсерами экономической основы, предпосылок и закономерностей социальных переворотов, что привело их к неверной оценке Февральской буржуазно-демократической революции и другие).

Г. Л. Ц в ы р о в
(Минск)

*Тактика политических партий в период
выборов во Всероссийское Учредительное собрание
(на материалах Беларуси и Западного фронта)*

Основными политическими партиями, которые в Белоруссии и на Западном фронте приняли участие в выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. были партия Народной свободы (кадеты), РСДРП объединённая (меньшевики), партия социал-революционеров (эсеры) и РСДРП(эсеры) и РСДРП(б).

Кадеты, меньшевики и эсеры выступили как партии антибольше-

вистской оппозиции, которая в качестве основной политической цели добивалась законодательного признания неконституционности октябрьского государственного переворота, совершенного большевиками. Именно Учредительному собранию эти партии отводили роль единственного законного органа власти, имеющего право решить судьбу страны.

Несмотря на общую антибольшевицкую платформу, партии оппозиции действовали самостоятельно, не блокируясь друг с другом. Местные организации политических партий в Белоруссии и на Западном фронте, руководствуясь установками своих центральных органов, вели контрагитацию не только против большевиков, но и против друг друга. Так, меньшевицкая платформа призывала к борьбе против "бунтарских и разлагающих организованную демократию устремлений большевиков" и, одновременно против "утопического социализма эсеров" (см. Фронт. 1917. 29 сентября). Кадеты в своих обращениях призывали голосовать против как большевиков, которые "братаются с немцами, громят и убивают русских братьев", так и социалистических партий, которые "развалили русскую армию, разрушили всякую власть, создали многовластие и безвластие" (см. Минская жизнь. 1917. 21 октября).

Предвыборные программы всех партий были похожи одна на другую своей декларативностью и набором обещаний. Положения о необходимости решить главные проблемы страны - заключение мира, земельный вопрос и т. п. включали в себя платформы эсеров, меньшевиков и большевиков. Кадетская программа призывала к объединению всех сил, независимо от классовой принадлежности, на принципах свободы и государственного порядка, единства прав и обязанностей граждан для братского мира и обороны Родины от врага, справедливого наделения крестьян землей без захватов, погромов и разбоев. Но, раздавая свои обещания, ни одна из партий не говорила о механизме их реализации.

Декларативность программ снизила популярность соперников большевиков, которые благодаря своему положению оппозиционной партии до октябрьского переворота, пр влекали к себе всё большее и большее внимание. Благоприятным для большевиков было то, что их политические противники входили в правительственную коалицию, которая не смогла выполнить свои обещания. Большевики, оставаясь в оппозиции, критикуя непоследовательность и нерешительность Ере-

менного правительства, подвергаясь с его стороны репрессиям, постепенно набирали политический вес. Достаточно результативными для большевиков по усилению своего влияния на фронте стали пере- выборы Советов и комитетов в Белоруссии и на Западном фронте, организованные с начала октября 1917 г. по призыву 1-й Северо-Западной областной конференции РСДРП(б). В итоге большевизации комитетов была разрушена отлаженная система связи этих партий через комитеты с воинскими частями, локализована их агитация на фронте. Большевизированные комитеты установили контроль на телеграфах и радиостанциях, службах связи. Просматривались все телеграммы, сообщения, корреспонденция и литература. Задерживались и не поступали в войска материалы противников большевиков, заподозренные в антибольшевизме арестовывались. За антибольшевистскую деятельность постановлениями ВРК фронта был закрыт ряд газет других партий, среди них 27 октября был запрещён выпуск "Минской жизни" и "Гсмельской жизни", 8 ноября "Минской жизни".

В создавшихся условиях партии оппозиции построили контрагитацию на обвинениях в насильственном захвате большевиками государственной власти, расколе демократических сил, предательстве дела революции. Одновременно оппозиционные партии предупреждали солдат о подготовке большевиками разгона Учредительного собрания. Однако, эти обвинения были нейтрализованы практическими действиями большевиков. На фронте были распространены первые декреты СНК о мире и земле. 7 ноября 1917 г. приказом по фронту ВРК подтвердил решение о проведении выборов в Учредительное собрание в назначенный срок. Специальной инструкцией ВРК, принятой 12 ноября комитеты частей получили право начать мирные переговоры с немцами на своих участках фронта.

По результатам выборов кадеты получили 1,76% голосов, меньшевики-0,77%, эсеры-19,92%, большевики-66,14% голосов. Главными факторами, определившими большевиков на фронте были - программа, которая в то время не давала оснований оставить ставить под сомнение возможность её реализации и тактика предвыборной борьбы, соединявшая оперативную контрагитацию с мерами принуждения. Решающую роль в поражении оппозиционных партий сыграла безрезультатная политика Временного правительства, в состав которого они входили.

М. Г. Ж а р к о в

*К вопросу о закономерности
Октябрьской революции*

75 лет назад произошла Великая Октябрьская социалистическая революция - уникальное, выдающееся событие мировой истории. Наш народ изгнал помещиков, буржуев, фабрикантов и заводчиков, эксплуатировавших трудовой народ. Началось радикальное обновление всех форм существования человеческого общества, проложена дорога практическому поиску новой системы общественного устройства. Великий Октябрь является главным событием текущего века.

Зарубежными историками написаны библиотеки книг и бесчисленное количество статей, в которых успех Октябрьской революции объясняли и объясняют стечением чисто случайных для России обстоятельств. А в последние годы к этому мощному рупору западных советологов подключились многие отечественные журналы, газеты, радио и телевидение. Открыто отрицается или, в лучшем случае, ставится под сомнение закономерность пролетарской революции в 1917 г. и социалистический выбор, последовавший за ней.

Такая точка зрения вызывает недоумение и огорчение, поскольку не соответствует широко известным фактам. И это лучше всего видно из воспоминаний непримиримых врагов Октябрьской революции - П. Н. Миллюкова, Ф. И. Дана, А. И. Деникина, П. Н. Краснова, А. Ф. Керенского и др. Победа большевиков определилась, конечно, не речами, а реальным соотношением сил. Когда 25-го в столице началось вооруженное восстание, на стороне буржуазного Временного правительства не оказалось по-существу никакой вооруженной силы, не осталось защитников.

Неосновательна версия, объясняющая развитие и победу социалистической революции в России просчетами и ошибками буржуазных и непролетарских партий. Неспособность антиреволюционного лагеря к гибкой, маневренной политике, к принятию кардинальных решений в немалой степени была обусловлена подъемом революционного движения и прежде всего мощными выступлениями пролетариата. Борьба

противоречий в стране дошла до антагонизма. Снизился уровень терпения масс. Нужны были экстренные социальные преобразования, радикальные преобразования, которые бы непременно ущемили интересы господствующих, имущих классов и групп, а этого не могла допустить русская буржуазия. "Ошибки и просчеты" Временного правительства были социально обусловлены. Основная причина кажущейся болезни промедления с необходимыми реформами заключалась в том, что буржуазия и её политические партии, в силу своей классовой природы, не могли осуществить требования народных масс дать им мир, хлеб, землю. Октябрьская революция объективно свидетельствовала, что перемены назрели, стали жизненным требованием большинства классов и населения страны: Партия Ленина оказалась у руля революции потому, что предлагала идеи, направленные на обновление, переустройство общества.

Беспочвенным является тезис о цветущем состоянии царской России, о благоденствии ее жителей. При царском самодержавии хорошо жилось только помещикам, дворянам, попам, капиталистам и банкирам, а уделом большинства населения были лучина и лапти, серп и соха, убогая крестьянская жизнь и тяжелый труд рабочего. Безземелье, малоземелье, низкая урожайность, примитивная агротехника вызывали периодические недороды или полные неурожаи. А неурожаи влекли за собой голод миллионов людей. Весь хлеб, который уходил за границу, поступал исключительно из помещичьих экономий или с полей зажиточной части крестьянства. Массе же крестьянского населения продавать было нечего.

Несмотря на прогресс в экономике, прежде всего в индустрии, отставание России от капиталистической Европы и США сохранялось и даже усиливалось в первое десятилетие XX века. Об этом с тревогой говорили и писали представители делового, политического, научного мира царской империи. А в годы первой мировой войны российская экономика вступила в полосу затяжного и острого кризиса, принявшего формы распада производительных сил, всей хозяйственной системы.

За послереволюционные годы мы сделали скачок от нищеты к прогрессу, культуре и просвещению, стали великой индустриальной державой. Народ трудился с невиданным энтузиазмом, с огромной верой в свое светлое будущее, страна развивалась такими темпами, которые удивляли весь мир. И едва ли нужно пояснять, что необхо-

димо отличать существенные проявления социализма от его деформаций и что неправильно изображать социализм как неэффективный экономический строй. Напротив, социализм более высокая степень организации общества, нежели капитализм.

Никогда и никому не удастся опровергнуть тот исторический факт, что в 1917 г. именно рабочие и крестьяне совершили великую революцию, создали социалистическое государство, открыли новую славную страницу в истории человечества.

Л. П. Ждановская
(Минск)

Ленинская концепция общественно-политического контроля

После победы октябрьского вооружённого восстания, в ходе социалистического строительства в стране резко обозначились негативные явления, характеризующие общественно-политическую ситуацию. Бюрократизация управленческого аппарата во всех его звеньях сверху донизу приобрела повсеместный характер. Принцип "вождизма", лежавший в основе государственного управления, породил целую систему культов и культиков. Мистификация власти, безмерная любовь к вождям различных рангов и должностей становилась характерной особенностью социалистического массового сознания.

Сдержать процессы тотальной бюрократизации, не дать им развиться, был призван, по мысли Ленина, общественно-политический контроль, искусственно интегрированный во все сферы политической системы страны, как регуляционный механизм, способный компенсировать отсутствие демократических традиций и институтов. Будучи глубоко убеждённым в действительности и жизнеспособности контроля в условиях однопартийной системы, Ленин не видел необходимости в создании иных параллельных демократических структур, независимых от партии. Реальная же попытка самой партии искусственно культивировать демократические традиции в партийно-государственной системе посредством массового контроля была ничем иным, как общественно-политическим нонсенсом, нарушением естественно-логического хода развития демократических процессов.

Новый привилегированный класс советской бюрократии, возникший вследствие жесткой централизации власти, основанной на принципе "вождизма", питало и обеспечивало его воспроизводство прежде всего отсутствие профессионализма во всех сферах жизнедеятельности общества. Человеческие отношения строились не на универсальных ценностях, проистекающих из нравственной очевидности и направленных на нравственное совершенствование через совершенствование профессиональное, а, как сказал бы Н. Бердяев, на "принудительном единстве мысли", общей для всех идеологической парадигме, включающей в себя целую систему языковых символов, строго определённых ритуальных атрибутов, которыми члены общества владели в совершенстве.

Разрабатывая концепцию общественно-политического контроля, определяя его функции, Ленин не ставил и не мог ставить во главу угла проблему профессионального совершенствования. Для контролёров главным было то, что они "ничего не возьмут на веру", чтобы контролёров было как можно больше, чтоб от контроля "никуда нельзя было деться". В стране формировалась особая бюрократическая структура, включавшая в себя контролёров-общественников, не обладавших достаточными навыками труда в тех или иных профессиональных сферах, но проверявших других людей. Профессионализм как категория глубоко личностная, индивидуальная, в свою очередь, не терпит над собой никакой общественной нивелировки, не может быть втиснут в "прокрустово ложе" общественной целесообразности. Он обладает внутренней потенцией к самовоспроизводству и самосовершенствованию, основной на естественном образом сложившейся конкуренции индивидов, на их нравственной культуре. Трагедия нашего революционного бытия состояла в том, что общественник - контролёр возвысился над мастером-профессионалом и постепенно вытеснил его.

Для дальнейшего продвижения вперед по пути строительства коммунизма необходима была новая мотивация труда, скрепляющий символ. В качестве такового была выработана идеологема доблестного труда как социального служения. Нужен был новый человек: энтузиаст, коллективист. Пропуская через себя огромные массы людей, контроль создавал такого человека. Иллюзия всеобщего равенства, приобщения к великому коммунистическому самоуправлению способствовала перековке мышления, появлялся новый социальный

тип. В то же время контрольная система, как аппарат общественно-го принуждения должна была, по мысли Ленина, приучать людей соблюдать нормы коллективистской морали и коллективного общежития. Контроль был призван воспитать человека - строителя коммунизма - и тем самым выполнить социальный заказ системы. Постепенно разрушая профессиональное мастерство, контроль воспроизводил бюрократическую систему, обеспечивал ее жизнедеятельность.

В очерченном выше контексте обозначены далеко не все вопросы, связанные с облемой общественно-политического контроля. Так, в частности, всестороннего изучения и осмысления требует феномен массовости контроля, механизм контрольной деятельности. Решение этих задач должно исходить из признания того факта, что контроль стоял у истоков тоталитаризма, формировал соответствующий ему политический облик страны, способствовал складыванию бюрократической государственной системы.

А. А. Р у б а н
(Гомель)

*Современный подход к проблеме голода
на Украине (1932-1933 гг.)*

Большое внимание как отечественных, так и зарубежных историков привлекает проблема голода на Украине в начале 30-х годов [1]. Это связано с тем, что длительное время эта тема замалчивалась и только теперь начинает выходить на уровень специальных исследований.

Говоря о причинах голода, некоторые авторы видят ее, прежде всего, в сплошной коллективизации и массовом создании колхозов. Другие считают, что голод на Украине - это расправа Сталина над крестьянами, которые не приняли насильственные методы коллективизации. Отсюда делается вывод, что голод был искусственным, тщательно спланированным и проведенным властями для экономического разорения всего крестьянства и его физического уничтожения.

Есть мнение, которое заключается в том, что нужно выяснить особенности социально-экономической политики тогдашнего прави-

тельства на селе по стране в целом. Ведь голод был не только на Украине, а и на Северном Кавказе, в Средней Азии, Сибири и других районах СССР. И среди главных причин этой трагедии выделяется, прежде всего, применение продразверстки и ее неправильное использование.

В последнее время, говоря о трагедии украинского народа, исследователи стремятся показать в своих публикациях не только причины, но и организаторов и главных виновников: Сталина, Молотова, Кагановича, Постышева и других деятелей партии и государства. Это на их совести лежит доведение украинского народа к невиданному голоду, к страху перед постоянными пытками и репрессиями. Особенно обращается внимание на то, что Сталин и его соратники имели относительно Украины особую позицию. И не только потому, что республике принадлежало важное место в экономике страны, но и потому, что народ Украины, ее интеллигенция, несли в себе такие демократические и свободолюбивые традиции, которые представляли определенную угрозу всей системе сталинизма с ее авторитарностью, тоталитарностью, гипертрофированным классовым подходом к жизни общества, абсолютным неуважением к личности. Может поэтому на Украине раньше, чем в других регионах Советского Союза, началось насаждение командно-административной системы, деклассирование крестьянства, сведение рабочего класса (под лозунгом преобразования его в авангард общества) к уровню "государственных трудовых ресурсов" с фактическим лишением прав на управление страной и производством, уничтожение украинской интеллигенции. все это происходило в "национальном разрезе": насилие и репрессии, разжигание на Украине атмосферы ненависти и доноительства осуществлялись под предлогом борьбы против "украинского буржуазного национализма".

Воспользовавшись открытыми в конце 1989 г. материалами советской демографической статистики, исследователи попытались определить максимум и минимум потерь украинского населения от голода 1933 г. Они пришли к выводу, что все известные человечеству случаи геноцида нельзя сравнить с тем, что произошло в Украинской ССР в начале 30-х годов.

Историк С. В. Кульчицкий считает, что семимиллионная цифра жертв голода на Украине, которая часто фигурировала в публикациях, не подтверждается документально. Минимальная оценка прямых

демографических потерь, которую можно составить на основе двух довоенных переписей и материалов текущего учета населения, составляет 4,6 млн., а с учетом неродившихся - около 6 млн. человек. Эти цифры опираются на государственную статистику, которую власти на протяжении длительного времени тщательно прятали от исследователя. Голод 1933 г. - самое страшное преступление среди многочисленных преступлений сталинщины.

М. С. К о р з у н
(Минск)

Приходы Русской православной церкви (1946-1988)

В публицистике и богословской литературе перестроечного периода наметилась тенденция выделять церковь и религию как наиболее пострадавших за годы Советской власти. Репрессиями объясняется разорение храмов, снятие с регистрации религиозных общин. Подход верен, но односторонен. Он не учитывает объективные причины, прежде всего индустриализацию страны и урбанизацию населения.

Совет по делам религий, представители церкви, авторы атеистической литературы опубликовали следующие цифры приходов в разные годы: 1940-1941 гг. -- 10000, 1946 г. -- 14382, 1953 г. -- 15000, 1962 г. -- 10200, 1966 г., -- 7436, 1973 г. -- 7167, 1984 г. -- 8500, 1986 г. -- 6794, 1988 г. -- 6800-6893.

В. И. Гараджа считает, что с 1950 г. в течение пятнадцати лет ежегодно закрывали до 420 приходов, с 1975 по 1987 гг. -- по 22. Представители церкви начало уменьшения церковных приходов относят к концу 50-х -- началу 60-х гг.

Белорусская епархия в 1930 г. насчитывала 1013 приходов, в 1931 г. -- 440, в 1946 г. -- 654, в 1959 г. -- 900, в 1971 г. -- 378, в 1988 г. -- 399. Есть данные о большом сокращении приходов Русской православной церкви во Львовской области.

Противоречивым оказался процесс нормализации отношений государства и церкви в начале перестройки. В 1988 г. Совет по делам религий отклонил как необоснованные 83 отказа местных влас-

тей регистрировать различные религиозные общества.

В 1964-1984 гг. сохранялась дореволюционная тенденция численного преимущества сельских приходов над городскими, соответственно составляя 83 и 75 процентов. С соотношением сельского и городского населения произошло обратное. В 1913 г. сельчан было 82%, в 1988 г. -- 36,6%. Процесс урбанизации -- следствие социально-экономических преобразований, ускорившихся после 1861 г. и особенно после Октябрьской революции. Он определил сокращение приходов, концентрацию учащихся в городских школах.

Хронологически совпадающие изменения в численности сельских поселений, школ и приходов отразили закономерность. В течение 1959-1970 г. в одной России сельских пунктов стало на 136 тыс. меньше. Ежегодно деревень становилось меньше на 13600, а приходов -- на 420. Соотношение между ними составляет 32:1. Наибольшее количество школ в СССР (224 тыс.) было в 1960-1961 г. Во время нового административного наступления на религию к 1965-1966 г. школ стало на 100 тыс. меньше, а в 1987-1988 г. их численность почти приблизилась к дореволюционной (соответственно, 135 и 124 тыс.). За 27 лет число школ сократилось на 79 тыс. "Гонение" против школы превзошло масштабы антицерковного более чем в семь раз. 2900 школ закрывалось ежегодно. Но полное представление о беде дает состояние имеющихся школ. По данным, приведенным на февральском пленуме ЦК КПСС, 21% учащихся СССР обучалось в 1988 г. в зданиях, не имевших центрального отопления, 30% -- водопровода, 40% -- канализации.

Все сферы общественной жизни тесно связаны между собой. Нарушения прав верующего отзывались в области светской культуры. В 50-60-х гг. нападки на писателя А. Т. Твардовского и редакцию журнала "Новый мир" закончились ее разгоном. Только в Москве в послевоенное время ликвидировано шесть библиотек, имевших более чем полумиллионные книжные фонды.

Московская патриархия больше заботилась о городских приходах. В 1985 г. на 100 городских церквей приходилось 230 священников, а в сельском храме подчас работал священник-совместитель. В городских храмах проводили ежедневные богослужения, а в сельских -- один-два раза в неделю.

Индустриализация стран и урбанизация населения выражают прогресс общества. Насильственное закрытие церковных приходов

сыграло пагубную роль. Не случайно совпадают насильственная коллективизация и репрессии против церкви, политика ликвидации так называемых неперспективных деревень и административное наступление на церковь. Никакого противостояния в мировоззрении не провозглашалось при решении проблем сельского хозяйства, народного образования, светской культуры, как это имело место в отношении к религии, а отрицательные результаты коснулись их не меньше, чем церкви. Словом, метод кавалерийской атаки ведет к отрицательному результату и в той области, в которой не ожидают. Общество функционирует как целостный организм. В послевоенное время социально-экономические преобразования со всеми достижениями и недостатками определяли положение церкви.

ГІСТОРЫЯ НОВАГА І НАВЕЙШАГА ЧАСУ

Л. А. Лу не в а
(Минск)

Из истории взаимоотношений иерусалимского патриархата с русским правительством (XV - XVIII вв.)

Установление постоянных контактов иерусалимского патриархата с русским правительством восходит к середине XVI в. До этого времени в летописях и других документах встречаются только короткие упоминания об отдельных лицах, которые иногда приходили на Русь из Палестины для сбора пожертвований. По летописным данным, в 1371 г. из Иерусалима на Русь за сбором милостыни приходил митрополит Герман, в 1376 г. митрополит Марко с Синая и архимандрит Нифонт из Иерусалима. Более интенсивные отношения с Россией поддерживались в 60 - 80-х годах XV в. Привлекают внимание отпустительная грамота иерусалимского патриарха Иоакима великому князю Василию Васильевичу и его обращение за помощью к православной России в связи с тем, что греческая, сербская и болгарская земли, из которых ранее шли средства Святому гробу, были порабощены турками. 1480 годом датирован еще один документ - послание патриарха Иоакима московскому митрополиту Геронтию, где он пишет о встрече в Египте с русским купцом Григорием. Пожалуй, этими фактами исчерпывается все то немногое, что дошло до нас о сношениях иерусалимских патриархов с Россией до середины XVI в.

Отсутствие постоянных сношений и их случайный характер объясняется несколькими причинами. Отметим прежде всего то, что, с одной стороны, патриархи арабского происхождения, зависевшие от

египетских султанов, не имели свободы контактов не только с отдаленной и мало им известной Москвой, но и с ближайшими к ним единоверными греками Византийской империи, которые из-за подозрительности египетских правителей почти совсем не являлись на поклонение святым местам. С другой стороны, Россия, то терпевшая иго татар, то раздираемая внутренними усобицами князей, до конца XV в. не представлялась страной удобной для установления прочных контактов.

Положение дел в этом отношении очень изменилось, когда пал "второй Рим" - Константинополь и турки овладели Палестиной. С конца XV в. Россия, избавившись от татарского ига, оставалась единственным православным государством, сохранившим свою национальную независимость. Великий князь Иван III женился на Софье Палеолог и сделался как бы преемником греческих византийских императоров. Московские государи стали с этого времени смотреть на себя как на единственных теперь представителей и защитников всего вселенского православия, в том числе и на Востоке. Именно в эту эпоху был сформулирован тезис: "Москва - третий Рим, а четвертому не бывать".

С конца XV - нач. XVI вв. в Москву начали приезжать с православного Востока просители пожертвований из афонских монастырей и родственной Сербии, из отдаленного Синая и других мест. В Москве всех их принимали очень радушно, наделяли щедро милостыней как лично самих просителей, так и представляемые ими монастыри или архиерейские кафедры. Обратили свои взоры на Москву и иерусалимские патриархи. Первым в этом ряду был патриарх Герман с просьбой помочь средствами Святому Гробу. С аналогичными просьбами обращались его преемники патриархи Феофан и Паисий. Завязавшиеся связи с Москвой давали возможность иерусалимским патриархам опереться на Россию как на крупную политическую силу в освобождении греков от турецкого ига. Патриархи настойчиво разъясняли русским царям, что они должны в удобное время вступить в войну с турками и что Россию поддержат все православные народы. Иерусалимские патриархи постоянно ставили в известность русское правительство о всех неудачах турок. В результате, в XVII в. образовалась очень тесная и прочная связь между патриархатом и русским правительством. Последнее, оказывая духовную и материальную поддержку, руководствовалось не только соображениями чис-

то религиозной благотворительности. Русское правительство считало, что иерусалимские патриархи могут быть очень полезны ему в качестве его тайных политических союзников в пределах Османской империи.

С начала XVIII в. отношения между двумя сторонами изменяются. Русское правительство перестало нуждаться в политических услугах иерусалимских патриархов, а последние перестали видеть в России ту единственную силу, которая готова служить на православном Востоке исключительно греческим национальным интересам. Ослабли, а затем и вовсе прекратились тесные церковные связи. Если в XVII в. русская церковь вынуждена была обращаться за помощью к более образованным греческим иерархам, то в XVIII в. в этом отпала необходимость. В России появилась заметная прослойка высокообразованных иерархов, что делало ненужным греческое вмешательство в русские церковные дела. Оставалось только одно звено - пожертвования Святому Гробу. Но и здесь произошли некоторые перемены. Со второй половины XVIII в. иерусалимские патриархи обращались за помощью не к правительству, а к святейшему Синоду.

Ю. Е. И в о н и н
(Запорожье)

И. Х. фон Энгель о запорожском казачестве

Одним из самых крупных и интересных немецкоязычных историков, писавших об Украине и запорожском казачестве, был австрийский учёный Иоганн Христиан фон Энгель (1770-1814). Ученик Шлецера, он служил долгое время в Вене и благодаря частым поездкам в Трансильванию и Галицию смог изучать историю и жизнь этих земель. После первого раздела Польши Энгель заинтересовался историей Украины и казачества.

По своим теоретическим взглядам и методике исследований Энгель был типичным немецким историком эпохи Просвещения. Его труд "История Украины и её казаков" отличается большой научной добросовестностью, объективностью и беспристрастностью в изложении фактов. Для написания этого труда Энгель использовал весьма ши-

рокий круг документов, хроник и записок путешественников. В концепции австрийского историка значительное место занимал географический фактор. Казакам Энгель отводил существенную роль в истории восточного славянства. Вполне в традициях историографии эпохи Просвещения он пытался найти аналоги политического устройства запорожского казачества в истории античности и сравнивал его с общественным устройством и военной организацией древней Спарты. Естественно, это сравнение было довольно искусственным, что объясняется особенностями мышления интеллигенции того времени. Большое внимание в работе Энгеля уделено вопросу о последствиях Люблинской и Брестской уний в истории Украины, прежде всего в смысле поляризации социальных и политических сил. Украинские крестьяне стали видеть в запорожских казаках, роль которых сводилась ранее к оборонительным функциям против набегов татар, идеал свободы и "героического опьянения".

Ликвидацию Сечи Энгель рассматривал несколько односторонне: как шаг в дальнейшем укреплении Русского государства. Хотя Энгель и симпатизировал казачеству, он не мог оценивать политическую организацию Запорожской Сечи как развитую демократию, а скорее как очаг социальных волнений.

Н. Е. Орлова
(Минск)

*Проблема начального образования в Англии
в конце XVIII-начале XIX вв.*

Начальное образование в Англии долгое время обеспечивалось филантропической деятельностью общественности. Как правило, это осуществлялось через сеть различных религиозно-благотворительных организаций. Однако крупные социально-экономические явления и события второй половины XVIII в. - значительный рост населения, промышленный переворот, Великая французская революция - внесли коренные изменения в жизнь английского общества, обнажили многие проблемы и, в частности, весьма неудовлетворительное состояние начального образования. Под давлением этих обстоятельств благот-

ворительные общества расширили свою просветительскую деятельность приступив к созданию приходских и вечерних школ для детей и взрослых. Особое значение имело движение за организацию воскресных школ, ставшее по существу первой попыткой обеспечения элементарного образования в национальном масштабе. Созданное в 1789 г. "Общество по обучению юношества письму, ведению книг, арифметике, географии и рисованию" стремилось вывести образование в этих школах за рамки религиозного просвещения. Оно положило начало организации рабочих учебных заведений. Просветительскую направленность носили и развернувшиеся в это же время действия "корреспондентских обществ". Они занимались политическим образованием трудящихся в духе идей французской революции и тем самым развивали у них тягу к просвещению в целом. С конца XVIII в. начал свою деятельность известный английский педагог Дж. Ланкастер.

Однако, несмотря на это, сдвиги в развитии начального обучения были незначительными. В начале XIX в. обучение детей бедных слоёв населения в Англии было исключением: только 1 ребёнок из 21 посещал школу. Возможности частной инициативы были исчерпаны и возникла объективная потребность в создании цельной системы начального образования. Решение этой задачи требовало помощи и содействия государства. Не случайно в рассматриваемый период проблема народного просвещения становится объектом политической борьбы и государственного внимания. Оформившееся в конце XVIII в. в Англии радикальное движение рассматривало массовое образование народа как политическую необходимость. Радикалы возглавили борьбу за всеобщее элементарное образование в стране. Энергичная деятельность их поддерживалась вигами, особенно либеральным крылом партии. Либералам и радикалам противостояла партия тори, противница всяких новшеств, способствующих демократизации общественной жизни. Однако под давлением общественности торийское правительство было вынуждено в рамках фабрично-заводского законодательства сделать первый шаг в решении проблемы начального обучения трудящихся. В 1802 г. был принят закон, регулирующий использование детского труда на производстве, который, в частности, обязывал предпринимателей обеспечивать обучение учеников чтению, письму и арифметике в первые четыре года работы.

В 1807 г. вопрос о начальном образовании был впервые поставлен в английском парламенте по инициативе вигов, внёсших в палату общин билль об учреждении приходских школ. Проект предусматривал введение обязательного начального обучения при прямом содействии государства. Предполагалась повсеместная организация начальных школ. Билль вызвал бурную дискуссию, которая показала, что большинство англичан стояло за распространение грамотности среди народа. Вместе с тем она выявила значительные расхождения в подходах к решению этой проблемы. Радикалы и виги подчёркивали необходимость распространения элементарного образования среди беднейших слоёв населения. Всеобщее образование, считали они, повысит нравственность народа, будет способствовать повышению профессионального уровня трудящихся, росту их благосостояния, что соответствовало бы интересам государства.

Против билля решительно выступили сторонники тори, а также представители англиканской церкви. Соглашаясь с необходимостью распространения в какой-то степени образования в народной среде, они нашли предложенный вигами проект слишком радикальным. Особенно резкое возражение вызвало положение билля об обязательном обучении (Симеон, Борн, Тертон). Позицию тори наиболее ярко обосновал Д. Гидди, заявивший, что реализация проекта приведёт к недовольству народа своим положением. Вместо воспитания из трудящихся "хороших слуг" билль, подчеркнул он, сделает их "непокорными" и "наглыми по отношению к своим господам". Противники билля ссылались также на финансовую не состоятельность государства практически осуществить всеобщее начальное образование (Гидди, Симеон, Роуз).

В результате дебатов билль был отвергнут обеими палатами парламента. Однако важна сама постановка в рамках верховного органа проблемы всеобщего начального обучения народа. Фактически было положено начало регулярному обсуждению данного вопроса на государственном уровне. Практически же эта идея стала воплощаться в жизнь лишь в 1870 г. с принятием соответствующего "закона Форстера".

Ф. М. Наливайко

Е. Е. Станкевич

(Гродно)

Борьба польского населения Силезии против политики германизации в первой половине XIX в.

В Силезии, большая часть которой с середины XVIII в. окончательно вошла в состав Пруссии, планомерно проводилась политика германизации. Эта тенденция во внутренней политике прусского правительства усилилась в первой половине XIX в., что было связано с началом промышленного переворота, быстрым ростом капиталистического производства, особенно в текстильной, горнодобывающей и металлургической промышленности. При этом работники административного аппарата, ИТР, специалисты низшего звена и частично квалифицированные рабочие прибывали из Германии. Кроме того, владельцами промышленных предприятий на этой территории, как правило, были немцы. Это, с одной стороны, оказывало давление на местное польское население, способствуя его германизации.

В то же время рабочие и служащие немецкого происхождения вынуждены были, по крайней мере на первых порах, овладеть в той или иной степени польским языком для общения с основной массой рабочих, что было просто необходимо для нормального функционирования производства. Необходимо также иметь в виду миграционные процессы, которые развивались в этот период. Прежде всего происходил приток в промышленные центры сельского населения. А именно в крестьянской среде число поляков было наиболее значительным. Это вносило изменения в национальную структуру городского населения, здесь возрастал процент поляков, особенно в пригородных рабочих посёлках.

Помимо указанных факторов объективного характера, усилению процесса германизации способствовали и административные меры, предпринятые прусскими властями в первую очередь в области просвещения. Так, в 1801 г. было принято постановление о школьных учителях. Каждый из них в Силезии должен был иметь соответствующую подготовку по немецкому языку. Что же касается преподавания, то в 20-х годах XIX в. в Опольской реенции, в которой проживало

преимущественно польское население, было 199 школ с обучением на немецком языке, 282 были двуязычными и только 132 с преподаванием на польском языке.

В 1832 г. вроцлавская Комиссия по вопросам вероисповеданий запретила выдавать свидетельства об окончании школы ученикам, которые не овладели в достаточной степени немецким языком. В школах изымались учебники на польском языке, которые поступали в Силезию главным образом из Королевства Польского, и заменялись двуязычными или учебниками на немецком языке. Естественно, это вызывало недовольство родителей учеников. Дети отказывались посещать школу. Таким образом, местное население оказывало сопротивление, хотя оно и носило главным образом пассивный характер.

Более решительно польское население сопротивлялось политике германизации в религиозной области. Прусские власти уменьшали численность богослужений на польском языке, увольняли ксендзов и пасторов польской национальности и заменяли их священниками немецкого происхождения. Об этом свидетельствуют многочисленные инструкции и постановления прусской администрации. Местное население защищало священников, которые вели церковную службу на польском языке, бойкотировало немецкие богослужения, обращалось к государственным властям со своими петициями и требованиями. Именно поэтому в религиозной области процесс германизации протекал более замедленно, чем в сфере просвещения. Так, в 20-х гг. XIX в. в Опольской реенции в 219 храмах богослужение велось на польском языке, в 32 - на польском и немецком, в 162 - на немецком.

С 1838 г. прусские власти предприняли решительные шаги и в административной области. Отныне все указы, распоряжения, постановления местных властей стали публиковаться только на немецком языке, что создавало самой же администрации дополнительные трудности, вынуждая их прибегать к польскому языку, чтобы объяснить местным жителям те или иные решения прусских властей. Политике германизации в определённой мере способствовала и воинская служба.

В защиту польского языка активно выступало Литературно-Славянское общество, основанное в 1836 году во Вроцлавском университете. Революция 1848-1849 гг. явилась новым этапом в борьбе польского населения Силезии против политики германизации.

Движение в этот период принимает более массовый характер. Местное население выдвигало требования равноправия польского и немецкого языков, равенства политических прав для немцев и поляков. В прусском учредительном собрании эту национальную программу твердо отстаивал ксендз Я. Шафранек, депутат от Верхней Силезии.

Л. Н. Г а р а н и н
(Гомель)

Германская социал-демократия XIX-начала XX в. между революцией и реформой: пример г. Магдебурга

1. Германская социал-демократия в течение полувека возглавляла международное социалистическое движение, являясь наиболее влиятельной партией II Интернационала. Но с 1875 г., после объединения эйзенахцев и лассальянцев, в партии, хотя и подспудно, сохранялись два пути развития - путь реформ и путь открыто революционный, которые вели, однако, к одной цели - освобождению пролетариата от эксплуатации буржуазией.

2. По мере роста капитализма, включая развитие как экономики, так и социальные сферы, объективно увеличивались возможности для пути реформ, но для этого нужны были понимание и добрая воля другого класса - буржуазии, ее способность преодолеть собственные классовые интересы. До начала 20-х годов в Германии такой ситуации не было. Это усиливало революционные тенденции.

3. В исторической литературе марксистско-ленинского направления крайне односторонне оцениваются эти два пути: революционный как только прогрессивный, реформистский как измена делу пролетариата. В последние десятилетия путь реформ частично признавался рядом марксистов, однако как второстепенный. В свою очередь буржуазные и социал-демократические авторы отрицательно оценивали революционный путь борьбы пролетариата. Аргументы сторон, на конкретном историческом материале, звучали достаточно убедительно. Если принять их одновременно за истину, то рабочему классу вообще не следует ни за что бороться.

4. Выход из тупика дает идея конвергенции обоих путей, имеющих в конечном итоге одну цель - создание справедливого общества, где люди не эксплуатируют себе подобных. Во многом выбор пути зависит от позиции противного класса, его готовности к диалогу, к отказу от насилия. Только насилие социальных верхов порождает революционное насилие снизу.

5. В германской истории XIX в. насилие верхов играло особую роль и подталкивало революционные силы к радикальным методам борьбы. Отсюда революционизм эйзенахцев позднее, в период исключительного закона, большинства социал-демократов. Однако трезвый учет сил и понимание закономерностей общественного развития толкнули руководство социал-демократии на путь ненасильственной борьбы 70 - 80 годов, что и привело к замечательной победе не только над Бисмарком, но и над идеей силовой расправы с рабочим классом. Несмотря на призывы "левых" революционеров (в частности, П. Н. Ткачева) к вооруженному протесту, социал-демократия, используя ненасильственные методы, вынудила противника отступить и к тому же перейти к социальным реформам.

6. Вышеизложенные положения отчетливо прослеживаются в истории рабочего движения г. Магдебурга, среднеразвитого промышленного центра в среднем течении р. Эльбы. Здесь рабочее движение достигло значительного размаха с созданием общины Всеобщего Германского Рабочего Союза. Одновременно возникла секция I Интернационала, ставшая затем частью Эйзенахской партии. К 1875 г. обе организации изрядно ослабли во взаимной борьбе. В объединенной партии были достигнуты очень значительные успехи, приведшие к победам социал-демократов на выборах в рейхстаг с 1894 г.

7. Таким образом, германская социал-демократия явила миру пример односторонне-реформистского пути к осуществлению социализма, тогда как большевики, например, стали адептами пути насильственно-революционного. Неумение тех и других применять оба пути в зависимости от ситуации не сулило ничего хорошего ни самим партиям, ни пролетариату.

У. С. Кошалеў
К. А. Далгучыц
(Мінск)

*Характар і змест грамадска-палітычнага
крызісу 1879 - 1882 гг. у Егіпце*

1. У Егіпце на мяжы 70 - 80-х гг. XIX ст. прыкметна паскорыліся ўсе працэсы грамадскага развіцця. Інтэнсіўнае пранікненне еўрапейскіх краін спрыяла фарміраванню ў нетрах егіпецкага грамадства элементаў капіталістычнага ўкладу, аб'ектыўна ўтварала перадумовы для антыфеадальнага перавароту. Ідэямі рэформы і абнаўлення, выяўляўшымі буржуазную тэндэнцыю развіцця, былі ахоплены не толькі ідэолагі нараджаючайся буржуазіі, але і асобныя прадстаўнікі феадальнага пануючага класу. Канкрэтна-гістарычнае становішча характарызавалася множнасцю супярэчнасцяў, дынамізмам разнастайных інтэресаў розных слаёў і груп егіпецкага грамадства, важным кампанентам якога стала шматтысячная еўрапейская калонія разам з консуламі, абаяраўшыміся на егіпецкую калабараніісцкую эліту.

2. Вытокі лозунга "Егіпет для егіпцяна" належыць шукаць не толькі ў іншаземным пранікненні, але ў сукупнасці цэлага шэрагу супярэчнасцей, якія існавалі ў лагерах пануючага феадальна-памешчыцкага класу паміж састаўляўшымі яго дзвумя буйнымі групамі: правячай звышэлітай у асноўным турэцка-чаркескага паходжання і ўласна егіпецкай сацыяльнай элітай, прадстаўленай у асноўным уплывовымі панамі-натаблямі. У гэты ж час на арэне грамадска-палітычнага жыцця з'явіліся яшчэ дзве сацыяльныя групы: фарміраваўшаяся інтэлігенцыя сучаснага тыпу і армейскія афіцэры егіпецкага паходжання. Дзейнасць інтэлігенцыі "новага" тыпу атрымала найбольшае выяўленне ў асветніцтве. Яна ўнесла значны ўклад у працэс "палітызацыі" егіпецкага грамадства, другімі словамі - станаўленне сучасных форм палітыкі і ідэалогіі. Арабская прэса, вакол якой групавалася "новая" інтэлігенцыя разам з прадстаўнікамі рэфарматарскіх рэлігійных колаў па сутнасці ідэалагічна падрыхтавалі антыкаланіяльнае паўстанне Арабі-пашы.

3. Еўрапейская каланіяльная экспансія, прывёўшая да ўсталя-

вання дваістага англа-французскага кантролю над Егіптам, значна паскорыла праяўленне якасна новых форм палітычных працэсаў. Апазіцыйны рух, які ўзнік у лоне асветніцтва і рэфарматарства, пэўным чынам арыентаваўся на ўтварэнне палітычных таварыстваў і арганізацый еўрапейскага тыпу. Антыкаланіялізм і ў пэрунай ступені антыфеадалізм перадавых слаёў егіпецкага грамадства быў важнейшай перадумовай фарміравання новых палітычных сувязей. Адным з фактараў, аказаўшых уздзеянне на станаўленне новых егіпецкіх палітычных сіл, маглі быць тайныя еўрапейскія таварыствы, узнікшыя з канца 50-х гг. у колах еўрапейскай і асабліва італьянскай палітычнай эміграцыі. Пэруную ролю ў грамадска-палітычным жыцці краіны ігралі масонскія згуртаванні, значна распаўсюджаныя ў часы Ісмаіла. Аднак усе спробы выкарыстаць масонства для патрэб апазіцыйнага руху пацярпелі няўдачу. У якасці правобраза палітычных згуртаванняў, узнікшых на мяжы 70-80-х гг., можна разглядаць асобныя культурна-асветніцкія таварыствы. Асабліва паказальныя ў гэтым сэнсе тайныя таварыствы, створаныя ў першай палове 70-х гг. егіпецкімі асветнікам Якубам Санау.

4. Узнікненне першых палітычных таварыстваў і новых арганізацыйных форм грамадскага супраціўлення (антыкаланіяльнага па характары) у Егіпце звязана з дзейнасцю Джамаль ад-Дзіна аль-Афгані. У абвешчанай ім у маі 1879 г. "Патрыятычнай партыі" грамадзянская апазіцыя, відавочна, набыла падабенства палітычнага цэнтру. Некаторыя з вучняў аль-Афгані мелі непасрэднае дачыненне да ўтворанага ў пачатку 1879 г. таварыства "Малады Егіпет", якое выступіла перад грамадскасцю з праектам рэформ буржуазнага характару.

5. Дакладныя факты абвяргаюць даўно склаўшуюся гістарыяграфічную версію, у адпаведнасці з якой так званая Нацыянальная партыя з'яўлялася зборным пунктам усіх існаваўшых у Егіпце апазіцыйных сіл, уключаючы акружэнне хедзіва Ісмаіла і армейскіх афіцэраў на чале з Ахмедам Арабі. На розных фазах развіцця грамадска-палітычнага крызісу 1879 - 1882 гг. яна аб'ядноўвала разнастайныя сацыяльна-палітычныя сілы. Першапачаткова - групу "турэцкіх пашоў" ("Хелуанскае таварыства") на чале з Шэрыф-пашой і нязначную частку дэпутатаў Кансультацыйнага сходу. У далейшым - натабляў, імкнўшыхся да цэнтральнай ўлады і выкарыстоўваўшых

для дасягнення гэтай мэты патрыятычна настроеных афіцэраў егіпецкай арміі.

6. У 1882 г. ад імя Нацыянальнай партыі выступіў Ахмед Арабі - лідэр так званай вайсковай партыі. "Вайсковая партыя" не была арганізацыяй у прамым сэнсе гэтага слова. Гэты тэрмін па сутнасці азначаў патрыятычны антыіншаземны рух унутры егіпецкай арміі, падтрыманы шырокімі слаямі насельніцтва. Ахмед Арабі абапіраўся на рэлігійна настроеныя колы традыцыйнага егіпецкага грамадства, выкарыстоўваючы пры гэтым даўно існаваўшыя сувязі. Аднак гэта зусім не азначае, што кіруемае ім паўстанне было не больш чым пратэстам традыцыйнага грамадства Егіпта супраць пранікнення ў краіну замежнага капіталу.

7. Для вызваленчага руху гэтага перыяду былі характэрныя рысы, якія прыкметна вызначалі яго ад традыцыйных выступленняў сярэднявечавага тыпу. Няма ніякіх сумненняў у тым, што праграмныя дакументы арабістаў, аднолькавым чынам як і барацьба за увядзенне канстытуцыі і парламента, аб'ектыўна адлюстроўвалі буржуазную тэндэнцыю развіцця. Не выпадковы і той факт, што ў час майскага палітычнага крызісу 1882г. Ахмед Арабі (пазбаўлены афіцыйнай пасады, але застаўшыся лідэрам нацыі) пры ўсім традыцыяналізме свайго мыслення ставіў пад дакументамі зусім не традыцыйны подпіс, замацаваны яго асабістай пячаткай: "Старшыня нацыянальнай партыі" (Раіс аль-Хізб аль-Ватані). Напраўленае перш за ўсё супраць іншаземнага панавання, паўстанне Арабі-пашы, хаця і было ажыццёўлена групай патрыятычна настроеных афіцэраў, тым не менш адлюстроўвала інтарэсы усяго егіпецкага народа. У гэтым сэнсе яго магчыма характарызаваць як народнае паўстанне. Выкарыстанне рэлігійных лозунгаў было натуральнай і заканамернай з'явай ва ўмовах тагачаснага Егіпта. Звяртаючыся да народа, кіраўнікі паўстання маглі размаўляць з ім толькі на зразумелай яму мове. Рэлігійныя лозунгі, можна лічыць, былі своеасаблівым "прывадным пасам" паміж арабістамі і масамі. Сам жа Арабі выступаў у залежнасці ад абставін то як прыхільнік канстыцыяналізму, то як абаронца іслама, але часцей за ўсё ва ўсіх іпастасях разам, ніколі не пакідаючы ніякіх сумненняў адносна таго, што яго ідэалы былі звернуты ў будучыню, а не ў мінулае.

И. А. Г а м м е р ш м и д т
(Минск)

*Общественное мнение России и международные отношения
в 80-90 гг. XIX в.*

Последняя четверть XIX в. - время серьезных перемен на международной арене. В этих условиях Россия, обремененная экономическими и политическими проблемами, поисками общегосударственной идеологии внутри страны, вынуждена была пересматривать свою внешнеполитическую концепцию. Династические связи, приверженность традиционным союзам заменялись более жизненными материальными понятиями "национальные интересы", "русские интересы". Усилившийся прагматизм внешней политики во многом определил интерес широких общественных слоёв России к вопросам международной политики.

Безусловно, общественное мнение лишь в редких случаях могло ориентироваться в лабиринте дипломатических переговоров и в сложных переплетениях бумажных дипломатических войн, но оно вполне было способно вынести правильный приговор, основанный на учёте национальных интересов или международной справедливости.

Анализ позиций общественных кругов по тем или иным вопросам внешней политики позволяет выяснить нюансы становления нового внешнеполитического курса России, оживить сухие строки дипломатических переговоров, увидеть за ними реальные жизненные интересы конкретных лиц, выяснить взгляды русского общества на роль и место России в международной жизни.

Понятие "общественное мнение" в данном сообщении будет рассматриваться не только как состояние массового сознания (наиболее распространённая среди советских исследователей точка зрения), но и как процесс, и как особая социальная организация, имеющая функции: а) управляемой системы; б) управляющей системы; в) элемента обратной связи.

Общественное мнение как состояние массового сознания может быть рассмотрено по нескольким направлениям.

Субъект массового сознания в России ограничен (80-85% населения - крестьянство, которое в 80-ые гг. XIX в. стояло в сторо-

не от формирования гражданского общества).

Реальное состояние гражданского общества в пореформенный период не совпадало с номинальным, что определило пестроту, непоследовательность и изменчивость в оценках политических явлений, отсутствие порой чётких границ между политическими течениями (особенно в вопросах международной политики). Основные политические течения в России представлены аристократическим, неконсервативным, либеральным, демократическим.

В широком спектре общественного мнения России выделяется несколько уровней осмысления вопросов международной политики.

Первый уровень - теоретические философские споры, затрагивающие внешнеполитические проблемы (Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, Б. Н. Чичерин, Вл. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. С. Татишев, Д. И. Менделеев и др.).

Второй уровень - полемика между высшими чиновниками, видными публицистами, отражающими практические интересы различных политических течений и географо-экономических регионов страны.

Третий - взгляды земской интеллигенции, провинциального дворянства, мещанства, во многом определяемые первым и особенно вторым уровнями.

Общественное мнение России как социальная организация в России имела ряд особенностей. Свои политические воззрения часть общества выражала в прессе, путём выпуска брошюр, на съездах промышленников, собраниях различных просветительских и благотворительных обществ, в университетских аудиториях.

Политическая система России в рассматриваемый период не имела чётких механизмов прямого воздействия общественного мнения на принятие решений. Однако, традиции русского монархического дома, сложившиеся на протяжении последнего столетия, и политические реалии конца XIX в. уже вынуждали Александра III учитывать некоторые настроения общества.

Общественно-функциональное значение настроений в обществе и средств их формирования правящие круги России оценили в период Польского восстания 1863 года, когда русское общество дружно поменяло "Колокол" и "Полярную звезду" Герцена на "Московские ведомости" Каткова.

В 80-90-х гг. XIX века вопрос регулирования настроений в обществе (главным образом через прессу) и их влияние на междуна-

родные дела не раз обсуждался в высших кругах и имел примеры практического использования.

В. А. Острога
(Минск)

*Подготовка научных кадров в Беларуси по новой
и новейшей истории (1919-1941 гг.)*

После закрытия Виленского университета и перевода в Петербург Горецкого сельскохозяйственного института Беларусь на протяжении длительного времени не имела ни одного высшего учебного заведения, ни одного научно-исследовательского учреждения, если не считать Волотной станции на окраине Минска. Поэтому одной из главных задач молодого белорусского государства после 1917 г. было создание фундамента для развития национальной науки и подготовки собственных научных кадров. Этот довоенный период в развитии белорусской исторической науки можно разделить на два этапа. Первый этап (1919-1934) характеризуется созданием первоначальных основ для подготовки научных кадров и появлением аспирантуры в Белорусском государственном университете и Академии Наук БССР. Вторым этапом (1934-1941) - изданием важнейших для исторической науки постановлений правительства и известным совершенствованием подготовки научных работников.

Одним из первых шагов в этом направлении явилось открытие в 1921 г. Белорусского государственного университета. В 1927 г. в нём была создана аспирантура, в которой с 1929 г. начали обучение первые аспиранты кафедры истории Запада - В. Я. Денисюк и Л. И. Коган [1]. Одновременно в аспирантуру АН БССР поступило несколько человек, специализировавшихся в области польской истории. С 1931 г. подготовка научно-преподавательских кадров всех специальностей, в том числе и по всеобщей истории, сосредоточилась, согласно постановлению ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 23 декабря 1930 г., во вновь организованном при АН БССР Институте Аспирантуры. Как потом выяснилось, это было ошибочное решение. Оно несомненно затормозило развитие белорусской исторической науки. В

таким же положении находилась и вся советская историческая наука. Изменить создавшуюся ситуацию могло только решение на правительственном уровне. В январе 1934 г. вышло постановление СНК СССР "Об учёных степенях и званиях", которое, в частности, устанавливало учёные степени кандидата и доктора наук. 15 мая того же года вышло одно из самых значимых для исторической науки постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О преподавании гражданской истории в школах СССР", позже вышло постановление об исследовательской работе в области истории. В целом это были результативные постановления. В 1934 г. были восстановлены исторические факультеты во многих университетах СССР, в том числе и в Белорусском государственном университете, а с 1937 г. в БГУ создаётся кафедра "Новой и новейшей истории".

В этот период происходит окончательное формирование центров подготовки научных кадров исторических специальностей, в том числе по новой и новейшей истории. В 1935 году в БССР в этой области исторических знаний проводили исследования 19 человек [2], рассредоточенных в 4 научных центрах (Белорусский государственный университет, Академия Наук, Минский высший пединститут, Западный сектор Института истории при ЦК КП(б) Б). Во второй половине 30-х годов на Академию Наук возлагалась задача подготовки докторов наук. В 1937 г. среди 6 докторантов двое специализировались по всеобщей истории.

В предвоенные годы основным центром подготовки научных кадров и проведения научно-исследовательских работ по новой и новейшей истории становится БГУ. В 1937 г. в нём был создан единственный в республике Учёный Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций в области исторических наук.

Таким образом, к 1941 г. в БССР сложилась определённая система подготовки историков высшей квалификации, в том числе и в области новой и новейшей истории, правда, количество последних было явно недостаточно для успешной научной и преподавательской деятельности, но уже были сделаны определённые шаги в этом направлении и существовали большие планы, исполнению которых помешала война.

1. ЦГАОР РБ. Ф. 205, оп. 1, л. 16.
2. Михнюк В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919-1941). Мн., 1985. С. 34.

М. Г. Е л и с е е в
О. Г. Р а д ь к о в а
(Минск)

К вопросу о развитии исторической германистики нового и новейшего времени в Беларуси (1921 - 1945 гг.)

Интерес к истории Германии в белорусской общественно-политической и исторической мысли был заметным в силу своеобразия исторических судеб страны. Начало же складывания исторической германистики в Беларуси связано с открытием в 1921 г. в Минске Белорусского Государственного университета и созданием в 1922 г. Института белорусской культуры. С работой этих учреждений сопряжено становление изучения в Белоруссии всеобщей истории, в том числе германской. В силу отсутствия в республике научных кадров по всеобщей истории из России и Украины были приглашены крупные ученые-исследователи и педагоги: В. И. Пичета, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, М. В. Довнар-Запольский и др. Именно они создавали организационные структуры и школы, готовили национальные кадры по всеобщей истории.

Историческая германистика в Белоруссии непосредственно связана с деятельностью В. И. Пичеты и В. Н. Перцева.

В. И. Пичета, будучи историком-славистом, по свидетельству А. М. Арциховского, "знал все разделы истории, интересовался всеми эпохами, по самым важным проблемам высказывал веские и продуманные суждения" [1]. Ученик Пичеты историк-славист В. Д. Королук отмечал, что для его учителя славяно-германские отношения были на первом плане [2].

Воздействие В. И. Пичеты на развитие белорусской исторической германистики связано не только с годами работы в Беларуси, но и за её пределами в период Великой Отечественной войны, когда значительная часть его научных работ была посвящена истории сла-

вяно - германских отношений, в том числе борьбе белорусского народа против немецкой угрозы. Особенно активно в это время ученый занимался проблемами германского "натиска на восток". Для работ этого периода характерна яркая публицистическая форма изложения материала, преобладание элементов описательности над элементами анализа. Именно временем обусловлена определенная категоричность тезиса Пичеты, что "история славянских народов - это история их героической борьбы за свою политическую независимость и свободу против основного врага славянства - германцев" [3].

Темы германской истории разрабатывались В. Н. Перцевым, известным специалистом по истории западноевропейских стран. Объектом его пристального внимания стала Пруссия. Еще до Октябрьской революции им был опубликован ряд статей, раскрывавших историю Гогенцоллернов, самой влиятельной прусской династии. В период оккупации войсками кайзеровской Германии значительной части Украины, Беларуси и Прибалтики он опубликовал эти статьи отдельной книгой "Гогенцоллерны. Личные характеристики и обзоры политической деятельности". Внутренняя и внешняя политика Пруссии, а затем Германии были рассмотрены через призму деятельности крупных фигур данной династии. Особое внимание уделялось анализу процесса объединения Германии, выявлению в нем роли О. Бисмарка, выражавшего интересы прусского юнкерства. Исторические взгляды и деятельность первого германского канцлера неоднократно привлекали внимание В. М. Перцева. Изучал он также аграрные отношения в Пруссии XVIII - нач. XIX вв., дал характеристику немецкого просветительства XVIII в. В годы Великой Отечественной войны ученый продолжил изучение истоков германского милитаризма.

Проблемам международных отношений и внешней политики Германии посвящена статья В. Стального, выполненная на основе опубликованных в Германии дипломатических документов. В ней раскрыт последний этап англо-германских переговоров о союзе в начале XX в. Л. М. Шнейерсон работал над темой "Австро-прусская борьба и военная тревога 1850 г."

Вызвала интерес у исследователей Беларуси история германской социал-демократии, игравшей ведущую роль в международном социалистическом движении конца XIX - нач. XX вв. Взгляды основателя Всегерманского рабочего союза Ф. Лассалья на государство проанализировал И. В. Герчиков. Он же написал книгу о вожде гер-

манских левых социал-демократов - Р. Люксембург, где попытался разобраться в ряде сложных вопросов теории и практики социалистического движения.

Под редакцией и со вступительной статьей С. Я. Вольфсона был опубликован сборник статей на философские и литературные темы Ф. Меринга. Вольфсон считал большой заслугой Ф. Меринга то, что он являлся одним из немногих лидеров германской социал-демократии, которые неизменно хранили верность революционному марксизму.

В работах Е. И. Ривлина и Я. С. Фейгельсона было сделано немало убедительных выводов о внутривнутриполитической борьбе СДПГ, вскрыты причины идейного размежевания в партии, даны яркие характеристики лидеров социал-демократии: А. Бебеля, В. Либкнехта, Э. Бернштейна, К. Каутского.

После появления в 1931 г. письма И. В. Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма", в котором предельно много места занял негативный анализ деятельности германской социал-демократии, в Беларуси была проведена "велизарная работа па выкрыцццю правых і "левых" апартуністычных тэорыяў і канцэпцый" [4], ряд исследователей обвинен в троцкизме и национализме и репрессирован. Работы, выходявшие в апоследующие годы по германскому рабочему движению, содержали почти одни отрицательные характеристики германской социал-демократии.

Следует сказать, что на белорусской германистике тех лет сказывались общие условия развития общества и исторической науки в стране. Работам была присуща терминология нетерпимости, конфронтационности, догматизма формулировок.

1. Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 129.
2. Там же. С. 22.
3. Пичета В. Единый фронт славянских народов // Октябрь. 1941. № 9-10. С. 166.
4. Шчарбакоў В. К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. Менск, 1934. С. 94.

В. А. К о с м а ч
(Витебск)

*Внешняя культурная политика в германской
истории новейшего времени*

Историками бывшего Союза ССР фактически не разрабатывались проблемы германской внешней культурной политики. Советские историки занимались в основном историей научно-технических и культурных связей Германии с Советским Союзом.

В современной западногерманской историографии эта тема разработана лучше. В ФРГ в 60-80-е годы вышли серьезные работы по данной проблеме. Федеральное правительство всячески поддерживало усилия немецких ученых в этом направлении, т. к. давно рассматривает область внешней культурной политики в качестве одного из серьезных и цивилизованных инструментов воплощения в жизнь своих внешнеполитических планов, а также общечеловеческих ценностей, тесно связанных с демократией и свободой.

Такое понимание содержания и предназначения внешней культурной политики пришло к немцам не сразу. В начале века и до первой мировой войны она обслуживала хозяйственные и великодержавные интересы рейха за границей. Многие ученые и политики считали такое положение вещей ненормальным. Одним из них был Карл Лампрехт, известный историк культуры и профессор-политолог, который в 1912 г. открыто заявил о необходимости переоценки содержания и целей германской внешней политики. Он призывал признать ее автономность и самостоятельную роль во внешней политике, право на свободную, нерегламентируемую государством, "культурную экспансию" в отношении других стран и народов.

В годы Веймарской республики (1919-1933) идеи Карла Лампрехта и его коллег были во многом реализованы, и немецкая наука и культура принесла многим народам и государствам, включая и Советский Союз, реальную пользу, т. е. выполняла цивилизаторскую роль, хотя иногда и не была свободна оттого, что на Западе называют "империализмом в области культуры и культурных связей". Германия в период веймарской демократии плодотворно действовала в области науки и культуры на международной арене. Проблемы германской внешней культурной политики разрабатывались в те годы

очень серьезно. Следует назвать имена известных тогда в этой области специалистов и общественных деятелей Георга Шрайбера и Карла Ханца Бекера.

Приход нацизма к власти резко изменил целевое предназначение и направленность германской внешней культурной политики. Ее стали определять политики типа А. Розенберга, активно воплощавшие в жизнь идеи "нового порядка" в Европе и делавшие ставку на превосходство немецкой науки и культуры над духовным наследием других народов. Демократические ценности в духовной культуре представители тоталитаризма оценивали как признак вырождения и слабости того или иного народа. Фашистская Германия уже не могла выполнять цивилизаторских функций в области внешней культурной политики. Тоталитаризм несовместим с демократическими ценностями и равноправным, партнерским сотрудничеством между народами.

В ФРГ наследие Веймарской Германии в области духовной культуры во многом возродилось. Еще раз были переосмыслены подходы к германской внешней культурной политике, отброшен тоталитаризм и его жесткий диктат над наукой и культурой, чего, к сожалению, не произошло в ГДР. Сегодня немцы готовы сотрудничать практически со всеми, кто заинтересован в освоении богатого наследия и опыта немецкой науки и культуры. Только политические мотивы уже давно не определяют характер и цели германской внешней культурной политики. Ее история во многом поучительна для успешного сотрудничества между европейскими народами в наши дни.

Р. Р. Л а з ь к о
(Гомель)

*Задачи вывучэння знешняй палітыкі Польшчы
(1918-1939 гг.)*

Доўгі час бездзяржаўнага існавання і раптоўны характар змен, якія адбыліся на тэрыторыі былога СССР, стварылі пустку ў асэнсаванні грамадзянамі Беларусі месца іх Рэспублікі ва ўзнікшай геапалітычнай сітуацыі. Гісторыкі павінны ўнесці ўклад у запаўненне гэтай пусткі, ствараючы і распаўсюджваючы інфарма-

цью аб характары знешнепалітычных інтарэсаў як сваёй дзяржавы, так і суседзяў, у першую чаргу тых, якія прэтэндуюць на асаблівую ролю ў рэгіёне. Ролю Польшчы сучасная польская паліталогія вызначае як "еўрапейскага маста" у новай сістэме раўнавагі сіл. Важным этапам у фарміраванні ўяўленняў аб месцы Польшчы у Еўропе быў перыяд Другой Польскай Рэспублікі (1918-1939 гг.).

Нягледзячы на сваю ідэалагічную абмежаванасць і палітычную залежнасць, беларуская гістарыяграфія дасягнула станоўчых вынікаў у распрацоўцы асобных пытанняў гісторыі знешняй палітыкі міжваеннай Польшчы. Гэта, перш за ўсё, пытанні аб польскай экспансіі ў Беларусі у 1919-1920 гг., аб гісторыі польска-германскіх адносін і некаторыя інш. Але сістэматызаванае даследаванне знешняй палітыкі Польшчы 1918-1939 гг. не вялося, а ў створаных працах маецца комплекс спрошчаных, дагматызаваных, нярэдка прапагандысцка-выкрывальніцкіх ацэнак яе сацыяльных, палітычных, ідэйных асноў, мэтаў і накірункаў, метадаў яе ажыццяўлення і дасягнутых вынікаў.

Не прэтэндуючы на паўнату агляду, спынімся на некаторых асноўных праблемах, вывучэнне якіх патрабуе першачарговай увагі даследчыкаў. Сярод іх - пытанне аб ролі ў фарміраванні ідэйных асноў знешняй палітыкі Польшчы, тых гістарычных традыцый і псіхалагічных стэрэатыпаў, якія склаліся ў польскіх шляхецка-інтэлігенцкіх стэрэатыпаў, якія склаліся ў польскіх шляхецка-інтэлігенцкіх колах яшчэ да падзелу Рэчы Паспалітай і ў час нацыянальна-вызваленчай барацьбы. У той ці іншай ступені яны аказалі ўплыў на знешнепалітычныя праграмы ўсіх асноўных ідэйна-палітычных плыняў у Польшчы. Пакуль што толькі закраналася ў асобных працах пытанне аб узаемаперакрыжванні ў 1918-1920 гг. польскай усходняй палітыкі і беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, аб ролі яго ў той барацьбе за гэту тэрыторыю, якая разгарнулася паміж Савецкай Расіяй і Польшчай.

Як гэта ні парадаксальна, усходнееўрапейская палітыка Польшчы вывучана баларускімі гісторыкамі найбольш слаба. Яна заўсёды разглядалася з зададзеных ідэйных пазіцый - як выражэнне класавых інтарэсаў польскай буржуазіі і памешчыкаў. Якія на самой справе інтарэсы імкнулася ажыццявіць польская дзяржава - такое пытанне ніколі не аналізавалася. Негатыўна адбіваўся на выніках даследаванняў "масквацэнтрысцкі" падыход да вывучэння праблем.

Амаль што не ўлічваўся даследчыкамі складаны геапалітычны кантэкст знешняй палітыкі Польшчы і ў сувязі з гэтым уплыў на яе рашальскага курса. Недалушчэнне цеснага савецка-германскага супрацоўніцтва разглядалася ў розных палітычных колах Варшавы ў якасці адной з умоў захавання нацыянальнай незалежнасці. Гэта праблема чакае вывучэння як на матэрыяле польска-савецкіх, так і польска-германскіх адносін.

Перыяд канца 30-х гадоў у гісторыі адносін Польшча з двума яе вялікімі суседзямі застаецца амаль што суцэльнай белай плямай. Да гэтага часу ў працах асобных гісторыкаў, што друкуюцца ў маскоўскіх выданнях, паўтараецца характарыстыка пазіцыі Польшчы ў міжнароднай палітыцы таго часу як "ад'езнай", у іх сцвярджаецца аб імкненні яе правячых колаў пераўтварыць Польшчу "у сакюзніка Германіі ў вайне супраць СССР" [1]. Беларускія гісторыкі пакуль што нічога не супрацьпаставілі гэтай ацэнцы, якая з'яўляецца ні чым іншым, як варыянтам сталінскага прапагандысцкага тэзіса з мэтай апраўдаць падзел Польшчы ў 1939 г. Складаны антысавецкі комплекс як фактар знешняй палітыкі Польшчы канца 30-х гадоў патрабуе глыбокага вывучэння. Тая ж задача стаіць і ў сферы польска-германскіх адносін. Вераснёўскі фінал польска-германскіх адносін цяжка зразумець, калі не ўлічваць пазіцый грамадства, усіх палітычных партый, па пытаннях знешняй палітыкі.

І апошня (не па значэнню) праблема. Палякі і беларусы - суседзі, імі і застаюцца. У працэсе ўзаемапазнання на працягу стагодзяў у кожнага з народаў склаўся ўяўленні аднаго аб адным, стэрэатыпы, якія адлюстроўваюць гістарычны вопыт, асаблівасці нацыянальных характараў, культуры. Гэтыя духоўныя, палітычныя фактары аказвалі і працягваюць аказваць уплыў на рэальную палітыку і на адносіны паміж людзьмі. Таму вывучэнне іх - яшчэ адна актуальная задача.

Вывучэнне гісторыі знешняй палітыкі Польшчы дазваляе скарыставаць ацэнку польскага палітолага, якая прыводзілася напачатку. У новай геапалітычнай сітуацыі Польшча і Беларусь - два звяны аднаго маста, які злучае Заходнюю і Усходнюю Еўропу, Еўропу і Азію. Разуменне гэтай сітуацыі - важкі стымул у даследчыскай рабоце.

1. Сиполе В.Я. О тайнах кануна второй мировой войны // Актуальные проблемы новейшей истории. М., 1991. С. 42.

И. Ф. Д е ш к о
(Гродно)

Советско-германское военное сотрудничество

Возрождение германских вооруженных сил с помощью Советской России остается одной из самых поразительных глав современной истории. Советское руководство тщательно скрывало в архивах документы о военно-техническом сотрудничестве с Германией, а также о контактах рейхсвера и Красной Армии. "Белым пятном" в советской историографии оставались и мотивы этого сотрудничества.

Рассекреченные в 1989 г. советские дипломатические документы, публикация их в журналах "Международная жизнь" (1990, №6) и "Октябрь" (1991, №12) дают возможность составить представление о реальных масштабах и направленности этого процесса. Первые контакты между советскими и германскими военными относятся к 1920 г.

Как свидетельствуют документы, уже 6 апреля 1920 г. был подписан договор, согласно которому Германия обязывалась оснастить советскую армию вооружением, а промышленность оборудовать, чтобы Россия могла противостоять Англии в Азии и Польше. Советская сторона предоставляла право немцам на эксплуатацию шахт, железных дорог, каналов, а также обязалась поддержать Германию в случае конфликтов. Несколько позже был налажен обмен разведывательными данными о численном составе и вооружении польской, румынской, чехословацкой и турецкой армий. 20 августа 1920 г. Политбюро приняло решение о закупке оружия в Германии на сумму в 27 млн. марок.

Немецкие военные круги искали поддержки у советской стороны на случай конфликта Германии с Францией и Польшей. Рапальский договор, его тайные статьи дали право рейхсверу создавать на советской территории военные объекты, обучать личный состав тех родов войск, которые Германии запретил Версаль. Однако в гер-

манских правящих кругах не было единства в вопросе налаживания военного сотрудничества с Советской Россией. Обострение репарационной проблемы в 1925 г. заставило руководство Германии искать серьезную базу и заручиться российским тылом.

В феврале 1923 г. на переговорах между советскими и германскими представителями было достигнуто соглашение о строительстве военных заводов на территории СССР по поставкам военных материалов рейхсверу.

Однако значительного расширения сотрудничества в военной области между обеими странами не произошло. Немецкое руководство опасалось утечки информации в страны Антанты и соответствующей реакции. В то же время заявило о своем посредничестве в установлении контактов с частными фирмами о налаживании производства вооружений.

В ходе дальнейших контактов было достигнуто соглашение от 15 апреля 1925 г. о создании школы воздушного флота в Тамбовской области под кодовым названием "Липецк". В 1926 г. немцы приступили к организации танковой школы "Кама" в Казани. Наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР была так называемая школа "Тамака", созданная в 1929 г. в Самарской области, где проводились испытания новых приборов и новых методов применения отравляющих веществ. Советская сторона получала ежегодное материальное вознаграждение и право участия в военнопромышленных испытаниях и разработках.

Через эти школы прошли многие военнослужащие рейхсвера (среди них Мядель, Гудериан, Браухич, Горн, Крузе, Файге, Кейтель, Манштейн и др.), позднее образовав кадровый костяк вооруженных сил фашистской Германии. Советский Союз посещали начальник Генерального штаба Бломберг и его заместитель Миттельбергер. В СССР работало 20 тыс. немецких инструкторов среди различных родов войск.

В целях изучения организации отдельных родов войск, постановки штабной работы, методов обучения и подготовки, а также учебы на академических курсах в Германии выезжали Уборевич, Тухачевский, Якир, Егоров, Свечников, Катков, Степанов, Венцов, Колмыков и другие советские командиры. Этот опыт был использован в стореительстве Красной Армии.

После установления фашистской диктатуры в Германии началось

свертывание не только торгово-экономических, но и военных двухсторонних связей. Следует отметить, что сотрудничество СССР с Германией в военной области не было чем-то необычным. В те годы военно-техническое сотрудничество с Германией осуществляли США, Япония, Италия и другие страны.

Е. А. Б р о в к и н
(Гомель)

Польско-американские отношения в 1924-1929 гг.

В системе внешних связей Польской республики в 1924-1929 гг. отношения с Соединенными Штатами были в числе приоритетов. Определяющей была финансово-экономическая сфера. США были вторым после Германии экспортером товаров в Польшу и восьмым импортером польской продукции. Американские инвестиции в экономику страны были продолжением деловой активности в тяжелой индустрии Германии (В. О. Гарриман) и нефтепромыслах Чехословакии (Дж. Рокфеллер). США стояли на третьем месте среди зарубежных инвесторов, на их долю приходилось 17,94% всех вложенных в Польшу иностранных капиталов. Молодое государство нуждалось в займах для развития экономики, при этом особые надежды возлагались на американских финансистов. США действительно стали главным кредитором Польши - на их долю приходилось 72,5% всей суммы внешнего долга страны. Поэтому развитие двухсторонних отношений по всем линиям во многом было обусловлено стремлением обеспечить постоянный приток новых займов, хотя энтузиазм польской стороны не встретил соответствующей заинтересованности американских деловых кругов.

В области внешней политики для Польши были характерны профранцузская ориентация и противостояние Германии и СССР. В этом противостоянии польская дипломатия стремилась заручиться американской поддержкой, что ярко проявилось в переговорах о подписании гарантийного пакта 1925 г., пакта Бриана-Келлога 1928 г. и связанного с ним Московского протокола 1929 г. Можно констатировать моральное поощрение антисоветизма Варшавы американской политикой "непризнания". Но откровенно прогерманская линия Вашинг-

тона лишала Польшу надежд на поддержку в деле гарантии своих западных границ. Более того, американская сторона неоднократно пыталась оказать давление на Польшу в плане уступок Германии.

Учет мнений и позиций великих держав во внешней политике молодого государства был неизбежным, поскольку Польша была скорее объектом, чем субъектом мировой политики. В то же время польская сторона не уступала в принципиальных вопросах. Так, она отказала В. О. Гарриману в монопольной концессии на электрификацию стратегически важных регионов. Ни разу Польша не пошла на навязываемое ей соглашение с Германией посредством территориальных уступок, отвергнув соблазнительные компенсационные проекты. Курс на сохранение европейской стабильности и мирное сосуществование был непоколебим, несмотря на попытки британских политиков и американских оружейных магнатов при молчаливом одобрении госдепартамента раздуть польско-советский конфликт 1927 г. История польско-американских отношений 1924-1929 гг. опровергает популярную некогда концепцию о "несамостоятельности" так называемых "малых стран", показывая, что, невзирая на экономическую зависимость и дипломатические расчеты, национальные интересы возрожденного польского государства были превыше сиюминутных финансовых и политических выгод.

Г. А. К о с м а ч
(Минск)

*Образование правого буржуазного блока в Германии
и его политический курс в конце 1926-1928 гг.*

Создание и правление правящего блока буржуазных партий (ННШ, ННП, БНП, Центр) явилось ответным шагом правых политических сил Германии на формирование единого рабочего фронта в ходе подготовки и проведения референдума о конфискации княжеского имущества. Перспектива сотрудничества СДПГ и КПП на время сплотила буржуазные партии. Народная партия во главе с Г. Штреземаном и националисты добились в конце 1926 г. срыва образования "большой коалиции" с участием СДПГ. С помощью президента-монар-

хиста П. Гинденбурга они перетянули на свою сторону правое руководство Центра. В ходе сложной политической игры в январе 1927 г. было сформировано правое буржуазное правительство В. Маркса (Центр), в котором министерские посты были распределены между представителями Центра, ННП и ВНП.

Образованный кабинет министров отражал интересы сложившегося в это время на основе общей экономической политики блока между представителями тяжелой промышленности и юнкерства. Новый союз политических сил выступил за привлечение рабочего класса на свою сторону на основе реформистского консерватизма, христианских ценностей и национализма. Имея определенную опору в народных массах, националисты, Центр, ВНП и ННП рассчитывали превратить Веймарскую республику в консервативное, авторитарное государство и привлечь к нему значительные слои пролетариата и мелкой буржуазии. Для этого был избран курс на социально-экономическое и политическое лавирование, уступки трудящимся, изоляцию СДПГ и КПГ. Возникла реальная угроза подрыва демократических основ Веймарской республики и влияния рабочих партий в стране.

Реформистское крыло НННП представляло кабинет В. Маркса как "национальное рабоче-крестьянское правительство от Центра до немецких националистов" и "народно-консервативную коалицию". Сформирование чисто консервативного кабинета (без НДП) было новым политическим явлением в системе веймарской демократии. Заявление и тезисы нового правящего блока явились этапным рубежом в истории Веймарской республики. Правые буржуазные партии предприняли серьезную попытку на основе реформистского консерватизма, христианских ценностей и национализма привлечь на свою сторону значительную часть немецкого народа. НННП впервые признала законность конституции, согласилась с продлением закона о защите республики, участвовала в подготовке и принятии многих социальных и политических мероприятий, которые являлись определенными уступками рабочим и мелкой буржуазии (в том числе законов 1927 г. о 8-часовом рабочем дне и о страховании по безработице и трудоустройстве). Правящие круги представляли политику нового правительства как победу курса "народного консерватизма" и успешную деятельность "христианского национального рабоче-крестьянского правительства".

Буржуазные партии использовали и поощряли усилившуюся в

1927-1928 гг. вражду между СДПГ и КПП, чтобы ослабить рабочие партии и свободные профсоюзы. В противовес им буржуазный лагерь поддерживал христианско-национальные, "желтые" и свободно-национальные профсоюзы, а также католические и евангелические рабочие объединения и союзы.

Однако широкое социально-политическое маневрирование правого блока обесценивала реакционная экономическая политика правящих буржуазных партий, а также стремление укрепить рейхсвер, провести ревизию конституции и усилить влияние клерикализма и национализма в культурно-политической области. Все это привело к краху политики "народного консерватизма" и социального лавирования. Этому способствовали противоречия в правящей коалиции и внутри буржуазных партий вокруг проблемы решения рабочего вопроса и отношения к Веймарской республике.

Провал попытки умеренных консерваторов временно примириться с веймарской демократией, чтобы постепенно превратить ее в авторитарное консервативное государство по типу германской империи времен Бисмарка, обусловил глубокий внутренний кризис НННП и выдвигание в ней на передний план профашистского, экстремистского крыла во главе с А. Гугенбергом и П. Бангом. На его сторону перешли староконсерваторы (Немецкая консервативная партия, сохранившая свою автономию в НННП). Правое крыло националистов стало теснее сотрудничать с фашистской партией.

Левое крыло Центра и НДП активно выступали против политики кабинета В. Маркса. Однако у них не было достаточных сил, чтобы дать эффективный отпор консервативной коалиции. Этому способствовали также недооценка опасности фашизма со стороны НДП и Центра, а также антидемократическая позиция КПП и левого крыла СДПГ, мешавшая складыванию союза сторонников Веймарской республики. И. Вирт, Й. Иоос и другие лидеры левых сил Центра не пошли на разрыв с правым руководством и образование отдельной, самостоятельной партии.

Провал курса "народного консерватизма" в середине 1928 г. имел отрицательные последствия для веймарской демократии. Во всех буржуазных партиях с лета 1928 г. усилились правые элементы, которые были готовы перейти к решительной борьбе против Веймарской республики и сотрудничать с нацистами.

В. А. Пилецкий
(Минск)

*Попытка демократической реформы школы Франции
в 1944-1947 гг.*

Изучение опыта реформирования системы образования Франции - страны с богатейшими традициями становления школьного дела особенно актуально в условиях реформы школы Беларуси.

Характерной чертой состояния образования Франции к моменту освобождения от немецкой оккупации в 1944 году являлись значительные трудности функционирования системы просвещения, вызванные войной и политикой коллаборационистского вишистского правительства. С точки зрения структуры и содержания образования Французская школа представляла собой две обособленные образовательные системы, ориентированные на работу в двух абсолютно различных социальных средах. Первая, соответственно на обучение детей из состоятельных кругов Французского общества, которым были открыты все дороги для успешного продолжения образования, и вторая - туниковая, на обучение выходцев из малообеспеченных слоёв населения.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые французской системой просвещения в деле воспитания и образования подрастающего поколения, её элитарность, в силу стремительного развития демократических процессов вызванных участием широких слоёв народных масс в движении Сопротивления в годы войны - постепенно становилась анахронизмом. В обществе зрело понимание необходимости демократической реформы французской школы, предоставившей бы равные права всем гражданам в получении образования.

Первой попыткой теоретического обоснования реформы французского образования явились представленные двумя основными политическими силами, участниками Сопротивления. Правительство генерала де Голля, сформированное в Алжире, выработало так называемый "Алжирский план". А руководство НСС, действовавшее на оккупированной немцами территории Франции, приняло разработанный коммунистом Ж. Коньо "Эскиз французской политики в области образования".

Оба документа, являющиеся по сути политическими программами в деле преобразования школы страны, естественно не могли быть приняты в качестве государственного проекта в условиях послевоенного политического компромисса сил участников Сопротивления, проходившего под лозунгом "Объединение во имя созидания".

Политический компромисс между важнейшими силами участниками Сопротивления выразился в назначении правительственной комиссии по выработке государственной программы преобразования системы просвещения, которая получила название, по имени её председателя - комиссии Ланжевена.

Временное правительство, также явившееся продуктом компромисса, несмотря на острую политическую борьбу по вопросам, связанным с перспективой развития национальной системы просвещения, сделало первые значительные шаги на пути к реформе французской школы. Было отменено школьное законодательство, принятое коллаборационистским вишистским правительством. Принят ряд важных законодательных актов, продвигающих школу к намеченной цели.

Идея демократического преобразования национального просвещения постепенно стало близка все большему количеству представителей французского общества, и находила широкую поддержку в общественных формированиях. В то же время, в связи с распадом временного правительства и образованием трехпартийной правительственной коалиции МРП,СФИО,ФКП, заметно обостряются противоречия по вопросам школьной политики в правительственных кругах.

К лету 1947 года работа правительственной комиссии по выработке проекта реформы школы была завершена. На суд общественности был представлен документ, получивший название "плана Ланжевена", и вошедший в историю как один из самых демократических проектов реформы французского образования.

Однако реформе согласно плану Ланжевена было не суждено сбыться. К 1947 году политическая ситуация в мире, в связи с началом "холодной войны", и во Франции, в связи с резким поправлением правительственного курса - значительно изменилась. Состояние политического компромисса между правыми и левыми, явившееся идеологической основой назначения комиссии и критерием реформаторской политики в школьном деле, уже отсутствовало.

Проект Ланжевена был отправлен на "обсуждение общественнос-

ти" и в итоге отклонён под предлогом отсутствия материальных средств для его осуществления. Так завершилась попытка демократической реформы школы Франции в 40-х годах XX века. Завершилась, на не прошла бесследно - последующие реформаторы французского образования использовали её опыт, как плацдарм для дальнейших преобразований.

Л. М. Ш н е е р с о н
(Минск)

*О некоторых новых тенденциях в историографии
США и Великобритании*

1. После второй мировой войны в западной историографии превалировала "интеллектуальная история" - история идей, политических партий, политической борьбы, развития общественных институтов и т.п. Использовалось психологическое обоснование исторических явлений. Резко суживался круг факторов, определяющих историческое развитие. Выпадали важнейшие исторические события, которые не укладывались в рамки идейного процесса, история идей, вырванная из общеисторического контекста, тоже обеднялась в своем значении. В США она была подчинена обоснованию исключительности американского национального духа, выраженной в непреодолимом стремлении к консенсусу, строгой верности основным ценностям американского общества.

2. 60 - начало 70-х годов ознаменовались в странах Запада ростом социальных демократических движений, радикализацией общественного сознания. Подрывались основы теории "консенсуса". В американской литературе прошла волна демифологизации американского прошлого в стиле иронии и гротеска. Как бы возрождались на новой основе времена "разгребателей грязи" начала XX в. и социальной критики конца 20 - начала 30 годов.

3. На этом фоне возрос интерес к социальным проблемам. На первый план в западной историографии стала выдвигаться "новая социальная история", характерная стремлением превратить историю в точную социальную науку. Сказывалось влияние научно-техничес-

кой революции, усилившей связь и взаимодействие между естественными и общественными науками, раскрывшей новые возможности человеческого познания, а также развитие смежных с историей наук.

4. Углубление научного подхода к истории обострило внимание к материальным факторам общественного развития, социальным структурам, у более левых историков - к роли народных масс в истории. Это не был переход к марксизму, хотя известное влияние марксизма сказывалось на радикальном крыле "новых историков". Признавая эволюцию общества по мере его индустриализации от "бесклассового" к "многоклассовому", "новые" историки утверждают при этом внутреннюю согласованность отношений "господства-подчинения", их неизменность и оправданность "социально-культурной гегемонией господствующих классов". Инициаторами критического наступления на теорию "консенсуса" в США стали исследователи истории рабства, ибо гражданская война и борьба негров за свои права не укладывались в схему "согласованных интересов". Для британской историографии перелом выразился прежде всего в отказе от вигско-либерального представления о собственной истории как истории только англичан и Англии и в понимании того, что это история всех народов Британских островов, объединившихся в Великобритании (англичан, шотландцев, уэльсцев, ирландцев).

5. "Новая социальная история" включила в процесс изучения разнообразные объекты: семья, женщины, различные категории населения, демографические проблемы, распределение материальных благ, обычаи, в конечном счете общество как таковое. Широкое развитие получило изучение истории "снизу". Не исключалось и изучение идей, но в рамках "социальной истории" исследователи отталкиваются не от анализа идеологических течений, их воздействия на общество, а от изучения поведения людей и выявления затем, какими идеями они руководствуются. Причем имеют в виду не только и не столько идеи, которые проповедаются "сверху" элитарной прослойкой интеллектуалов, сколько идеи, складывающиеся "снизу" в результате особенностей народного опыта, склада ума, психологии, т. н. "коллективного менталитета". Совершенствование клиометрических методов позволило расширить представление о некоторых аспектах исторических явлений, о демографическом факторе даже в годы отсутствия переписи населения, о специфике (экономической, социальной) отдельных районов и городов и т. п.

6. "Новая социальная история" все более приобретает междисциплинарный характер, включая в свою орбиту некоторые аспекты других гуманитарных наук, экономические науки, все шире используя методы социологии, социальной антропологии, исторической демографии, этнографии. Одновременно стала формироваться "новая экономическая история", в рамках которой сложилась количественная история и история бизнеса со специфической методикой исследования и терминологией. Тесное сближение истории с другими социальными науками, развитие междисциплинарных подходов, широкое применение клиометрических методов, будучи в основе актом прогрессивного значения, возбуждают вместе с тем обоснованную тревогу за судьбы "чистой истории", специфически исторических методов исследования, вызывают выступления ряда историков в защиту "нарративной истории". Действительно, чрезмерное социологизирование ее в математических выкладках, грозит стереть живые краски истории, науки о конкретном по своему существу.

С. И. К о м а р .
(Минск)

*Характер и содержание политических процессов
переходного периода от диктатуры к демократии
в Испании в 1975 - 1978 гг.*

Испания стала почти классическим примером мирного перехода от авторитарного режима к демократии. Этот переход осуществился путем "сверху" в два этапа: на первом произошло становление основных институтов парламентской демократии; на втором были проведены структурные реформы в экономике, увязанные с мерами противодействия инфляции, безработице и социальными реформами в пользу трудящихся. Особого внимания заслуживает первый этап (1975 - 1978 гг.). Рассматривая его содержание, отметим следующее:

1. Ликвидация франкистской диктатуры стала результатом глубокого идейно-политического размежевания в блоке сил, стоявших у власти в Испании. Новый глава государства король Хуан Карлос I и

политические деятели, сгруппировавшиеся вокруг него, оказались подготовленными к поиску выхода из кризисной ситуации на путях коренного реформирования государственно-политической системы. Необходимо отметить, что у короля и его сторонников не было подробного плана действий. Их деятельность определялась общим представлением о направлении перемен, реальной расстановкой политических сил и сложившимся морально-политическим климатом.

2. Переход от авторитаризма к демократии совершался фактически авторитарными методами. Это объясняется многими причинами. Прежде всего отметим, что Испания традиционно авторитарная страна. Огромную роль здесь играла католическая церковь с ее требованием строгого соблюдения иерархического порядка. Велика была роль и военных (стереотип повиновения, выполнения приказа). Кроме того, авторитарное начало представляла и сложившаяся система касикизма.

Испания относится к группе стран так называемого "молодого" капитализма, где буржуазное развитие стало возможным благодаря особой роли государства, которое присвоило себе некоторые функции гражданского общества, контролируя сознание и поведение населения. Поэтому переход к демократии осуществили представители старого государственного аппарата. В то же время, степень поглощения гражданского общества государством в Испании не носила всеобщего характера, и это способствовало формированию демократической политической культуры испанцев.

3. Основной политической задачей в начале переходного периода была нейтрализация противников реформ: армии, франкистских кортесов и бюрократического аппарата. Она была решена благодаря принятию Закона о политической реформе, подготовленному умелыми действиями правительства А. Суареса. Последнему удалось заручиться "патриотической поддержкой" армии. Используя франкистскую политическую традицию, в соответствии с которой кортесы не были приспособлены к принятию самостоятельных решений, он фактически навязал принятие Закона о политической реформе. Депутатам и чиновничеству было обещано включение в состав новой администрации.

4. После решения этой проблемы можно было приступить к формированию новой политической системы, и этот процесс осуществлялся путем реформ "сверху". В ходе реформ были упразднены судебные органы чрезвычайного характера, легализованы политические пар-

тии, в том числе и коммунистическая, принят избирательный закон. Важнейшим фактором формирования новой политической системы стало принятие Конституции, заложившей основы для саморазвития и самосовершенствования этой системы, для дальнейшего преодоления авторитаризма.

В. В. О д е р и х а
(Минск)

*Влияние клановых и патриархальных отношений
на ливанское общество в 1943-1975 гг.*

Ливан - уникальная страна в плане устройства её политических и общественных институтов. Так сложилось исторически, что на этой крохотной территории живут бок о бок представители самых разных религиозных общин, и Ливан, таким образом, представляет собой сообщество этих общин, сообщество, к которому не так-то просто подойти с позиций обычной демократии.

С точки зрения вестернизации, внедрения западного образа жизни, Ливан далеко обогнал другие арабские страны, однако атрибуты западной демократии в 1943-1975 гг. успешно сочетались с элементами средневековых общественных отношений, феноменом, получившим в работах некоторых авторов название "неопатриархальности" [1].

Неопатриархальность - явление, характерное не только для Ливана, но и для многих современных стран Азии и Африки, но именно здесь она проявляется в наиболее ярком и законченном виде. Объяснить феномен неопатриархальности можно, если принять во внимание то обстоятельство, что Западной Европе для перехода от феодализма к капитализму потребовались столетия. Во многих же странах Азии и Африки этот переход начался не так давно, и если в области экономики, быта и благосостояния изменения могут происходить довольно быстро, то общественное сознание и отношения в обществе изменяются крайне медленно.

Основу неопатриархальности внутри ливанского общества составляют прежде всего такие средневековые общественные институты,

как большая патриархальная семья, семейно-клановая культура классического восточного города и племенные образования. В современном Ливане неопатриархальность проявилась в широком развитии патронажно-клиентальных отношений. Целый ряд семей в стране обладают особым статусом, основанием для которого является, как правило, благородное происхождение. Вокруг таких семейств группируются кланы близких и дальних родственников. Во главе кланов стоят "заимы", чьё влияние на дела страны огромно. Престиж и место человека в обществе определяются принадлежностью или близостью к определенному семейству [2]. Вожди кланов, потомки эмиров и шейхов такие, как главы семей Джумблатов и Арсланов (друзы), Франжье и Шаунов (марониты), Салямов, Караме (сунниты), можно сравнить, по словам одного из исследователей, со средневековыми европейскими герцогами.

Неопатриархальные отношения оказывали огромное влияние на политическую жизнь страны. В начале 70-х годов, во главе страны был президент С. Франжье, вождь одного из кланов. Он постоянно поддерживал контакты с десятью наиболее влиятельными "заимами", которые контролировали своих депутатов в парламенте, а те, в свою очередь, - рядовых граждан. Реальная угроза стабильности исходила только со стороны малоимущих городских слоев, но пока "заимы" держали "толпу" под контролем, эта угроза сводилась к минимуму.

Важное значение для сохранения и поддержания клановой системы имело то, что она на каком-то этапе позволяла удовлетворять потребности человека, входящего в данный клан. Система "заимов" распространялась не только на политику, но и на все сферы жизни. Стойкость клановой системы можно объяснить тем, что в условиях быстрого развития капиталистических отношений старый уклад жизни разрушался довольно быстро, и люди, принадлежавшие к одному и тому же клану, именно в нём видели свою опору и поддержку. В этой связи весьма красноречивы слова одного из депутатов ливанского парламента: "Ваша секта - это ваша защита, это гарантия ваших прав. Вне общины у вас нет прав. Поэтому каждый держится "своих" людей" [3].

Процесс размыwania клановой системы ускорился только с ростом концентрации капиталов в сферах услуг и финансов, а также с развитием сельского хозяйства капиталистического типа в долине

Бекаа. Арендаторы, вытесненные с земли, пополняли ряды городской бедноты, всё более выходявшей из-под контроля патронов и отчуждавшейся от клановой структуры политического контроля. Так как в большинстве своем эти бывшие крестьяне были выходцами из шиитской общины, на политическую арену выступила новая политическая сила в лице "Амаль", порвавшая со старыми клановыми вождями.

1. См., например: Sharabi H. The Dialectics of patriarchy in arab society. L., 1985.
2. Johnson M. Class and client in Beirut. The Sunni Muslim community and the Lebanese state (1840-1985). L., 1986. P. 49.
3. Цит. по: Ливан в 80-е годы. М., 1987. С. 9.

Обайдула Лангар (Афганистан)

Создание промышленной базы в Афганистане (конец 70-х - 80-е годы)

1. В 1970-х годах Республика Афганистан по-прежнему оставалась аграрной страной. Основу экономики составляло поливное земледелие и пастбищное животноводство. Свыше 2/3 всего валового внутреннего производства приходилось на долю кустарной промышленности. Численность промышленных рабочих составляла всего 30 - 35 тыс. человек или менее 1% самодеятельного населения страны. По экономическому состоянию на 1977 г. Афганистан занимал 108-е место среди 129 развивающихся стран, охваченных статистикой ООН.

2. Первые шаги в направлении создания собственной фабрично-заводской промышленности были предприняты государством еще в начале 30-х годов. Этот процесс заметно активизировался во второй половине 70-х - 80-х годах, когда было создано подавляющее большинство ныне действующих крупных по афганским масштабам промышленных предприятий. Значительную роль в развитии фабрично-заводской промышленности сыграл Советский Союз. Несмотря на

политизированный характер помощи, при его экономическом и техническом содействии был создан ряд новых отраслей промышленности: газовая, авторемонтная, производство стройматериалов, химическая.

Одновременно афганское правительство поощряло и стимулировало деятельность частного предпринимательства. Из 336 предприятий фабрично-заводской промышленности в 1978 г. 141 принадлежало частному капиталу.

3. Важнейшие афгано-советские соглашения, во многом определившие темпы индустриализации Афганистана, были подписаны в 1978 - 1979 гг. В соответствии с этими соглашениями началось расширенное развитие пищевой, текстильной и добывающей промышленности. Особенно важное значение имело строительство горнодобывающего комбината на базе меднорудного месторождения Айнак, нефтеперерабатывающего завода и текстильных фабрик. К концу 80-х годов в Афганистане с советской экономической и технической помощью было построено или находилось в стадии строительства более 200 различных народнохозяйственных объектов.

4. Следует отметить, что возможности в экономическом сотрудничестве Афганистана и СССР были использованы не полностью. Главной причиной тому явилась гражданская война, поглощавшая более половины расходов бюджета Афганистана. Решение основной задачи - достижение мира и спокойствия, национального согласия - открыло бы новые, более широкие перспективы для развития афганской промышленности. Можно было бы приступить к осуществлению таких крупномасштабных проектов, как добыча месторождений меди, берита, каменного угля, нефти, что позволило бы решить задачу по вовлечению в производство природных богатств, увеличению товарных ресурсов и экспортных возможностей Афганистана.

В. М. Мацэль
(Мінск)

*Кітайская вёска на шляху вялікіх змен
(1978 - 1990 гг.)*

Значныя змены адбыліся ў становішчы сельскай гаспадаркі КНР у апошнія 15 гадоў. Ажыццявіўшы шэраг рэформ у гэтай найважнейшай для дзяржавы галіне гаспадаркі кіраўніцтва Кампартыі Кітая і яго ўрад у сціслыя тэрміны вывялі краіну з найцяжэйшага эканамічнага крызісу, здолелі вырашыць амаль фантастычную задачу: накарміць, апрануць і абуць мільярдны народ. Таму ёсць усе падставы гаварыць пра завучальны і карысны вопыт, набыты кіраўніцтвам КНР у перабудове гаспадарчага механізма і ажыццяўленні эканамічнай рэформы ў сельскай гаспадарцы.

Пачатак вялікім зменам у кітайскай вёсцы быў пакладзены III пленумам ЦК КПК адзінаццатага склікання, які адбыўся ў снежні 1978 г. Асудзіўшы "культурную рэвалюцыю" як лявацкі перагіб, пленум вырашыў распусціць "народныя камуны" з іх ураўняльным прынцыпам харчавання і поўным адчужэннем работнікаў ад сродкаў вытворчасці і вынікаў працы і ўвесці ў вёсцы розныя формы сістэмы вытворчай адказнасці. У выніку, кітайская вёска стала арэнай шырокага, у цэлым паспяховага выкарыстання падворнага ці сямейнага падрада. Цяпер на першы план ставіліся прынцыпы матэрыяльнага заахвочвання працаўніка ў выніках сваёй працы, выхаванне павагі да правоў уласнасці, поўная свабода сялян у прыняцці рашэнняў.

Галоўнымі напрамкамі рэформы ў аграрным сектары гаспадаркі Кітая сталі: дэцэнтралізацыя кіравання вытворчасцю, прырытэт матэрыяльных стымулаў і шырокае выкарыстанне цэнавага механізма, узмацненне таварнасці сельскай гаспадаркі. Поспех рэформы таксама быў абумоўлены, дзякуючы значным намаганням у справе ўмацавання матэрыяльна-тэхнічнай базы сельскай гаспадаркі, ажыўленню сельскіх кірмашоў, адраджэнню падсобных промыслаў, укараненне дасягненняў навукі і перадавой практыкі ў сельскагаспадарчую вытворчасць. Аналізуючы і супастаўляючы на асабістым вопыце розныя віды сістэмы вытворчай адказнасці, сяляне перавагу аддалі

сямейнаму падраду, які канчаткова ліквідаваў ураўнілаўку ў размеркаванні, даваў магчымасць гаспадару лішкі вырабленай прадукцыі прадаваць на кірмашы, дзе цэны былі намнога вышэй за дзяржаўныя.

Укараненне ў кітайскай вёсцы розных форм сістэмы вытворчай адказнасці садзейнічалі выяўленню ўнутраных патэнцыялаў сельскай гаспадаркі краіны, вывела кітайскую вёску са стану працяглага застою і таптання на месцы на шлях хуткага пад'ёму. Так за шэсць гадоў рэформы (1978 - 1984 гг.) КНР дабіліся прыбаўкі ў зборах зернявых культур у 100 млн. тон, вытворчасць бавоўны ў гэтыя ж гады павялічылася ў 1,7 раза. Кітай пачаў масавы экспарт сельскагаспадарчай прадукцыі.

Значныя поспехі ў развіцці аграрнага сектара прывялі да росту дабрабыту сялян, воблік вёскі рэзка змяніўся. Амаль 90% сялянства стала жыць у дастатку.

Праўда, у апошні час тэмпы росту сельскагаспадарчай вытворчасці крыху замарудзіліся, што тлумачыцца шэрагам аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў.

Нягледзячы на гэта трэба адзначыць, што вопыт кіраўніцтва КПК і ўрада аграрнымі пераўтварэннямі заслугоўвае пільнай увагі, бо Кампартыя Кітая не пайшла па шляху палавінчатых мер, што не раз было ў аналагічных выпадках у многіх краінах (у тым ліку і ў СССР), а прыняла шэраг радыкальных рашэнняў, якія ўлічвалі пажаданні сялян і спецыфіку развіцця традыцый кітайскай вёскі.

Е. Г. К о л б
(Мінск)

Эволюция голлистского движения во Франции в 80-е гг.

Для голлистского движения во Франции 80-е гг. стали временем крупных перемен, существенно изменивших облик его облик по сравнению с голлизмом 60-х - первой половины 70-х годов.

По своему социальному составу голлистская партия Объединение в поддержку республики (ОПР) все более сближается с традици-

онными правыми партиями. На протяжении 80-х гг. ОНР продолжало терять свою "народную" составляющую, которая отличала голлистское движение от других буржуазных партий. В ОНР резко снизился удельный вес рабочих и служащих при одновременном увеличении доли выходцев из буржуазных и мелкобуржуазных слоев, видевших в голлистском движении реальный противовес усилению влияния левых партий. Большинство членов партии в 80-е гг. отождествляли себя с привилегированными слоями населения и расценивали свое движение как правое или правоцентристское, тогда как голлизм 60-х годов был решительно "межклассовым" и претендовал на выражение общенациональных интересов. Изменения социального профиля голлистского движения и рефлексии его членов сопровождались серьезными переменами в системе ценностей членской базы ОНР. За короткий срок (5 - 6 лет) число сторонников идей генерала де Голля (планирование, "участие", "солидарность") резко снизилось. В партии начинают преобладать антиэтатистские настроения, сочетающиеся с приверженностью большинства членов ОНР традиционным ценностям.

Перемены в ориентациях членов и активистов ОНР позволили руководству партии радикально пересмотреть идеологию движения, не вызывая внутреннего кризиса в ОНР. Идеологическое обновление было вызвано необходимостью адаптации голлистского движения к кризису этатистской идеологии, одной из разновидностей которой и был исторический голлизм. В 80-е годы ОНР фактически отказывается от центрального постулата ортодоксального голлизма - тезиса о государственном регулировании как гарантии экономического прогресса и социальной стабильности. В основу обновленной идеологии голлистского движения были положены неолиберальные идеи минимализации государственного вмешательства в социально-экономические процессы, широко распространившиеся на Западе и успешно апробированные на практике кабинетами Р. Рейгана и М. Тэтчер. В условиях кризиса дирижистской модели регулирования ОНР связывало восстановление экономического роста и обновление производства на основе последних достижений НТР с частнопредпринимательской инициативой, освобожденной от различного рода регламентаций со стороны государственной власти, а также с возвратом к регулирующей силе рынка. В социальной сфере голлисты предлагали отказаться от проведения социальных программ "государства благосостояния", пола-

гая, что повышение жизненного уровня широких слоев населения должно достигаться не путем перераспределения доходов, а происходить в результате общего роста богатства нации на основе ускоренного развития обновленной экономики. Выступая за уход государства из социально-экономической сферы, ОНР одновременно высказывалось за усиление репрессивных функций государства во внутрисполитической жизни страны, а также отстаивало систему традиционных ценностей (семья, религия, дисциплина, ответственность и т. п.). Такой синтез технократического прогрессизма и политико-культурного традиционализма был рассчитан на привлечение к голлистскому движению как модернистских, так и консервативных слоев правого электората, на превращение ОНР в идейного лидера правых сил. Новые идеологические установки голлистского движения свидетельствовали о трансформации голлизма из реформистской разновидности французского консерватизма в консервативное течение традиционалистского типа (в современном значении этого термина).

Идеологическое обновление позволило ОНР адаптироваться к изменению условий общественного развития и, тем самым, обеспечить политическое будущее голлистского движения. В сходном направлении изменялись и установки и других правых партий, что делало правый лагерь более однородным как социологически, так и идеологически. Однако ОНР от других буржуазных партий отличало стремление к быстрому и решительному реформированию французского общества на неолиберальной основе. Такая позиция партии была одним из элементов борьбы за достижение главной цели голлистов - восстановить прежнее влияние в стране, утраченное в середине 70-х годов. Организационная прочность ОНР, активная деятельность его членов, решительная критика политики левого правительства, обновление идейных основ движения позволили ОНР подойти к выборам 1986 г. в роли признанного лидера правой оппозиции, отеснив своего главного конкурента в правом лагере Союз за французскую демократию (СФД) на роль "младшего партнера" в созданном под эгидой голлистов правоцентристском блоке ОНР-СФД. Назначение лидера ОНР Ж. Ширака на пост премьер-министра еще более усилило позицию движения. Однако двойное поражение правых сил на выборах 1988 г. вновь отбросило голлистское движение от достижения его заветной цели.

Итогом эволюции голлистского движения в 80-е годы стало его

превращение в правоконсервативное течение, как по внутренней социологии, так и по идейным установкам. Сумев адаптироваться к произошедшим в стране переменам, голлистское движение так и не смогло восстановить свое влияние во Франции и вступило в 90-е годы по-прежнему отягощенным грузом нерешенных проблем.

С. М. Б ы ч о к
(Могилёв)

*Идеология христианской демократии
как концептуальная основа нового
политического мышления*

Глобальные общественные перемены в мире, выразившиеся в антитоталитарных революциях стран Восточной Европы, крахе "социалистической" системы, окончании "холодной войны", наконец, в распаде СССР и полной смене ориентиров социально-экономического и политического развития составляющих его республик, делают актуальным вопрос об идеологической подоплёке этих потрясений международного масштаба, ставят под сомнение приоритет последнего руководства КПСС во главе с М. С. Горбачёвым в формировании постулатов так называемого нового политического мышления, распространяемого только на сферу внешней политики. Поразительно быстрое исчезновение КПСС с политической арены после августовских событий 1991 г. ясно показало, что партии, "нового типа" даже вооружённые новыми идеологическими установками, принципиально не поддаются демократическому обновлению. С другой стороны, важно отметить, что по мере развёртывания процессов демократизации в СССР, страны Запада делали синхронные шаги навстречу, всё более признавая его и государства Восточной Европы частью мирового сообщества. В этой связи можно предположить, что развитое западное общество было давно готово к восприятию нового политического мышления и, следовательно, у последнего более глубокие исторические корни, нежели те аргументы, которые приводили идеологи КПСС, ссылаясь на отдельные высказывания и тезисы классиков марксизма, имевшие "общечеловеческое" звучание. По нашему мне-

нию, исходным теоретическим источником, предвосхитившим современное политическое мышление, являлась концепция "третьего" пути, наиболее полно отражённая в идеологии христианско-демократического движения, возникшего ещё во второй половине XIX в., но получившего мощное развитие только после глобальной катастрофы второй мировой войны.

Нелишне напомнить основные постулаты новой социальной доктрины католической церкви, появившейся именно во второй половине XIX века, когда её попытка приспособиться к новым общественным отношениям в условиях победы капитализма путём блокирования с абсолютными и конституционными монархиями против буржуазной власти не принесли успеха, а с другой стороны, у церкви появился новый грозный соперник в борьбе за умы и сердца людей -- массовое рабочее движение, соединившееся с идеями социализма и несущее угрозу институту частной собственности. Оказавшись между "двух огней", официальная церковь, клир вынуждены были искать себе нового союзника вместо феодальной реакции. В период понтификата папы Льва XIII (1878-1903 гг.) совершается внутрицерковная идеологическая "революция", смысл которой был изложен в социальной энциклике Льва XIII "Рерум новарум" ("О новых вещах"), а именно: 1) частная собственность -- священный общественный институт, божественное, т. е. "естественное" право человека, краеугольный камень его индивидуальной свободы. Материальное неравенство -- естественное состояние общества. Хотя этот тезис подавался с вполне определённых классовых позиций, опыт XX века убедительно доказал его общечеловеческую универсальную значимость; 2) отказ от примата духовной власти над светской; новая позиция -- партнёрство церкви и государства; 3) осуждение революционной формы изменения общественного устройства, неизбежно связанной с насилием и, следовательно, идущей вразрез с христианской, а значит и общечеловеческой моралью; 4) признание реальности классовой борьбы и права трудящихся на организацию защиты своих интересов; 5) наконец, новый взгляд на государство, определяемое прежде всего как механизм сглаживания классовых противоречий и допущения во имя "социального мира" ограниченного регулирования экономической сферы.

Новая социальная теория католицизма находилась между двумя крайностями: буржуазным индивидуализмом и радикальными идеями

пролетарской революции. В условиях обострения классовой борьбы в международном масштабе в первой половине XX века эта теория не получила воплощения в виде политического лидерства христианско-демократических движений, но после второй мировой войны, дискредитировавшей тоталитарные формы правления, идеология "социального компромисса" получила второе дыхание: в ряде крупных стран Европы (ФРГ, Италия, Бельгия и др.) христианско-демократические партии пришли к власти. В них была успешно осуществлена послевоенная модернизация экономики на основе достижений НТР (что осталось благим пожеланием для стран "восточного" блока), создана эффективная модель "социально-рыночного хозяйства", характерная (с различными вариациями) для большинства развитых стран западного мира, создано так называемое общество "двух третей", где большинство населения является имущим, и на этой основе -- современное демократическое государство, гарантированное от рецидивов тоталитаризма и осуществлявшее "прорыв" в постиндустриальную "эру".

Таким образом, новое политическое мышление, подававшееся как "оригинальный вклад" перестраивающейся КПСС и её лидера в практику и теорию международных отношений, на самом деле уже сравнительно давно освоено западной цивилизацией в сфере собственной жизни.

А. В. Шап о
(Минск)

Экономические связи Беларуси и Германии

Подписание 16 апреля 1922 года двустороннего договора Советской Россией и Германией в Рапалло создало договорно-правовую основу для нормального развития отношений между ними. Воплотить этот договор в жизнь, перестроить все сферы советско-германских связей на основе его положений стало одной из важнейших задач внешней политики двух государств.

Договор имел важное значение для Беларуси. 5 ноября 1922 г. в Берлине было подписано соглашение о распространении его положе-

ний на ряд других республик, в том числе и на БССР. Между ней и Германией на этом основании были установлены дипломатические отношения. Однако, в связи с образованием СССР это соглашение потеряло силу, внешнеполитические функции стали прерогативой центральных органов государства.

Несмотря на это в течение 20-х годов наладились белорусско-немецкие торговые, научные и культурные связи. Уже в 1922 году в Берлине было открыто торговое представительство. БССР экспортировала в Германию весьма широкий ассортимент товаров - лесоматериалы, пушнину, лекарственные травы, конский волос и др., а закупала Беларусь там прежде всего промышленное оборудование, инструменты, тракторы и другие товары.

19 марта 1992 года в Минске подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германией. Бывший заместитель генерального канцлера, министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер этот акт оценил как весьма важное событие и подчеркнул, "что обе стороны исполнены решимости ориентировать свои отношения на перспективу, с уверенностью смотреть в будущее".

Сотрудничество с Германией рассматривается ныне как одно из приоритетных направлений внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь.

В 1991 году объем экспорта республики в ФРГ составил 53114,2 тыс. инвалютных рублей (в т.ч. в СКВ 36973 тыс. инв. рублей), объем импорта - 49865,2 тыс. инв. рублей (в том числе в СКВ - 33109,8 тыс. инв. рублей).

В общем объеме экспорта республики поставки в Германию в 1991 году составили 5,2%, а ее импорт из Германии - 13,9%. Созданы более 40 совместных предприятий, отдельные из которых успешно работают. В объеме экспорта совместных предприятий экспорт в ФРГ составил в 1991 году 55,8%. В объеме импорта совместных предприятий, импорт из ФРГ составил 66,1%. Самым крупным совместным предприятием является "Белвест", объем производства которого в 1991 году составил 238 млн. рублей. В настоящее время ведется подготовительная работа по созданию СП с участием крупнейшей кондитерской фирмы ФРГ "Бальзен" и объединения "Коммунарка", а также этой фирмы и кондитерского магазина "Ромашка" в Минске. Планируется создание СП с участием фирмы ФРГ "Транс-

лик" на базе одной из гостиниц г. Минска.

В январе 1992 года подписаны соглашения между немецкой компанией "КПМГ Дойче Тройханд Гезельшафт" и правительством Беларуси, а также между фирмой "Транслик" и Госэкономпланом о консультационных услугах в различных областях экономики в период перехода республики к рыночным отношениям.

В настоящее время осуществляется ряд проектов в сфере подготовки квалифицированных кадров в школах бизнеса и центрах подготовки менеджеров на территории Германии. С помощью немецких партнеров в г. Минске создан Международный институт менеджмента.

Расширяются деловые связи Республики Беларусь с землей Северный Рейн-Вестфалия. Во время ее посещения правительственной делегацией республики подписано совместное коммюнике о развитии сотрудничества, созданы рабочие группы специалистов для разработки конкретных проектов.

В ходе недавно состоявшегося визита в ФРГ правительственной делегации проведены переговоры в министерстве экономики о возможности финансирования отдельных проектов республики. Подписано соглашение между Белвнешэкономбанком и консорциумом немецких банков АКА (18.03.92). В результате Белэкономвнешбанк признан немецкой стороной партнером в реализации гермесовского кредита, что облегчит принятие окончательного решения правительством ФРГ и страховой компанией "Гермес" по предоставлению Республике Беларусь кредита на льготных условиях.

Одновременно Министерству экономики ФРГ был передан проект соглашения между правительством Республики Беларусь и правительством Федеративной Республики Германии о развитии сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники.

В развитие проводимой в Республике Беларусь работы по привлечению иностранных кредитов немецкой стороне, Министерству экономики, консорциуму немецких банков АКА и страховой компании "Гермес" направлены предложения с уточненным перечнем приоритетных инвестиционных проектов по различным отраслям народного хозяйства, их реализация планируется за счет немецкого кредита с предоставлением государственных гарантий на его погашение. В перечень включены 18 проектов на общую сумму кредита, превышающую 1330 млн. немецких марок.

В число основных экспортируемых из Беларуси в 1 квартале

1992 года в ФРГ товаров входят аммиак, велосипеды, волокна штапельные, стекловолокно, кислоты, ткани синтетические, тракторы, белье, грибы, двигатели авиационные, искусственные нити и жгуты, мазут, продукты переработки нефти, мебель, плиты древесноволокнистые, удобрения, фанера, запчасти.

Беларусь импортирует из ФРГ: аккумуляторы, красители, смазочные материалы, машины электромеханические, упаковку, двигатели, инструменты и приборы медицинские, оборудование для переработки мяса, приборы, реагенты, станки, запчасти.

Вышеприведенные факты говорят об активном развитии белорусско-германских связей, заложенных Рапалльским договором. Традиции рапалльских договоренностей влияют на современные отношения между нашими странами.

А. А. Р о з а н о в
А. А. Ч е л я д и н с к и й
(Минск)

О национальной безопасности

Одной из важнейших задач, вставших перед руководством Беларуси после обретения ею политической и экономической независимости и государственного суверенитета, является разработка и реализация комплексной концепции национальной безопасности республики с учетом зарубежного опыта, накопленного в этой области. Такая концепция не сформулирована даже в самых общих, правовых положениях, не говоря уже о какой-либо детализации. Практически не ведутся сколько-нибудь серьезные научные исследования в данном направлении. Нередко национальная безопасность отождествляется с безопасностью государственной, рассматривается изолированно от международной безопасности. Это - косвенное проявление недостаточно высокого уровня политической культуры, определенного дефицита теоретико-аналитических заделов, отвечающих современным условиям развития Беларуси как самостоятельного государства, субъекта международного права.

Традиционно безопасность идентифицировалась в первую оче-

редь с ее военно-политическими аспектами, обеспечением прежде всего внешней и особенно военной безопасности. В последние годы у нас и за рубежом предпринимаются попытки переосмыслить содержание национальной безопасности, выйти за пределы зауженного, одномерно-военного ее понимания. Обнаружилось тяготение к более широкому и объемному подходу к безопасности, взятой в единстве ее военных, политических, экономических, технологических, информационных, экологических и иных аспектов. Национальная безопасность должна так или иначе отражать многообразие национальных интересов и потребностей государств, их геополитические и геостратегические предпочтения, уровень благосостояния народа, степень обеспечения прав человека и основных свобод, другие факторы.

Сегодня специалисты придерживаются мнения, что концепция национальной безопасности представляет собой систему научно обоснованных и официально принятых взглядов на пути, средства и механизмы защиты от внешних и внутренних угроз жизненно важным интересам государства, обеспечение независимости, территориальной целостности и политической стабильности, возможности устойчивого социально-экономического развития. Внутренняя безопасность обеспечивается политической и экономической стабильностью и общенациональным согласием, внешняя - политико-дипломатическими и военными мерами.

Обратимся к опыту США в области постановки и решения проблемы национальной безопасности. Сам термин "национальная безопасность", как считается, введен в американский политический лексикон президентом Теодором Рузвельтом в 1904 г. До 1947 г., т.е. до принятия специального закона о национальной безопасности, он употреблялся главным образом в смысле "оборона". В законе же национальная безопасность рассматривалась уже в более широком плане - в плоскости интеграции внутренней, внешней и военной политики.

Проблемы национальной безопасности составляют главный стержень исследовательской деятельности школы "стратегического анализа" в США, которая занимается комплексной разработкой вопросов стратегии - долгосрочных дипломатических, экономических, военных и идеологических акций. По мнению одного из наиболее известных представителей этой школы Г. Киссинджера, политика националь-

ной безопасности в широком смысле охватывает все действия, с помощью которых то или иное общество стремится обеспечить свою жизнеспособность или осуществить свои задачи на международной арене.

Проблемы национальной безопасности США детально рассматриваются на самом высоком правительственном уровне и служат объектом тщательного анализа широкого круга военных и гражданских экспертов. В соответствии с поправкой Голдуотера - Николса к закону о национальной безопасности от 1986 г. президент регулярно представляет конгрессу обстоятельные доклады "Стратегия США в области национальной безопасности". Таким образом, американская политическая традиция лишней раз подтверждает, что национальная безопасность требует пристального внимания государственных деятелей и специалистов, теоретиков и практиков.

В соответствии с законом о национальной безопасности 1947 г. в США был образован Совет национальной безопасности (СНБ). Опыт функционирования СНБ в США показал целесообразность наличия такого органа в структуре президентского аппарата. Некоторые восточно-европейские страны и государства-участники СНГ (в целом весьма чувствительные к восприятию "американского образца") сформировали аналогичные органы. Например, в Польше в ведомстве президента создано Бюро национальной безопасности (БНБ).

Нет возражений против образования СНБ и у нас, как это предусматривается проектом Конституции (Основного Закона) Республики Беларусь. Но желательно было бы четче определить его функции. Имеется в виду следующее. СНБ должен консультировать президента по вопросам национальной безопасности, давать советы, т.е. выступать в роли консультативного, совещательного органа. В обязанность СНБ не входит принятие решений - это прерогатива президента. Кроме того, как представляется, СНБ должен координировать, согласовывать работу всех учреждений и ведомств, так или иначе причастных к обеспечению национальной безопасности. Именно последнее обстоятельство, кстати, было решающим при создании СНБ в Соединенных Штатах.

А. В. Г у р к о
(Гродно)

*О роли письменных источников вайшнавов
(кришнаитов) в формировании их образа жизни
(на примере Беларуси)*

В течение практически всего периода зарождения и развития движения Харе Кришна в нашей республике, распространение учения происходило, по большей части, через письменные источники. Причины этому - нелегальные и полунелегальные условия функционирования общин вайшнавов, вплоть до последнего времени; низкий уровень подготовки проповедников и руководства общин. С другой стороны, сама по себе проповедь знания, изложенного в религиозно-философских текстах, не так эффективна, как самостоятельное и вдумчивое изучение этой доктрины.

Эти факторы определили некоторые закономерности распространения учения вайшнавов в Беларуси. Тексты книг вайшнавов достаточно трудны для понимания. Предполагается, что для чтения их и глубинного понимания, необходимо определенное состояние сознания, отличное от обыденного. Достижению такого состояния сознания должны способствовать правила, рекомендации и методы йогической практики, приведенные в приложениях ко всем книгам вайшнавов. Использование этих методов позволяет глубоко воспринимать текст, переживать его как часть своего собственного опыта. С другой стороны, восприятие священного текста (в основном, как известно, распространялись и распространяются тексты Бхагавад-Гиты с комментариями Шрилы Прабхупады) дает основание к пересмотру событий реальной жизни и осознания себя частицей священной истории. Это ведет к переоценке шкалы ценностей и изменению образа жизни, в соответствии с идеалом, отраженным в книгах вайшнавов.

В то же время, в книгах сообщается, что высший сакральный смысл источника можно понять лишь после особого посвящения, принятого от учителя, принадлежащего к цепи ученической преемственности. Это определяет приход человека, заинтересованного в получении знания, в общину, имеющую постоянный контакт с учителями

высших посвящений. Таким образом, священные индуистские тексты, в интерпритации авторитетов движения Харе Кришна, а также сочинения современных учителей, воспринимаются читающими их как ориентиры, определяющие образ жизни, в глубинные смыслы которой приходится проникать ради постижения цели существования, избавления от страданий.

В процессе этого пути происходит трансформация психики изучающего, изменяется система ценностей, формируются новые подходы в отношениях с окружающим миром.

Распространение учения и движение вайшнавов на территории Беларуси происходило и ныне происходит, в значительной мере, через письменные источники, которые активно пропагандируют представители движения Харе Кришна. Каждый примкнувший к движению ориентируется на распространение литературы, как на один из самых действенных способов богослужения. Непосредственное чтение литературных источников трактуется как обретение Сознания Кришны. Использование специальных медитативных методик делает процесс изучения источников эффективным способом трансформации психики постигающего их, чтобы подготовить неофита для дальнейшего участия в движении Харе Кришна.

ЗМЕСТ

Секцыя. Метадалагічныя праблемы гісторыі і метадыкі выкладання гістарычных дысцыплін.....	11
Г. Н. Яковлева. В поисках нового видения истории.....	11
Л. Я. Шульга. Историзм, историческое сознание и нацио- нальное самоутверждение.....	13
В. М. Чарапіца. Гістарычная культура: праблема і пошукі..	15
О. И. Ханкевич. Цивилизации прошлого. К вопросу о сущ- ности ранней государственности.....	17
А. Н. Нечухрин. Попытки обоснования цивилизационного подхода к истории в русской науке начала XX века.....	20
А. І. Каданчык. Да метадыкі вывучэння агульначалавечага і класавага ў гістарычных дысцыплінах.....	22
Л. Е. Лойко. Концептуальные основания курса методологии в преподавании исторических дисциплин.....	24
М. М. Сакалова. Спецкурс па філасофіі гісторыі для студэнтаў гістарычных факультэтаў.....	26
Г. Я. Каданчык. Праблема і шляхі гуманізацыі гістарычнай адукацыі ў ВНУ.....	28
В. К. Коршук. К вопросу об изучении истории на неисторических факультетах вузов.....	30
П. Кобринец. К вопросу о критериях при подготовке учебной литературы по истории советского общества.....	32
А. М. Люты, М. К. Сакалоў. Аб некаторых канцэптуальных падыходах да праграмы курса "Гісторыя Беларусі".....	34
А. Ф. Рацько. Некаторыя аспекты вывучэння першабытнай гісторыі Беларусі на гістарычным факультэце Мінскага педінстытута.....	36
О. В. Петровская. Проблемы преподавания истории южных и западных славян.....	38
Игумен Никон (Лысенко). Методологические проблемы преподавания церковной истории в духовных и светских высших учебных заведениях Республики Беларусь.....	40
В. В. Сафонова. Да пытання выкладання гісторыі Беларусі ў агульнаадукацыйных школах рэспублікі (50-80-я гады).....	42
Н. В. Сержанина. Изучение внешней политики СССР в средней школе.....	44

В. Ф. Кушнер. Аб канцэпцыі "Беларускага гістарычнага часопіса".....	46
А. А. Гужалоўскі. Музеі і гістарычная навука.....	48
Л. И. Бородин. Историческая информатика: международный и междисциплинарный аспекты.....	50
Е. А. Федосик, О. А. Яновский. Об использовании математических методов исследования в историческом образовании и исторических исследованиях.....	53
В. Н. Сидорцов. На пути к концепции компьютеризации преподавания истории.....	55
Е. Н. Балыкина. Опыт создания компьютерной технологии обучения истории.....	57
L. Breure. Historical data processing and mainstream computing: two different world?.....	60
Секцыя. Гісторыя старажытнага свету і сярэдніх вякоў....	
О. В. Перзашкевич. К вопросу о древнеиндийских брахманах, брахмавидья.....	63
А. М. Кротаў. Культура Бактры эпохі Вялікіх Кушан.....	64
А. А. Прохараў. Аб значэнні конскіх спаборніцтваў у быліне "Іван Гасціны сын" в улікам індаеўрапейскіх паралеляў.....	66
Г. И. Довгяло. Белорусы - Востоковеды XIX в. (Древний Восток).....	67
І. А. Лісавы, К. А. Рэвяка. Вывучэнне антычнасці беларускімі вучонымі да XX стагоддзя.....	69
Г. В. Кириллов. Космогенез и смысл жизни гностиков в "Апокрифе Иоанна".....	71
В. В. Виц-Маргулес. Раннее христианство и античное свободомыслие.....	74
В. А. Фядосік. Некаторыя рысы антычнахрысціянскага менталітэту (па матэрыялах пасіёнаў і актаў хрысціянскіх пакутнікаў).....	76
Л. В. Харичкова. Религиозная политика Диоклетиана и Галерия.....	78
І. А. Еўтухоў. Старанікейская канцэпцыя чалавека (Афанасій Александрыйскі).....	80
А. М. Сурта. Хрысціянская царква ў Рымскай Галіі.....	82

О. И. Малюгин. Борьба римско-католической и иро-шотландской церковей за преобладающее влияние в Британии до собора в Уитби.....	84
С. Я. Рассадзін. Аб ранніх германцах у землях Беларусі...	85
Я. Р. Рьер. Да сацыяльнага развіцця ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе ў раннім сярэднявекюі.....	89
О. В. Келлер, И. П. Сушкевич. "Саксонское зеркало" - памятник по истории средневековой Германии (XIII в.).....	91
Секцыя. <i>Гісторыя славян</i>	94
И. Е. Ширшов. Славянская идея и культурная политика.....	94
А. А. Егорейченко. Хронология милоградской культуры.....	96
Э. М. Загорульский. Летопись и славянское расселение.....	98
В. С. Вяргей. Славянскія паселішчы V-VIII ст. на Беларускім Палессі.....	100
Д. З. Снетков. Щит на вратах Царьграда.....	103
Л. Л. Міхайлоўская. Бітва пад Оршай вачыма сучасніка... ..	105
О. Э. Проценко. Белорусско-литовские и русские летописи и хроники о событиях ливонской войны на территории Белоруссии.....	107
А. А. Яноўскі. Захады Івана Грознага на захоп і ўтрыманне зямель Вялікага княства Літоўскага ў гады Лівонскай вайны.....	110
В. Канановіч. Вялікае княства Літоўскае і палітычная сітуацыя ва Усходняй Еўропе ў канцы XV ст.....	112
Л. П. Сушкевич. Из истории польской общественно-поли- тической мысли XVI в. (Анджей Фрыч Моджевский).....	115
Р. М. Новик. Положение плебейских масс города в польской публицистике XVI в.....	116
Т. Т. Кручковский. Люблинская уния в оценке русской дооктябрьской историографии.....	118
Г. В. Васюк. Православная церковь в Речи Посполитой во время правления Владислава IV (1632-1648 гг.).....	120
И. И. Синчук. К атрибуции тынфов Яна Казимира (1666-1666 гг.).....	122
Я. К. Анішчанка. Звычайны гандаль (аб дзейнасці пагранічных камісій паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай імперыяй у першай палове XVIII ст.).....	125

И. В. Пантюк. Санитарно-эпидемиологическое состояние войск русской и польской армий в связи с эпидемией холеры в период польского восстания 1830-1831 гг.....	127
С. В. Пазняк. Заходняе земства і польскае пытанне.....	129
Е. Д. Смирнова. История южных и западных славян в трудах белорусских историков в XIX - нач. XX в.....	131
П. В. Боянков. Скорбященская церковь при минском училище слепых - пример народной стройки.....	133
Н. Н. Мезга. Проблема белорусского меньшинства в Польше в советско-польских отношениях (1921-1926 гг.).....	135
Ю. В. Кітурка. Погляды Ю. Пілсудскага на палітыку русіфікацыі.....	137
А. А. Титова. Проблема аграрной реформы в Польше как фактор переворота Пилсудского.....	139
А. Ю. Васько. Да пытання ўзнікнення і дзейнасці Арміі Краёвай у заходніх абласцях Беларусі ў перыяд нямецка-фашыскай акупацыі.....	141
 Секцыя. Расійская гісторыя.....	
В. И. Галко. Историко-тектологическое исследование Пролога первой редакции мартовской половины (по спискам XIII-XVII вв.).....	144
В. В. Пупа. М. М. Карамзін аб адносінах паміж Маскоўскім і Вялікім княствам Літоўскім у XIV ст.....	146
М. Т. Авсиевич, Н. Ф. Белоус, Е. А. Борисов. Державин и Белоруссия.....	149
В. А. Теплова. М. Н. Банкаревич - деятель русской культуры.....	151
И. В. Каменская. Организация центрального управления министерства народного просвещения России в нач. XIX в.....	153
Ю. А. Блашков. Организация новых военных поселений в России (аспект выбора территории).....	155
И. А. Груцо. Судьба наполеоновских "орлов" (эпизод из истории Отечественной войны 1812 года на Беларуси).....	157
І. Л. Качалаў. Уплыў рамантызму на ідэйны змест тэорыі афіцыйнай народнасці.....	160
В. С. Касмылёу. І. Ю. Сянкоўскі.....	162

С. А. Кузнецова. Федзей Булгарын і заходнерусізм.....	165
Д. И. Лазарева. Проблемы национальной культуры в идеологии общественных движений России в первой половине XIX века.....	167
С. Б. Жарко. Гражданская война в США и российская демократическая печать.....	169
И. В. Оржеховский. Правительственная политика и земская реформа.....	171
В. В. Сергеенкова. Начальное образование и Устав о воинской повинности 1874 г.....	174
О. В. Голикова. Источники для изучения общественного мнения по проблемам внешней политики России 70 - 90 гг. XIX в.....	176
В. А. Михецько. М. Вебер и проблемы изучения русского либерализма конца XIX - начала XX в.....	178
И. М. Медведев. Формирование белорусской национальной интеллигенции на рубеже веков.....	179
К. М. Бондаренко. Буржуазные и помещичьи партии России на территории Беларуси в 1905 - 1907 гг.....	182
М. М. Забаўскі. Дзяржаўная Дума ў палітычным жыцці Беларусі.....	184
И. В. Шардыко. Политика кадетов в Белоруссии в 1917 г.....	187
Т. Л. Пухова. Новые подходы в освещении истории Февраля 1917 г.....	190
Г. Л. Цвирюк. Тактика политических партий в период выборов во Всероссийское Учредительное собрание (на материалах Белоруссии и Западного фронта).....	191
М. Г. Жарков. К вопросу о закономерности Октябрьской революции.....	194
Л. П. Ждановская. Ленинская концепция общественно-политического контроля.....	196
А. А. Рубан. Современный подход к проблеме голода на Украине.....	198
М. С. Корзун. Приходы русской православной церкви.....	200
Секцыя. Гісторыя новага і навейшага часу.....	203
Л. А. Лунева. Из истории взаимоотношений иерусалимского	

патриархата с русским правительством (XV-XVIII вв.).....	203
Ю. Е. Ивонин. И. К. фон Энгель о запорожском казачестве..	205
Н. Е. Орлова. Проблема начального образования в Англии в конце XVIII - начале XIX вв.....	206
Ф. М. Наливайко, Е. Е. Станкевич. Борьба польского населения Силезии против политики германизации.....	209
Л. Н. Геранин. Германская социал-демократия XIX - начала XX в. между революцией и реформой: пример Магдебурга.....	211
У. С. Кошалеў, К. А. Далгучыц. Характер і змест грамадска-палітычнага крызісу 1879-1882 гг. у Егіпце.....	213
И. А. Гаммершмидт. Общественное мнение России и международные отношения в 80-90 гг. XIX в.....	216
В. А. Острога. Подготовка научных кадров в Беларуси по новой и новейшей истории (1919-1941 гг.).....	218
М. Г. Елисеев, О. Г. Радькова. К вопросу о развитии исторической германистики нового времени в Беларуси (1921 - 1945 гг.).....	220
В. А. Космач. Внешняя культурная политика в германской истории новейшего времени.....	223
Р. Р. Лазько. Задачи вывучэння знешняй палітыкі Польшчы (1918 - 1939 гг.).....	224
И. Ф. Дешко. Советско-германское военное сотрудничество.....	227
Е. А. Бровкин. Польско-американские отношения в 1924 - 1929 гг.....	229
Г. А. Космач. Образование правого буржуазного блока в Германии и его политический курс в конце.....	230
В. А. Пилецкий. Попытка демократической реформы школы Франции в 1944 - 1947 гг.....	233
Л. М. Шнеерсон. О некоторых новых тенденциях в историографии США и Великобритании.....	235
С. И. Комар. Характер и содержание политических процессов переходного периода от диктатуры к демократии в Испании в 1975 - 1978 гг.....	237
В. В. Одериха. Влияние клановых и патриархальных отношений на ливанское общество в 1943 - 1975 гг.....	239
Обайдулла Лангар. Создание промышленной базы в	

Афганистане (конец 70-х - 80-е гг.).....	241
В. М. Мацэль. Китайская вёска на шляху вялікіх эмен (1978 - 1990 гг.).....	243
Е. Г. Колб. Эволюция голлистского движения во Франции.....	244
С. М. Бычок. Идеология христианской демократии как концептуальная основа нового политического мышления.....	247
А. В. Шарапо. Экономические связи Беларуси и Германии.....	249
А. А. Розанов, А. А. Челядинский. О национальной безопасности.....	252
А. В. Гурко. О роли письменных источников вайшнавов (кришнаитов) в формировании их образа жизни (на примере Беларуси).....	255

Кошт двух выпускаў

Падпісана да друку 15.01.93. Фармат 60x84/16
Наклад 250 Аб'ём двух вып. 33,1 д. а., 26,5
улікова-выд. арк. Зак. № 14

